

Владимир Шкаликов
НЕОТКРЫТЫЕ ЗАКОНЫ
Роман
Книга II. ЗАГОВОР ТЕНЕЙ

"Не бойтесь убивающих тело..."
Матф. 10.28.

Часть I
СУПЕРМЕН

"Мы распределили вам смерть, -
и Нас не опередить!"
Коран. Сура 56, стих 60.

Дотошный внук (*предисловие первое, героическое, то есть геройское, то есть написанное самим героем романа, то есть мною, Малюхиным Евгением Владимировичем*).

Мы узнаём себя чаще не в детях, а в детях своих детей. Это закон природы. И любим поэтому больше внуков, чем детей. Это закон породы.

Наблюдение сие сделано над собой и может претендовать на закон природы и породы, разумеется, только в неких границах. Например, в границах Томской области, ибо за этими границами Малюхиных не водится. Или даже ещё теснее - в пределах наших с Михаилом отношений. Его отец, Матвей Евгеньевич, сам по себе человек, конечно, замечательный. Мы с Михаилом любим его. Но законы природы и породы - дело всё же нас двоих.

Я понял это, когда Михаилу натикало два с половиной года. Хорошо помню тот вечер. Я сидел в своей комнате на топчане, а он стоял рядом и смотрел, как я ему читаю. Даже помню, что читал английские шутки в переводе Маршака: "Шалтай-Болтай сидел на стене". Поскольку стишок я знал на память, то, читая, успевал подглядывать за внуком. А он подглядывал за мной, и нам было весело. А потом он вдруг серьёзно спросил: "Дед, как ты читаешь?" Он тогда ещё даже не выговаривал шипящие: "Дед, как ты читаешь?" Тем удивительнее было услышать ТАКОЙ вопрос от такого клопа. Я, помнится, важно ответил: "Буквы знаю". И стал показывать, как это делается: буква к букве, слог к слогу...

Потом в первом классе он вместо учительницы читал деткам вслух из букваря - со скоростью взрослого. А дома развлекался уже сочинениями "для среднего школьного возраста" - Даниэля Дефо он прорабатывал.

Мы всегда были с ним друзьями, без каких-либо возрастных охлаждений и отчуждений. Мы всегда были в одном возрасте, и я этим тайно гордился.

Так вот, когда нам прозвонило пятнадцать лет, он явился, как обычно, в мою комнату, положил сумку с учебниками, как всегда, на верстак, уселся передо мной, читающим что-то своё уже в плюсовых очках, и сообщил:

- Дед, ты знаешь, что свои ошибки дороже чужого опыта?

Я оценил, что формула хороша, и ответил цитатой из Нилина:

"Глупость - самая дорогая вещь на свете". Он хохотнул и подытожил: "Всё, как всегда, совпало".

И спросил, смогу ли я пожертвовать для него небольшую часть своей жизни.

- Как прикажешь понимать?

Тогда он объяснил, что давно уже учится на моих прошлых ошибках, которых я перед ним великодушно не скрываю, но всё же одну ошибочку мы оба проглядели: надо было всё подробно записывать.

- Ты что, открыл у себя врожденный склероз? Или недавно головку ушиб?

- Нет, дед, идея богаче. К твоему жизнеописанию я буду для моих внуков прибавлять своё и папкино...

- Так тебе папка и расскажет...

- Ну, это в идеале. Но и через поколение - тоже нормально. Стану сыщиком, как ты, и внука тоже научу - династия!

- Мёртворождённая идея, - сообщил я. - Пусто.

- Обоснуй.

- Ты сам обосновал: "Свои ошибки дороже чужого опыта". Или нет?

- Но это ведь как понимать, - Михаил не любил сдаваться. - Ты ведь тоже говорил насчёт глупости...

Одним словом, он меня уломал, это всегда ему удавалось. Но я поставил условие:

- Без магнитофона. Мне микрофон мешает.

- Почему?

- Потом поймёшь. Будем беседовать по часу в день - и записывай перед сном по памяти, это полезно.

Он согласился и предложил начать сразу.

- Расскажи, как ты в бабу Алю влюбился.

- Да этот-то опыт тебе зачем? Этому не научишься...

- Ну де-е-ед... Это же... красиво! С двенадцати лет - и до сих пор... А у меня как-то не сложилось.

Есть над чем подумать.

Я рассказал. И про бабу Алю, и про Витюшку Макова, и про братьев Бычковых, и про Игната, и про Ивана Терехова, и про дядю Севу... Много дней по часу он слушал мои рассказы, потом засовывал в свою сумку что-нибудь из моих новых книг: "Почитаю на досуге" и убегал домой. Когда только успевал - и уроки учить, и записывать наши беседы, и ещё читать?! Я уж и не заставлял его показывать записи, чтобы сберечь время. Договорились, что потом покажет всё сразу.

И вот моя жизнь наконец передо мной. Отпечатана на принтерной бумаге, следовательно, запрятана Мишкой в память компьютера. Он, подлец, перехитрил меня. В сумке приносил очень медленно работающий диктофон, а дома попросту перегонял запись в компьютер и получал таким образом свой час обратно, даже с избытком - хоть читай, хоть гуляй, хоть учи уроки. А летом, отдыхая от физического труда, оформил всё литературно.

Гуманитарные способности у внука - не чета моим: жизнеописание получилось и складным, и с моим, так сказать, речевым колоритом. А записки Мефодия Ханова он воспроизвёл бережно-дословно, прямо из тетради, которую я давал ему на денёк. Отсканировал.

Вот и всё предисловие. Будет и эпилог. Сочинил его Михаил, а я только воспользовался равноправием и дописал "особое мнение", чтобы ты, внук моего внука (и, как обещано, мой тёзка), сделал с Мишкой (с твоим дедом, Мих Матвеевичем), то же, что он сделал со мной. А что он сделал, узнаешь, когда дочитаешь. Надеюсь, у тебя хватит воли не заглядывать в конец раньше срока. Тем более, что за этим концом последует ещё одно предисловие...

Ну, Евгений Малюхин-Самый Младший, до встречи в эпилоге.

Первая и единственная.

О своих любовных делах мужчина рассказывать не должен вообще. Разве что упомянуть двумя словами, по делу, для примера, какую-нибудь поучительную деталь. Не называя имён и адресов. Ибо опыт сей неповторим, а честь и память - неприкосновенны. Но коль речь идёт о твоей бабушке, да ещё в детстве, да если тебе кажется, что сравнение моей удачи с твоей неудачей может быть тебе полезно - изволь. Хотя я предпочитаю на этот счет остаться в сомнениях. Любовь посылает нам Боженька, а когда Он сподобится это сделать - нам знать не дано. Наше дело разглядеть подарок, а потом - в процессе пользования - не сломать. Только и всего. Для двенадцатилетних это, полагаю, большая редкость. Будем считать, что у меня - совпало. А у тебя совпадёт попозже, лет в семьдесят, какие твои года...

Итак, было мне двенадцать... Про дядю Севу я тебе рассказывал? Придётся рассказать, бо он тут немного причастен. Он в моей жизни ко многому понемногу причастен.

Это был человек великого ума, души и роста. Он всё время что-нибудь изобретал и попутно о ком-нибудь заботился. А если располагал временем, то главным его занятием была забота о ком-нибудь и уж попутно - изобретательство. У кого-то из поэтов есть о нём хорошая пара строк: "Он принимал не близко к сердцу, он прямо в сердце принимал". И сердце из-за этого побаливало.

Однажды летом - как раз после моего двенадцатого дня рождения - он явился к нам в состоянии крайнего счастливого возбуждения. Дословно не помню, но воспроизведу близко к тексту - он с порога вскричал:

- Все сюда! Евгешка (это мне), не отходи, вот тебе большая груша и смотри на меня! Володька, Надюшка (это родителям), сюда! Станьте вон там и смотрите на меня! Перед вами Великий Доктор Дорошенко, Всеволод Серафимович, мастер всех магий, создатель всех чудес света, начиная от номера седьмого и далее! Отсмотрели, запечатлели - к столу! Носов не мыть, не поправлять причёсок, я вас такими желаю видеть, не отлучаться, мне нужны ваши восторги немедленно, и у меня есть шампанское!

Под этот сумбур он выкладывал из портфеля разные фрукты, сладости (или сласти? всегда путаю), выставлял шампанское, а мои родители переглядывались, и мама сказала отцу:

- Он опять что-то ужасное сконструировал.

Было сказано достаточно громко. Доктор услышал, свирепо вдохнул, чтобы возмутиться, но пар из него тут же вышел, он мирно сел в своё любимое, единственное в доме, кресло и, открывая шампанское, со вздохами сказал, что на этот раз надеется на лучшее.

- Что же ты придумал на этот раз?

Он эффектно пальнул пробкой в потолок, разлил вино по бокалам и уж тогда вынул из портфеля ЭТУ ШТУКУ. Она по виду была похожа на круглый фонарик, только вместо стекла имела выпуклость

со щелью. Он показал, как эту щель регулировать, чтобы сделать луч поуже или пошире. А там, где выключатель, было вырезано крестом, чтобы кнопка двигалась и вперёд-назад, и вправо-влево. По нарисованным символам было понятно, что луч может нокаутировать, остановить или обратить в бегство. Четвертое положение называлось "фул-пруф" - "защита от дурака": ежели туда сдвинуть кнопку, из щели выдвигается штырь, излучает во все стороны, и всё живое в радиусе 200 метров панически разбегается, в том числе и сам дурак, если раньше не упадёт без памяти... Генератор вырабатывал инфразвук. Знаешь, что это такое? Моряки называют его - "голос моря". Он возникает при ураганном ветре над очень высокими океанскими волнами. Люди в панике покидают корабли даже в сотнях километров от эпицентра. Возможно, так гибнут и самолёты - и не только над океанами.

- Лучи страха, - сказала моя мать.

- ЛУСТ! - воскликнул дядя Сева. - Так и назовём! "Лучи страха", или "Лучевое устройство" - ЛУСТ, гениально.

- Ничего себе оружие, - сказал мой отец.

- Ты что, Володька! Это - для пастухов! Представляешь - лучевой кнут, забор из лучей - ни одна скотина не убежит!

- Особенно двуногая, - согласилась мама.

Даже я понял мгновенно, что к чему. Остановить армию врага, очистить город от людей, разогнать демонстрацию - делать нечего. А у великого Дорошенки была на этот счёт в голове какая-то прореха. Много позже, когда познакомился с другими его изобретениями, я просто потрясён был, как можно не увидеть боевого применения. Чего стоит, например, его электромагнитная труба для передачи сгустков энергии на большие расстояния! От трубы к трубе, без проводов и, значит, без потерь, летят шаровые молнии, а на месте получения из них, как шёлковую нитку из кокона, извлекают электричество. А хранилище шаровых молний?! Фантастика! Только сбивать ими летающие объекты - додумались другие. А дядя Сева только запоздало возмутился. Ну, можно считать такого изобретателя нормальным человеком, если все кругом - оборонные маньяки?!

Словом, тут же, за шампанским, семья Малюхиных объяснила Мастеру всех магий, что всем силовым ведомствам очень понравится его "фонарик".

- Тогда пропади он пропадом! - сказал дядя Сева. Сказал как-то слишком спокойно, бросил чудо технической мысли в портфель и объявил тост:

- Нехай на Земле не будет зла.

Выпил - и я увидел, как падает человек в инфаркте. Ничего особенного: просто лицо становится нездорово бледным, в глазах - тоска, во всём теле - огульная млявость, то есть полное расслабление. Ничего особенного, но почему-то видеть это жутко.

Увезла великого "скорая помощь", и родители мои с ним уехали, а мне было велено навести дома порядок.

Понятно, что я начал приборку с портфеля. И ничего удивительного, что незастёгнутый портфель распахнулся в моих руках, и ЛУСТ выкатился оттуда прямо на пол. Я успел подхватить ценный прибор и, конечно, испугался, не сломался ли он от такого грубого обращения. Включил на "стоп", навёл на муху, но на неё не подействовало. Другой живности в доме не было, пришлось звонить другу, Ваньке Терехову. Не то чтобы я не догадался открыть форточку и поуправлять какой-нибудь кошкой или собакой. Ясно ведь, что мне захотелось узнать на собственной шкуре, как действуют лучи страха и почему люди в океанах покидают корабли. А в одиночку как проверишь?

Я жил недалеко от Михайловской рощи, рядом с подшипниковым заводом, а Иван - аж возле Опытного поля. Ехать туда можно было только вкруговую, на двух видах транспорта и очень долго, а без билета и с ЛУСТом в кармане, если попадёшься контролёрам - весьма опасно. Я выбрал пеший вариант - напрямую через рощу, по камушкам через речку Ушайку, по одноэтажным улицам частного сектора. Правда, наши заводские с зареченскими враждовали, но я был вооружён и даже не очень хотел, чтоб пронесло. Обращу в бегство - и дело с концом.

В трёх кварталах от Ванькиного дома, еще в частном секторе, из-под какой-то калитки на меня бросилась чёрная лохматая собачонка. Загнала на забор и бесновалась внизу. А за забором, в огороде, бесновалась бабка с тляпкой. Она решила, что я полез по её малину. Пока объяснялся с бабкой, из калитки выглянула какая-то девчонка, позвала: "Тузик!", резко свистнула сквозь зубы, и собака мигом убежала. Тогда я позволил бабке столкнуть меня с забора и только тут вспомнил, что в кармане такое оружие! Что поделаешь, тогда к оружию привычки ещё не было.

Добежал быстренько до Ивана, рассказал, чего хочу, он загорелся испытать лучи на себе, и мы по очереди вдарили друг по другу. Испытуемый сидел в кресле, а испытатель досчитывал до десяти и тогда отключал аппарат. Потом обменялись впечатлениями. Ивану померещилось, что на него со всех сторон несутся волны цунами, стены огня и бешеные звери. А мне - будто кресло стоит на одной ножке над бездонной пропастью, вокруг тьма, холод и одиночество: чуть двинешься - и конец.

Потом мы поупражнялись в рукопашной. Потом пришла мать Ивана, капитан милиции тётя Света, и накормила нас.

Когда она ушла, мы ещё поиспытывали режим "столбняка" и режим паники на злой соседской кошке, ворующей цыплят, и я побежал домой. Побежал тем же путём, чтобы отомстить лучом злобному Тузику, грешен. На этом и попался. Тузик из-под калитки не выскочил, а путь мне перекрыли трое: один рыжий и двое с одинаковыми лицами, но с разным цветом волос. Потом-то я узнал, что рыжий - это Витюшка Маков, с ним нас ожидает сходство в военной судьбе, дружба и некоторое количество совместных приключений. А с блондином Вадей Бычковым и его братом, брюнетом Валеркой будем служить в одной десантной бригаде. В тот же напряжённый момент я был для них соперником, ибо все они думали, что я лазаю по заборам и вообще околачиваюсь тут из-за хозяйки Тузика.

На этот раз я хорошо помнил, что вооружён, но вдруг - странное дело! - почувствовал, что не могу применить ЛУСТ против детей. Именно так и подумал: ПРОТИВ ДЕТЕЙ! Даже теперь оторопь берёт: ТАК подумать о ровесниках!

Словом, не решаясь драться и не желая убежать, я выбрал невероятное, будто подтолкнул кто-то: ударил кольцом по калитке и - вошёл. Я видел ошеломление на лицах врагов, но относил всё это на счёт Тузика. Честное слово, я не представлял, о ком мечтают эти трое, и удивился бы безмерно, если бы узнал: интересы мои были тогда далеки от девчонок. Я входил, скажем так, в клетку льва, ибо этот Тузик, несмотря на малый рост, обладал совершенно львиным рыком и ужасными зубами. Шотландский терьер - что тут нужно объяснять...

И вот вхожу я, закрываю за собой калитку и готовлю к обороне правую ногу. Заметим: про оружие снова забыл. Во дворе пусто. За секунду успеваю оглядеться: справа - стайка, слева - штакет палисадника, там полно разных цветов, а за спиной - глухие ворота с калиткой - отскочить, в общем, некуда. А впереди - крыльцо, три ступеньки. И в тот же миг дверь из дома распаивается, чёрным ревушим шаром вылетает Тузик, а следом появляется та самая девчонка.

Какая она была? Одни глаза помню. Серые, серьёзные и пушистые. Любовь входит через глаза... Было какое-то платьице, была она моего роста и босиком... Так босиком в меня и вошла. Только увидел - сразу про льва рыкающего забыл. Самое было время растерзать меня, я бы и не почувствовал. А он добежал, замолк под ногами, тронул мохнатым боком и вернулся к хозяйке. Которая смотрела молча и улыбалась. До сих пор не признаётся, но подозреваю, что в тот момент она видела всё наше будущее до последнего дня.

Хорошо помню первые слова, которые ей сказал:

- Здорово свистеть умеешь.

Она ответила:

- Давай научу.

Я хотел сообщить, что уже умею, но вдруг согласился:

- Научи.

- Садись.

- А нас не выгонят?

- Никого дома нет.

Мы сели на крыльцо и насвистелись вволю. И в четыре пальца, и в два, и одним, и "колечком", и сквозь зубы... А Тузик потягивал, повизгивал и прыгал.

Потом пошли все трое в дом, смотреть книги. И мне дали почитать маленькую повесть про чайку по имени Джонатан Ливингстон. Этот залог будущих встреч я затолкал поглубже в свободный карман, чтобы в драке не потерять. А она сказала:

- Передай этим дуракам: если они к тебе полезут, я их Тузиком загрызу.

У неё было мягкое имя - Аля. Она знала, что станет историком, и собирала книги по всем наукам и ремёслам. Она сказала об этом такое, что я чуть не упал от досады: как же сам не додумался?! Она сказала:

- Почему-то считают, что история - это цари, короли, войны, восстания, перевороты. Чепуха на растительном масле. История - это посуда, картины, одежда, мебель, дома, средства передвижения, инструменты...

Я добавил сгоряча:

- И отношения между людьми. А она улыбнулась по-взрослому:

- Да что отношения? Они всегда одинаковые. Дружба - это всегда верность. Политика - всегда хитрость. Любовь - как получится: или чудо или ошибка. Предательство - всегда предательство... Нет в человеческих отношениях ничего исторического.

Я сказал:

- Алька, ты чо, правда, такая умная?

- Ну ты же видишь, чего спрашиваешь? И ты - такой же.

- Да ну-у-у...

- Что "да ну"? Ты же всё понимаешь, что я говорю. А эти дурачки - не понимают. Понял?

Я понял, о каких дурачках она говорит, и спросил, чего они ищут. Аля засмеялась:

- Ищут... Они учатся со мной в одном классе и живут - тут, по соседству, а ищут, - снова

засмеялась, - ищут подраться с кем-нибудь из-за меня. У них ко мне - стр-р-рясть.

- Что-что? - Я понял, что она сказала - "страсть", но я это слово тогда ужасно не любил. Что-то в нём было несовместимое с моей натурой, что-то запретно-высокопарное, непроизносимо- невыполнимое. Аля и тут разобралась в моих чувствах без напряжения. Немного брезгливо, но спокойно объяснила, что у Витьки, Вадыки и Валерки сейчас такой период жизни, когда влюбляются в одноклассниц. Рыцарский период. Это ничего, надо потерпеть, переберутся и найдут себе на стороне кого-нибудь помладше когда-нибудь попозже. А на одноклассницах и ровесницах почти никогда не женятся. Я сказал: - Это я знаю. Мы взрослеем медленнее вас.

- Но есть исключения, - она ответила несколько поспешно, будто чувствовала, что я этого хочу. И я обрадовался. Я почувствовал себя исключением. И понял, что именно сейчас, на этой радостной ноте, надо прощаться и уходить, иначе что-то будет испорчено. И во всех следующих встречах мы оба совершенно точно и одинаково чувствовали, когда пора расставаться. Может быть, когда-нибудь это поможет нам УЙТИ обоим в один час.

Но конец этой истории не здесь, поэтому я ещё немного продолжу.

Алины ухажёры не стали нападать на меня у калитки. Через весь опасный район, аж до самой Ушайки я дошёл без приключений. А когда перебрался через речку и взбежал на горку, в родную и безопасную Михайловскую рощу, тут они и выскочили.

Я по-прежнему не хотел глушить детей лучами страха, поэтому решил применить метод древних фракийцев: обратиться в бегство, растянуть врагов в цепочку, а затем сразить по одному. У меня отец - десантник, у Ваньки семья милицейская - мы не сомневались, что умеем за себя постоять. Но эти трое оказались шустрыми - сумели меня окружить. И было очень вопросительное у меня положение, но вырос внезапно, как из-под земли, Игнат Эвкалиптов. Он был когда-то отличником, потом стал отпетым хулиганом и дважды второгодником, бедствием нашей школы, несмотря на свой очень малый рост, за что носил прозвище - Пенёк. Он явился к самому началу свалки, и вдвоём мы, конечно, сбросили противника в овраг.

Понятно, после этого надо было знакомиться поближе. Я Игнатовым притеснениям в школе не подвергался, потому что он бил только отличников. Но учился я очень неплохо, поэтому на всякий случай Игната обходил. Он же, наоборот, давно собирался со мной познакомиться, поскольку долго искал абсолютно честного человека, и кое-кто из обижаемых - наверно, за что-нибудь в отместку - назвал ему меня.

Жил Игнат вместе с отцом в собственном домике через дорогу от рощи. Когда пришли к нему домой, чтобы смыть кровь и грязь, все объяснения уже были сделаны, и я знал, что бедный Пенёк качается на краю пропасти.

Человек стал хулиганом и второгодником из идейных соображений. Вся его комната была оклеена газетными и журнальными картинками, обличающими, как он выражался, "так называемые победы человечества". Авианосцы, ядерные взрывы, охота на китов, нефтяные фонтаны и газовые факелы, лесоповал, высушенные моря, заболоченные степи и так далее, далее... Причину всех бед он видел в опережении нравственности наукой. Средством борьбы избрал замедление образования. Отсюда - разбитые носы отличников, отключённое отопление в школе и множество других скандалов, из-за которых беззаветный защитник природы уже стоял одной ногой в детской воспитательной колонии.

Но не колония была пропастью, над которой качался Игнат. Пропастью было отчаяние, а причиной отчаяния - безнадежность борьбы и, следовательно, ненужность собственной жизни. Он искал и не нашёл понимания у отца, простого, доброго и пьющего грузчика. Он не мог пожаловаться матери - эта бедная бесхарактерная женщина давно-давно была отправлена на принудительное лечение от алкоголизма и где-то там, вероятно, сгинула. Оставалось последнее - либо наложить на себя руки либо обратиться за духовной помощью к человеку честному и неглупому. Служители религиозных культов отвергались априорно, поскольку Игнату требовалось не так называемое спасение души и не объяснения, почему тот или иной Господь отвернулся от человечества - Игнат жаждал практической помощи в практическом деле. В наличие столь высоких добродетелей у прочих взрослых Игнат решительно не верил, и вот - свет сошёл клином на мне. Игнат специально выследил меня и дождался в роще - вот какое совпадение. Тот летний день обернулся для меня невероятным двойным счастьем: я встретил Алю, а меня нашёл Друг.

Кстати, есть ужасно глупый каламбур: "Враги тем хороши, что не могут нас предать, потому что предадут только друзья". Пустое!. Друзья - не предадут. Предают - предатели.

Итак, Игнат искал носителя высокой добродетели, а нашёл только неоструганную болванку. Точнее - болвана. Честным я, пожалуй, действительно был, но насчёт ума... Что можно сказать насчёт моего тогдашнего ума, если я, мгновенно влюбившись в идею, тут же выдернул ЛУСТ из кармана и высказал предположение, что с помощью таких вот приборов можно образумить человечество.

Дело в том, что мы с Иваном, испытывая инфразвук на себе, отметили интересное свойство: по лучу можно было передать облучаемому свой голос, и слова при этом отдавались в голове громовым

грозым приказом. Чем не Божий глас?

Испытали ЛУСТ на Игнате, через весь их огород. Одинокий борец пришёл в полный восторг:

- Ты ж представляешь: со спутников - по всему человечеству - разом: "Уничтожить всё оружие! Прекратить производство фреона! Затормозить вредную химию!.."

- Что за фреон?

- Разъедающий атмосферу газ. Он в холодильниках и в баллончиках с кнопками - длинно рассказывать: рений, фтор, озоновые дыры, космическое излучение - потом прочитаешь.

Он обвёл рукой свои полки с книгами и журналами. Это была профессорская библиотека, я о таких названиях и не слышал. Вот тебе и двоечник...

С чердака мы навели луч на кооперативный гараж и на весь остаток лета сделали пешеходами моторизованных грибников - нечего лес вытаптывать.

До самого начала учебного года великий дядя Сева залечивал в кардиоцентре свой инфаркт, а мы с Игнатом строили прожекты по спасению человечества. При попытке "поработать" с ЛУСТом в детских летних лагерях чуть не попали в лапы милиции, но подключились к делу новые друзья из-за Ушайки - Иван (в качестве лазутчика), Аля (со взрослым насмешливым недоверием, но уважительно) и её "ухажёры" - Витя, Вадя и Валера (с полным восторгом).

А первого сентября, когда ЛУСТ надо было возвращать в портфель, Игнат принёс его в школу и всех разогнал. Это было начало падения в пропасть. Сразу из школы он отправился в театр, на областное совещание учителей. Произнёс там со сцены речь, примерно в таком духе: "Вы тут заседаете, а надо идти спасать планету". И включил "защиту от дурака".

Мы с моим отцом догадались, где ловить Игната. Забрали из больницы дядю Севу и на такси примчались к театру. Когда вбежали в служебную дверь, педагоги как раз начали панический исход из театра. Мы их пропустили, привязали к голове моего бывшего десантника увезённые из больницы две подушки, как два парашюта, и он бросился спасать Игната. Великий Дорошенко порывался сам, но его бы сердце той нагрузки не выдержало. Отец, качаясь, донёс Игната до нашего такси... Ну, и так далее.

У Игната оказалась небывалая психическая болезнь (или, если угодно, аномалия), которую врачи назвали "спасательством". Три предыдущих года её симптомы отслеживали по всей стране, и вот - сошлось на Игнате - разом собрали всех, кого эта эпидемия поразила, и распределили по специально созданным училищам охраны природного равновесия, сокращённо - УОПР. Такое же название получило и соответствующее Управление при Министерстве Природопользования. И даже свой флаг - красный дубовый лист и буквы УОПР на белом полотнище.

Немного подробностей об УОПР. Заражёнными "эпидемией спасательства" оказались мальчишки (и только мальчишки), только самые образованные, в возрасте от 14 до 16 лет (Игнату было как раз пятнадцать), так что при организации училищ правительство особых трудностей не испытывало. И преподавательский состав потребовался вполне специфический, по склонностям учащихся. А склонности были атлетически-диверсионные: ломать разную технику, сочинять листовки, разгонять учебные заведения и останавливать предприятия. Соответственно и обучали этих деток так, будто готовили в диверсанты. Но опытные социологи, психологи, экологи и экономисты сумели за четыре года учёбы сделать из этих умников настоящих инспекторов УОПР, способных безупречно держать себя в руках, но располагающих поистине грозными правами: контролировать производственные процессы любого профиля и уровня, штрафовать их руководителей на кошмарные суммы, приостанавливать и вовсе закрывать всё контролируемое. А спецподготовка делала их поистине божьей карой для всех, кто сопротивлялся АКТИВНО.

Игнат к тому же вымахал под два метра ростом и из училища вернулся с новым прозвищем - Лесина. К тому времени и мать его нашлась, и отец бросил пить, и ещё много чего произошло, но это всё - другие истории. Где-нибудь, к слову, может быть, ещё упомяну.

История моего детства заканчивается как раз тем, что я заканчиваю школу, Игнат всю инспекторствует, все мы (кроме Игната) готовимся к призыву в армию и собираемся на последний "детский" день рождения к известной особе, которая уже подала документы в университет, на исторический факультет.

Она-то и сумела сделать нас друзьями, вопреки тому, что влюблены в неё были все, включая Ивана и Игната. Для такого деяния талант нужен особенный - врождённая любовь к людям.

Мне очень трудно далось это произнесение - "любовь к людям". Чересчур употребимая и абсолютно ни к чему не обязывающая формула. "Любишь людей?" "Люблю". А под каким соусом, с каким гарниром, в какой посуде... Каждый любит людей, да они за это любят не каждого. Вот ЭТО - оно и есть.

Шаровая молния.

Дальше речь вынужденно пойдёт о чудесах и суперменстве. Продолжаю сомневаться, что на этом опыте хоть кто-то из моих внуков хоть чему-то научится, но ошибки - они и у суперменов ошибки. Учитесь на них, если сумеете.

Было мне уже две недели как восемнадцать, стояло лето, я только что получил аттестат зрелости. Осенью предстояло ехать в армию, и я был этому рад, потому что учиться осточертело. И ещё - потому что приписали меня к десантным войскам, и у нас с отцом получалась десантная династия. "Грозно погасив купола парашютов, крылатая пехота... и так далее". Я уже полсотни часов налетал на планере, прошёл парашютную подготовку по программе ВДВ, а теперь военкомат изволил повелеть - в команду 790, к боевым пловцам, и пошла водолазная подготовка в морском клубе, на станице за коммунальным мостом. "Грозно пошевеливая ластами... и так далее". Но всё это во-вторых.

А во-первых, я хотел жениться, и было на ком, только не знал, смогу ли: Аля - девушка серьёзная, поступает в университет, ей супружество - как двойка по поведению. Впрочем, насчёт двойки я только предполагал и как раз в этот вечер собирался поставить точку. У Али был день рождения - самый подходящий момент.

Собрались только близкие друзья, объединённые приключениями детства.

Вместе с Игнатом на день рождения пришла Любаша Белкова, которая в него была влюблена ещё с училища - рядом получала образование полевода. А вместе с ними явился Миша Темников, друг и однокурсник Игната, мастер боевых стихов и песен, влюблённый в Любашу. Пришли, конечно, и одноклассники именинницы - Иван Терехов и трое соседей на букву "В". Если учесть, что Любаша имела тогда уже первый разряд по парашютному, компания вокруг Али в тот вечер собралась достаточно мужественная.

Было не пьяно, однако весело. Миша с Любашей лихо пели под его гитару его же песни, спорили о сочетаемости таких увлечений, как полеводство и парашютизм, и в играх наших, специфически-атлетических, первые места были всем заранее известны, так что обходились без нездорового соперничества. Игры, кстати, были очень простые, но о них есть необходимость рассказать.

Игра "в стульчик". Надо было поднять одной рукой тяжёлый дубовый стул, ухватив его за переднюю ножку у самого пола. Сделать это совершенно вытянутой рукой мог только Иван, самый из нас невысокий, будущее светило медицины.

Игра "в линейку". Аля прижимала пальчиком металлическую линейку к дверному косяку и незаметно отпускала, а стоящий рядом спортсмен должен был эту линейку остановить. Результат измерялся по этой же линейке. Длиннорукий Лесина-Игнат давал фору шесть сантиметров даже мне, и все подозревали, что это для него не предел. Запомним этот факт.

Наш Томск - город северный, летом одна заря сменяет другую если не через полчаса, то уж никак не позже трёх. Мы отлично веселились до самых сумерек, и всё не находилось возможности сказать Але, что я хотел. Мы даже сидели не рядом, а напротив, ради хоть временного, но равенства всех влюблённых мужчин. И вот, когда наступило то общее молчание, в конце которого гости начинают прощаться, хозяйка вдруг поймала мой взгляд, встала и через всю комнату пошла ко мне. Все глаза - на неё, стало ещё тише, только громыхнуло где-то в небесах, и я встал тоже. Она подошла босиком, наступила на мои ноги, поднялась на цыпочки и поцеловала.

- Мой день. Что хочу - всё моё. А я - твоя. Твоя?

Я забыл о ребятах, шепнул: "Моя!", и мы начали бесстыдно, как на свадьбе, целоваться.

Тут бы, как говорится, и так далее, потому что ребята быстренько потянулись к выходу. Но Аля голову не потеряла. Сказала, что всё у нас будет завтра, у озера, где я тренируюсь, а сейчас надо проводить гостей. И я пусть уйду вместе с ними - для дружбы.

На следующий день, под небесами за рекой, мы вступили в божий брак, а через месяц - и в гражданский. Правда, считается, что есть какие-то тонкости в назывании брака гражданским и законным, но я до сих пор не очень-то понимаю, какое отношение законы могут иметь к чувствам. По моему, только подавляющее. Согласен, что возле этого противоречия уже много веков кормится вся мировая художественная литература, но мы тут не литературой занимаемся, поэтому перевернём любовную страницу и вернёмся к Алиной калитке и к суперменским чудесам.

У калитки мы быстренько расстались, потому что уже срывался дождь, а страшная туча, которая как раз подоспела, так и полыхала огнём.

Мы добежали до троллейбуса, разматывали плащ с Мишиной гитары, попели пару остановок, а на третьей, откуда хорошо просматривалось загородное пространство, со стороны далёкого химкомбината прилетел огненный шарик и через открытую переднюю дверь проник в троллейбус. Мы, по случайности, уже не пели. Мы стояли полукругом на задней площадке и с открытыми ртами наблюдали процесс вторжения.

Шарик, величиной с крупное яблоко, повисел в воздухе перед водительской кабиной и через весь пустой троллейбус полетел к нам. Скорость его была небольшая, как у бабочки, которая выбирает цветок. Водитель смотрел ему вслед сквозь стекло своей загородки и явно боялся пошевелиться.

- А шарик летит, - прошептал Миша и мягко переместился, прикрывая от врага Любашу.

Игнат тоже что-то пробормотал, быстро и невнятно, но с места не двинулся. Иван молчал, набычась.

Нас было только пятеро, потому что братья Бычковы и рыжий Витюшка-Огонёк жили рядом с

Алей и нас провожать не поехали. Им требовалось одиночество, чтобы пережить наше с Алей неспортивное поведение.

Какая-то сила вытолкнула меня из полукруга - занять позицию между ребятами и подлетающим шариком. Странно - совершенно не было страха. Что-то вроде дружелюбного любопытства: ОНО вращается, как маленькая планетка, кипит внутри и сыплет искрами. Модель Солнца?

Шарик - будто уловил моё любопытство и мысль насчёт планетки - сделал два оборота вокруг моей головы и завис перед лицом. Я подумал: "Если подуть мимо, поток воздуха должен его увлечь". Я, конечно, сразу понял, что это шаровая молния, но думать о ней получалось только в мужском роде. И, кстати, идея насчёт подуть имела у меня давно: я всегда любил делать подобные "заготовки" к разным возможным неожиданностям.

Но подуть не пришлось. Пока мы с шариком дружелюбно разглядывали друг друга, а ребята с ужасом наблюдали за нами, водитель бесплотно вытек из троллейбуса под дождь, отбежал под навес и оттуда нам посоветовал:

- Стойте, не двигайтесь!

В ответ на его слова шарик востроился и с теннисной скоростью улетел в кабину. Мы с той же скоростью бросились наружу. Миша с Игнатом вынесли засмеявшуюся Любушу, а я чуть замешкался в дверях, поддерживая споткнувшегося Ивана и пытаясь хоть краешком глаза досмотреть событие. И досмотрел. Из кабины полыхнуло спящим огнём, расколосось на миг пространство (теперь я знаю, как оно раскалывается), и сразу со всех сторон повалил дым от горячей резины. Плотный воздух вытолкнул меня на тротуар вслед за Иваном.

Едва мы выскочили, троллейбус содрогнулся от второго удара и завалился набок - к счастью, не в нашу сторону. Ужасный ливень через выбитые окна мгновенно задавил пламя, но зловонный дым стлался, тёк во все стороны, и казалось, что сами струи дождя испытывают к нему отвращение и тянутся уже не к земле, а обратно в небеса.

Водитель, жалобно матерясь, забегал вокруг троллейбуса: видно, хотел спасти какое-то своё имущество в кабине, ну и выручку. Движения его были странно медленными - гораздо медленнее, чем в кино при ускоренной съёмке. И речь нецензурная была такой же, раздражающе тягучей.

Сразу вслед за этим я отметил, что и потоки воды текут и низвергаются слишком уж лениво. И друг мой Ванька, медленнее сверхглубинного водолаза, поспешает к перевернутому троллейбусу: вот обошёл его с крыши, присел, совсем исчез, и махина медленно, как на домкрате, вернулась в нормальное положение, грузно осела на рессорах и замерла. Вот Иван выходит из-за победённого троллейбуса, моет руки в почти неподвижном водовороте у сливной решётки, а ошеломлённый водитель стоит рядом, в воде по щиколотку, и смотрит на Ивана, как на экспонат кунсткамеры. Иван делает жест: полезай, мол, к себе, на рабочее место. И всё это медленно, медленно...

- Да что такое? - Я услышал свой голос, но он был какой-то не мой, и я огляделся - и увидел глаза Игната, очень внимательные, аж сощуренные. И сразу рядом - голос Любуши:

- Же-е-е-енька-а-а, ты-ы-ы-ы чо-о-о-о?

Я понял: мир замедлился. Я видел, как медленно моргают ресницы Любуши, как медленно вздуваются и медленно лопаются пузыри на лужах, и новое понимание родилось стремительно, как те молнии, что продолжали полыхать не очень высоко в небе: это не мир, это я изменился! НОРМАЛЬНАЯ Любуша испугалась этой перемены: ей кажется, что я дёргаюсь. И речь моя, стало быть, кажется ей слишком быстрой, даже, может быть, непонятной... Да ничего ей не кажется, всё так и есть. И надо поскорее замедлиться, чтобы ЕЙ КАЗАЛОСЬ, будто я - такой же...

Но почему Игнат так смотрит? Вот он уже шагнул ко мне. Довольно быстро шагнул и легко перехватил руку Любуши, протянутую к моему лбу.

- О-о-о-оглу-у-у-уши-и-и-ило-о-о-о е-е-его-о-о-о, Лю-у-у-уба-а-а-а-а-а-а... Выы-ы-ы-ы с-с-с Ми-и-ишу-у-у-у-у-у-у-у-у-и-и-иди-и-ите-е-е-е, а-а-а-а я-а-а-а-а е-е-его-о-о-о про-о-о-о-во-о-о-о-о-о-о-у-у-у-у...

Ах, как муторно стало слушать нормальную человеческую речь! Что со мной?

С лица Миши медленно сползла забота обо мне и туда медленно вползла радость: конечно, он проводит даму!

Ивану после таких потрясений тоже следовало возвращаться домой. Отвечая на его рукопожатие, я едва сдержал вопль: то была нежность кузнечного электромолота, который за миллиметр до сокрушения решил всё же сохранить мои косточки. В глазах Ивана тоже застыл крик - тот самый, который он сдержал, когда мы с Алей при нём целовались.

Жизнь бесчеловечна в своей справедливости, а в этот вечер ей удалось превзойти самое себя.

Иван тряхнул тяжёлой умной головой и медленно побежал от нас, держась прямо посреди дороги. Машин, на его счастье, не было, но Игнат, С МОЕЙ СКОРОСТЬЮ взглянув на меня, сказал Мише с Любушей:

- При-и-и-игля-а-ади-и-и-ите-е-е за-а-а ни-и-и-им, а-а-а-а?

Любуша вздохнула, взяла Мишу за руку, и они побежали по лужам вослед Ивану. Лениво разлеталась из-под ног вода.

Мы с Игнатом остались вдвоём. Он посмотрел испытующе хитро и сказал:

- Ну, пошли домой...

Не замедленно сказал, не врасстяжку, НОРМАЛЬНО! Я поскорее огляделся. Нет, мир не переменялся: так же лениво опускались с неба струи небывалого ливня, длинно грохотал гром, еле ворочался в троллейбусе очумевший водитель, тащился мимо облепленный мокрой рубахой мотоциклист без шлема.

Моё представление о НОРМЕ - раздвоилось.

- Гляди - малохольный на прогулке! - Игнат засмеялся над мотогонщиком и взял меня под руку, церемонно, будто на балу. - Пошли, пошли, братишка! Не удивляйся, сейчас всё поймёшь.

Мотоциклист оглянулся на нас. Молния осветила красивое мужественное лицо: прямо славянский витязь с картины Васнецова. Взгляд его был внимателен и быстр. Мне показалось, что он узнал Игната. А в меня вгляделся запоминающе и - умчался (нет, укатил) за ближайший перекрёсток. Игнат перестал за ним следить и увлек меня в незнакомый переулок:

- Нам сюда, здесь короче и тротуар деревянный - воды меньше.

Пройдя сотню метров молча, он поинтересовался:

- Ну, что ты понял?

- Молния? - предположил я неуверенно.

- Совершенно в точку! Даже не сомневайся.

- Почему? - Я решил пока не спрашивать о быстроте ЕГО речи.

- Потому что я сам - точно так же - под такой же шарик попал. Только в мае. Понял?!

- Вот так да! - Я даже остановился.

- Мало того, - Игнат оставался загадочным. - Ты видел, откуда шарик прилетел?

- Со стороны химкомбината, вроде...

- Не вроде, а ИМЕННО оттуда! Теперь, если соберёшься падать, держись за меня: в мае меня шарахнуло как раз ТАМ!

- На химкомбинате?

- Да!

И он, уже на ходу, стал рассказывать, как это было.

- Ничего особенного, плановая проверка - аппараты, трубопроводы, фильтры, очистные сооружения. На очистных меня с двумя инженерами застала гроза. Заметь - тоже гроза. Укрылись в насосной. Сели за стол: они - спиной к окну, я - напротив. Шарик влетел такой же, чуть поменьше. Прожёг в стекле дырочку - без шума. Оба инженера - женщины. Я им: "Не двигайтесь!" Они не поняли, завертелись. Шарик пошёл вокруг нас. Он - под стол. Я сажу, наблюдаю. Круги стали шире, потом - вспышка и удар. Очнулся на полу. Инженерки смотрят из-под стола. Я вскочил, убрал стол, чтоб они встали, а они: "О-о-ой-й-й-й, ш-ш-што-о-о с-с-с ни-и-и-им?" И - замедленное кино. Так в том кино до сих пор и живу.

- А тогда понял всё сразу?

- Представь - да! Наверно, с перепугу. Начал сбегаться народ, все вели себя одинаково, я и понял. Да и голова-то быстрее теперь варит, ты же заметил? И фантастику мы не зря читали, верно? И вот что ещё: этот мотоциклист, что сейчас проехал... Кажется, он тоже был ТАМ. Мельком помню, без уверенности. Но как-то всё стягивается к химкомбинату - не находишь?

- Да бог с ним, - сказал я. - Пишут же, что шаровых молний всегда больше там, где промышленность.

- А то, что на нас подействовало одинаково, тебя не беспокоит?

- Ну, случайность. Какой-нибудь один источник. Не представляю. Зато знаю точно, что меня радует: нас двое!

- О-о! - Игнат мигом забыл всю фантастику, все подозрения. - Тебе повезло! А я - три месяца в одиночестве. Веришь, как в сумасшедшем доме! Ни одного движения без контроля: иначе ведь и в самом деле - в какой-нибудь диспансер... От этих замедлений устаю больше, чем в училище, а там ведь гоняли круглые сутки.

- Помню, ты рассказывал. А об ЭТОМ кто ещё знает?

- Никто, - Игнат нахмурился. - Тут доверять можно только полному соучастнику, как ты. Всем другим - диковинка, а значит - могут проговориться.

Я ещё не совсем понимал, что здесь страшного.

- Для нас самих, - объяснил Игнат, - да, сплошные выгоды, если не считать пару мелочей. А вот для общества и для государства - опасность безусловная. Где гарантии, что ты не станешь грабителем или кем ещё хуже? На то и законы, чтобы заменить твою совесть - страхом. А супермену чего бояться, верно? Социально опасный элемент...

- А что за пара мелочей?

- Понаблюдай за собой. Может, с тобой такого не будет: когда что-то происходит нехорошее, а вмешаться невозможно, у меня начинает болеть голова.

- А это точно - от молнии?

- Раньше ведь не было... И ещё одно: после очень резких нагрузок несколько часов болят мышцы.

- Терпимо, - говорю.

Игнат согласился, но лицо его при этом показалось мне загадочным. Впрочем, лил дождь и сверкали молнии - всё могло померещиться.

На нас давно не было сухой нитки. Для согрева пришлось пробежаться до самого дома. Игнат звал к себе - обсушиться, даже переночевать, да и поговорить, конечно. Но я, примерный сын, скрепя сердце отказался: это Игнат - глава семьи, а я для своих - ещё ребёнок.

Остаток пути до дома я поупражнялся мысленно в разговоре на "общественных" скоростях. Получалось убедительно, и с родителями пришлось быть как можно малословное. Похоже было, что странности свои я донёс до кровати без потерь.

Наутро понял, почему Игнат был загадочен. Мышцы - все без исключения - болели с такой яростью, что встать я не мог. Сославшись на простудные мигрени, остался дома. Дождался, пока все уйдут на работу, и попытался вылечить подобное подобным: рыча сполз на пол и долго-долго, с вековой скоростью непутёвого человечества, поднимался с четырех конечностей на две. Долго-долго, глухо стеновая, растягивал сведённые болью мышцы. Сносной подвижности достиг, но на подводную тренировку явился почти к самому концу. Вид при этом имел столь беспомощный, что даже суровый мичман Садов посмотрел с неопределимым пониманием и сочувственно спросил:

- Погружаться, может, не будешь?

Я у него числился в подающих надежды. И я решил всё же поплавать. Надел аппарат, маску, ласты, с зубным скрежетом закусил загубник и - с мостков, надеясь только на страховочный конец. Однако - о, открытие, срочно сообщить Игнату! - верёвка не понадобилась: в воде все мышцы распустились, как цветочки, а боль - ушла. На радостях прошёл дистанцию с рекордной скоростью - удивил и порадовал дорогого мичмана. Он сказал загадочные слова:

- Далеко можешь поплыть, Малюхин, только запомни свою вчерашнюю дозу и больше неё никогда не принимай.

Я, конечно, выглядел теперь счастливым, но при этом старательно прятал испуг: не вызовет ли рекордная скорость законных подозрений у братьев Бычковых. Если они сегодня видели Ивана, а он связал свою новую силу со вчерашней молнией, то не свяжут ли они с этой молнией мою новую скорость? Страху на всю жизнь обрекла меня чёртова стихия. Страху и мучительному самоконтролю.

Но пришёл-то я на озеро не ради рекордов, открытий или страхов. К концу тренировки обещала явиться Аля. Дикие окрестности озера полны были чудных полянок и укромных сеней, пригодных для совместного вознесения молитв всем богам любви, какие только существуют - моя будущая жена, будущее светило исторических наук, знала этих богов целую орду, и оба мы были тогда, как все нормальные дети, убеждёнными язычниками.

И я замедлился до полного флегматизма, чтобы исключить какие бы то ни было подозрения в молниеносном суперменстве.

И я сказал братьям Бычковым, что пусть они едут домой без меня, потому что после неожиданной рекордной перегрузки мне надо полежать на бережку и прийти в себя. И будущие братья по оружию согласились оставить меня одного, только чтобы в воду больше не лез.

И расцвело за озером знакомое языческое платице...

До отъезда в морскую пехоту я успел стать законным мужем и убыл в уверенности, что вернусь отцом.

Об этом рассказывать больше нечего, ибо поистине все счастливые семьи счастливы одинаково.

"Рогатая смерть" и "виннипухи".

Можно много порассказать о боевой подготовке команды - 790, но она к разряду чудес не относится. Ограничусь только особым мнением. Вот оно. После службы в действующих войсках, особенно в элитных (десант, спецназ и т.п.) любой психически здоровый человек приходит неизбежно к единственному, очень оригинальному выводу: все войны на свете начинают мерзавцы, а осуществляют - недоумки. "Морская пехота не отступает, потому что некуда". Красивая формула, звонкая, как барабан. А не хотите ли на своей шкуре испробовать из неё одно словечко - "некуда"? Испытайте, и мы разрешим вам отдавать смертные приказы. Потому что писать такие приказы можно лишь особыми чернилами, составленными по собственному рецепту из крови, пота, слез, нескольких сортов грязи и сваренными при очень высокой температуре на всё той же собственной шкуре, в отсутствии кислорода и под высоким давлением. Предъявляй такую шкуру с приказом на ней - и командуй на здоровье. Как наш незабвенный капитан первого ранга Эджибадзе.

И всё об этом.

Встрече с Ольгой и "виннипухами" предшествовали события, которые я должен коротко описать, чтоб было понятно, как я попал в госпиталь.

В Крыму стояла середина октября, закат курортного сезона. Было ещё полно фруктов, ещё

вполне загоралось, если лежать на тёплом песочке, но вода уже остыла - купанье июльской радости не доставляло. По этой причине прыгали мы в гидрокостюмах с вязаной шерстяной поддёвкой: болтаться в воде предстояло несколько часов, да ещё ночью, да ещё на глубине.

Никаких суперменских рукопашных, никакой стрельбы эффектными трассерами. Просто плотный групповой прыжок на задержку из транспортника, будто ненароком пролетающего над морем на высоте пять тысяч метров. Там, кстати, порядочный холод, но его нам на этот раз ощутить не грозило: свободное падение до 300-метровой высоты - это совсем не долго, а там автомат раскроет тебе купол, и ещё через несколько секунд ты бултыхнешься в воду, имея основания надеяться, что береговые локаторщики противника (на этот раз условного) тебя не засеки. Но если и засеки, они найдут тебя в воде и подоспеют очень даже не сразу, поэтому изволь без суеты отловить свой груз, поймай пеленг на сигнал сонара, заранее затопленного разведчиками, доставь груз под водой к цели, закрепи, воткни в него химический взрыватель и скоренько "делай ласты", ибо через двадцать минут оно бабахнет, а вода, как известно, несжимаема - если в лодочку выпрыгнуть не успеешь, сделает с тобой такое, о чём в армии говорят неохотно, но просто, строго и исчерпывающе - "ласты склеил". То есть - отошёл к праотцам. Мы, понятно, были - по приказу капраза Эджибадзе - уверены в лучшем: взрыв послужит сигналом к высадке десанта, мы наляжем на вёсла и успеем к бережку немного раньше десантных судов, чтобы они на нас в суматохе не наехали.

Братья Бычковы - вот ведь судьба! - обеспечивали мою работу. То есть, они надували лодочку и собирали в неё казённое имущество, пока я нырял к объекту.

Всё вышло штатно, за исключением пустяка. Довоенная баржа, в войну потопленная бомбой и подлежащая вторичному погублению посредством моего небольшого фугаса, оказалась с сюрпризом. Те, кто готовил операцию, не удосужились её (баржу) как следует осмотреть, и я буквально перед носом узрел самую настоящую якорную мину. Представляю, как ещё в войну чья-то субмарина шла тихонько в подводном положении и роняла эти рогатые яйца. Тележка ложилась на грунт, срабатывала лебёдка, и триста кило динамита на тонком минрепе подвсплывали и замирали у самой поверхности, ожидая какого-нибудь корабля. А одно "яичко" опустилось рядом с затонувшей баржей и, всплывая, заблудилось в петлях вот этого толстого стального троса и до сих пор качается в ритме водорослей всего в паре метров от борта баржи. От моего заряда мина может сдетонировать, а может просто всплыть на пути нашего учебного десанта...

В общем, медаль "За отвагу" я получил, пожалуй, не за храбрость, а за желание повидаться с ближними непременно на этом свете. Возникло оно прямо в процессе привязывания фугаса к мягкому свинцовому рогу. Представилось, как взрыв сминает рог, и даже не успевает сработать химический взрыватель мины - детонация быстрее. И так захотелось поскорее убраться, что я сделал резкое движение ногой, икроножную мышцу свело - приехали. Конец ножа оказался тупым, булавка - на плавках, под гидрокостюмом, а плыть с этой болью - лучше не пытаться. Кувыркался я рядом с собственной смертью довольно долго, потому что из одной ноги боль тут же переселилась в другую. Словом, пока резал резину, разыскивал булавку и кувыркался от боли, течение катило меня по дну, пеленг на свою лодочку я потерял, а всё резервное время утекло вместе с моим мычанием и рычанием. И пеленг с поправкой, и полное вложение суперменских способностей спасли меня только от "склеивания ласт": когда рвануло, над водой торчала только голова. Но ребятам этого хватило: успели выловить, втащили на борт и даже сумели опередить ревуший и стреляющий десант. Этого, я, впрочем, не увидел...

Капраз Эджибадзе пришёл в палату лично и спросил, как это я из двух кило взрывчатки сподобился соорудить такой бабах. Я объяснил, он переменялся в лице и ушёл за медалью. Это не самая страшная часть рассказа.

В госпитале было хорошо, если не считать неудобств, связанных с контузией, баротравмой лёгких и поломанными рёбрами. Вообще, если устойчиво верить, что нет худа без добра, то так оно когда-нибудь и происходит.

Добром при моём худе состояла Ольга. Я считался тяжёлым больным, мне полагалась красивая, молодая и высококвалифицированная сиделка, рангом не ниже медсестры. Именно такими словами она и объяснила своё присутствие при моём почти бездыханном теле. На пять лет старше меня, воинское звание - старшина первой статьи, муж - журналист. Идеальная сиделка для женатого военмора.

Она была в самом лучшем смысле - наш человек. Чтобы не огорчать Алю и родителей моим госпитальным положением, сочинили письмо, будто бы я по боевой тревоге отбыл в составе эскадры далеко и надолго, а своего боевого товарища, Олега Жука, попросил черкнуть пару строк на родину. Пусть, мол не беспокоятся: напишу лично, как только вернусь.

- У тебя в самом деле такая фамилия?

- У мужа. А я сохранила фамилию отца - Самородок.

- Ого! Везёт же людям с фамилиями. Не то что Малюхин.

- Не знаю, не знаю, - Ольга вздохнула. - Самородок - это перевод. На самом деле - Гольдштейн.

- Немка?

- Ага. Самуиловна.

- Как же ты - блондинка?

Спросил и устыдился: волосы ведь красят... Она поняла.

- Нет, я не крашусь. У меня мама - славянка. Я - её точная копия.

Этот эпизод вспомнился теперь, потому что он тогда показался мне забавным, а Ольга ни разу не улыбнулась. Она даже обронила: "Полужидовская морда". И выглядела в ту секунду так мрачно, что я постарался увести разговор в сторону.

Странная вещь - национализм. Делит людей на хищников и травоядных. При этом самые отчаянные хищники - чисто человеческое поведение! - обязательно объявляют себя дойными коровками. Потом у Нострадамуса я прочёл всего три слова - клеймо и приговор нашему времени: "ВЕК ЖЕЛЕЗА И НАЦИЙ". Умри, Мишель...

Теперь пора снова начинаться чудесам. Увы, ничего весёлого они никому не принесли. Что ни вспомню, всё пропитано тревогой разоблачения, болью после перегрузок и усилиями казаться таким, как все. Что есть унизительнее лицемерия? Назови это хоть ложью во спасение - достоинства не прибавит.

Итак, я выписан из госпиталя практически здоровым, но, по состоянию здоровья же, списан, герой, вчистую на гражданку, хотя пребывать в военной форме надлежит до самой постановки на воинский учёт в родном Томске. Занятная штука - армейские порядки. Хоть и писаны кровью, но ведь тоже: ещё смотреть надо, откуда ту кровь брали... Я, впрочем, претензий не имел, даже наоборот: у морского десанта форма очень убедительная, в ней среди кого угодно чувствуешь себя спокойно. Это психологическое явление в милиции называется очень точно - "эффект присутствия".

Во дворах на окраине Симферополя цвёл миндаль, воздух жизни был благоуханен, близилась очередная годовщина освобождения Крыма от фашистской оккупации, я направлялся на Военное кладбище, чтобы поклониться могиле деда. Он у меня был гвардеец и погиб в апреле 44-го года, как раз в эти дни.

Задача стояла непростая: чтобы найти могилу, надо было сначала узнать, где Военное кладбище, а город я видел впервые, хоть и прожил в нём четыре месяца - даже когда контузия позволила ходить, из госпиталя не выпускали.

Опрос населения привёл меня к центральному рынку. Куда идти дальше, население почему-то не представляло. Но рядом там была довольно крутая горка с небольшим кладбищем на вершине. Я взойшёл и сразу почувствовал пустоту: здесь деда нет. Странное знание, ничем не подтверждённое. Половину этого кладбища занимали звёзды пятиконечные, другую - звёзды Давида: такая дань "веку железа и наций". Я нашёл подходящий бугорок, ничьим прахом не заселённый, и с него огляделся. Взгляд, как луч локатора на круглом экране, ни за что в городе не зацепился, пока не дошёл до длинного белого забора. Было до него побольше километра, но угадывалось, что каменный и побелен. Я тут же почувствовал: мне туда. Это можно было сравнить с выполнением армейского устава: надо - и всё; разум участия не принимает.

С той секунды, как увидел белый забор, что-то включилось во мне или вошло в меня - и ВЕЛО до самой могилы, как лунатика: по улице Сабхи, по улочке Футболистов, с ходу через двухметровый забор, сразу направо, в четвёртый ряд - вот она, моя фамилия, а рядом - Неизвестный, и в другую сторону через одного - Неизвестный, и в соседних рядах - тоже несколько. И от того, что погибли не при отступлении, а под каменные звёздочки ушли Неизвестными, и прийти к ним некому, и мой так мог бы, стало мне мутно. Контуженные нервы не выдержали. Как я там стоял и как рыдал в голос, отчётливо не помню. Только ощущение, будто открутились во мне все гайки и нет воли ни на какие усилия над собой. Сначала НАДО было бежать, теперь НАДО рыдать, и нечего над этим думать. Кажется, там я и начал верить в духов - всё-таки кладбище...

Отчётливо работает память только с того момента, как сошли эмоции (со слезами вылились) и включилось что-то новое. Хорошо помню: отошёл под чахлую берёзку, по милому северу тоскующую, присел на лавочку, и вдруг - беспокойство: мне надлежит снова куда-то спешить. Включилось хоть и вдруг, но осторожно, не вредя, щадя военного инвалида, и всё же настойчиво - в кладбищенской тишине слышно так, что не отмахнёшься и в суету не уйдёшь. На этот зов я встал, прикрылся беретиком и двинулся в дальний угол кладбища, точно зная, что там выйду через ворота, и путь там короче. К троллейбусной остановке приближался уже почти бегом, почти как к забору.

"От рынка на "четвёрке" до конца". Кто мне это подсказал? Голоса не было, а слышно - было.

Я сидел в троллейбусе одиноко, видел за окном ПУСТОТУ, заполненную изображениями домов, и думал об Ольге. И чувствовал, что мне ПРЕДПИСАНО о ней думать, потому что беспокойство как-то касается её и ВЕДЁТ меня к ней, к чужой жене, с которой уже попрощался.

Я вспоминал наши беседы в палате, во время прогулок, когда ещё приходилось пользоваться её помощью. По мере развития нашего знакомства она всё более походила на Алю: и в интонациях, и в

прикосновениях, и в представлениях о жизни. Я сказал ей об этом. Она объяснила: "Скучаешь по жене, молодец". И посмотрела Алиным взглядом.

Я тогда получил от Игнатовых стариков письмо с довольно странной просьбой: "Нам кажется, что в Томске Игнаша никогда не найдёт себе невесту, так, может быть, привезёшь из Крыма? Ваши вкусы ведь одинаковые".

Слова насчёт вкусов я воспринял как намёк на то, о чём раньше слышал намёками и от других: будто бы Игнат безответно влюблён в мою Алю. Этим слухам и намёкам я не верил: на месте Али надо было без колебаний выбирать не меня, а Игната, было бы встречное чувство. Но раз Аля выбрала меня, значит никаких чувств Игнат не проявлял - разве это не логично?

Письмо от стариков Эвкалиптовых я весело показал Ольге. С только что приведёнными рассуждениями о встречных чувствах и с вот каким пассажем в конце:

- Если бы он действительно дышал к Але неровно, я привёз бы ему тебя, потому что вы с Алей крайне похожи.

- Край непохожи? - Она засмеялась, но глаза стали опасными и говорили о чём-то нешуточном.

Этот разговор состоялся у нас перед самым днём прощания. Ольга всё время смеялась. Этого я за ней раньше не замечал. И шутила почти подряд.

- Так похожи крайне чи край непохожи, як кажуть на України?

А мне что-то не шутилось.

- Похожи, честное слово.

- Как вы с Игнатом? - И глаза - ещё опаснее.

- О-о, Игнат гораздо похожее меня.

Вот в таком духе обсудили просьбу Игнатовых стариков, а тут и прощаться пора. Она сказала:

- Привет твоему Игнату. А его старикам объясни, что для настоящего мужчины проблема невест так же остра в Крыму, как в Сибири.

И было ей при этом плохо, хоть и улыбалась. А я ничего об этом не мог ни спросить, ни предложить, потому что чувствовал: нельзя, хоть и подружился как будто.

Обменялись адресами, и я, как говорят в армии, убыл.

Перед этим воспоминанием я обмолвился, что в троллейбусе, когда ПОВЕЛО, мне было "предписано" думать об Ольге. Это лукавство. Думал я о ней весь день, с того момента, как расстались: до того была похожа на Алю, что уйти безболно не получилось. А в троллейбусе, после кладбища, стало вообще невозможно думать ни о чём - только о ней. Какая-то ярость пополам с тоской ВЕЛА меня именно туда, на окраину, хотя адрес, её рукой написанный, указывал совсем в другую сторону.

От непривычного непонимания собственных действий я едва не разрывался. Ярость и тоска бушевали в неприятной гармонии, а выплеснуть их разом было некуда.

Окраина. Троллейбус начал разворачиваться среди цветущих палисадников, а моё тело уверенно устремилось в незнакомую короткую улочку, перекрытую в конце лесистой горой. Там будет тропинка наверх, мне - по ней.

"Нормальным" скорым шагом я миновал последний двор и дальше ринулся прыжками горного оленя, которого видел в кино, но теперь догнал бы без особого напряжения.

Тревога моя росла по мере приближения к неизвестной цели. Шелест палых листьев под ногами оставался позади, в воображении. Ни на что другое моё воображение способно не было, потому что - я уже знал - предстоял бой, а в бою воображение только мешает.

Наверно, страшновато я выглядел со стороны, если б кто успел уследить: весь в камуфляже, при чёрном берете, и медаль "За отвагу" стучится в грудь.

"Убей их всех!"

Чей был это призыв - не знаю. Но не послушался - зря. А ведь так и стучало в висках: "У-бей-их-всех-у-бей-их-всех..." - в ритме бега, в ритме пульса. Удивлялся, даже головой тряс: кого же убивать-то?.. Наконец увидел.

От этого воспоминания и сейчас немного знобко, но надо всё же вдаваться немного в подробности - не зря же они запомнились.

Полянка. На той стороне - четверо в капюшонах над женским телом. Привязали голую к трём деревьям, но не насилуют, а сотворяют что-то. Метров тридцать до них, молча не успеваю.

- Вста-а-ать!

Женщина вздрагивает. Жива!

Четверо быстро оборачиваются и вскакивают с корточек. Это им кажется, что быстро. Это им кажется, что они мгновенно идут в охват. Это вам кажется, "виннипухи", что вы хорошо живёте!..

Почему я тогда назвал их "виннипухами", не понимаю до сих пор. Само назвалось. Все в капюшонах, как в наволочках с прорезями - одинаковые, как плюшевые мишки.

Это тебе кажется, верзила, что ты успеваешь со своим скальпелем. Рука-кинжал! Мои пальцы

сминают ему пресс и раздвигают позвонки. Рука-меч! У второго, кажется, отлетела голова. Третьего - кулаком по челюсти. Вставит новую. А этот пускай заменит ключицу. Всё. Если бы даже не знал, куда бить, я бы всё равно их уложил, за счёт быстроты. А с квалификацией - просто меньше движений.

Что с женщиной?

Кровь на виске.

Знакомая русая грива.

Глаза...

Ольга?!

О, чёрт, где мой беретик?..

Да нет же, не беретик нужен... Вот скальпель валяется... Какими-то зелёными шнурами привязали... Инструмент, хорошо, острый. Не смотреть на её тело...

- Оля! Оля! - Не понимает. Забыл в драке, что теперь надо замедлиться. - О-о-оля-а-а...

В глазах - никакого удивления.

- Помоги, - протянула руки. Встала и сразу прижалась: - Согрей.

От виска у неё текло, я зажал платком разрез, а свободной рукой обнял покрепче. Запах волос, кожа, дыхание - это моя Аля! Испугался, прижал ещё сильнее, и скоро мы перестали дрожать. Высвободилась, наступила босыми ногами на мои ботинки - точно как Аля! - и поцеловала точно так же.

- Спас...

Нашёл, наконец, глазами ворошок её одежды.

- Оленька, давай оденемся.

Чуть не сказал: "Аленькая". Вот так да...

Пока одевалась, я связал четверых обрезками зелёного шнура. Удивляясь, что не поднялась рука поубивать, связывал беспощадно, в полную силу. Заглянул под капюшоны - симпатичные славянские лики... Скоростью своей не стеснялся - было не до того. Побросал все их режущие инструменты в их же кейс и повернулся к Ольге с вопросами. Она, однако, опередила:

- Как ты всё быстро...

- Потом, потом, - я едва мог заставить себя говорить с её скоростью. - Что было? Как ты здесь?

Она очнулась от удивления и вдруг тоже заспешила.

- Всё потом! Давай уходить. Сюда скоро приедет милиция.

В мои планы милиция не входила: мой поезд уже лязгал сцепками в Севастополе. Захватили от греха вражеский кейс с инструментами и двинулись обратно по моей тропе. Ольга сказала:

- А мы шли не здесь. Там дорожка прямо к шоссе.

- Милиция по ней придёт?

- Наверно.

- А откуда она узнает?

Тогда Ольга стала рассказывать - сначала на бегу, потом - в троллейбусе. Странно, что бежала, говорила и даже не запыхалась. Вероятно, ярость в ней была сильнее прочих рефлексов.

Я тут назвал ярость - рефлексом. И усомнился было: может быть, чувство? Но нет: чувства, по моему, состояния предельные, а вот когда наступает их превышение, тут и включаются рефлексы - неуправляемые состояния, спасающие психику от разрушения: экстаз творчества, восторг любви, ярость - по разным поводам...

Итак, Ольга была в ярости и рассказывала мне свои семейные тайны, ничего уже не скрывая. Объяснила: "Если б не ты, уже предстала бы перед Богом, притом в самом непотребном виде. Так что быть тебе за Него - с самой большой буквы". В выражениях она при этом себя не стесняла - Бог простит, - поэтому перескажу своими словами, но, чтоб было ближе к тексту, от её имени.

- Вообще-то по породе я - двор-терьер. Жили когда-то в одной крымской деревне татары, украинцы, русские и евреи - всех почти поровну. Так дружно жили, что татарочка вышла за украинца по фамилии Рубан, а русская - за еврея Гольдштейна. Так появились на свет мои дедушка с бабушкой. Во время войны кто-то из общей родни погиб от рук фашистов в деревенском колодце, а кто-то у этих фашистов служил - обычное дело для любой войны. После Победы началась так называемая национальная политика: одни семьи поехали в ссылку - за грехи уже казнённых родственников, а другие покинули деревню с горя - подальше от страшного колодца. Мои предки, однако, люббили друг друга и во всей этой бездарной перетасовке, хоть и разлучали их не раз, всё же сумели вовремя встретиться, чтобы пожениться. Родилась я. А в это время в Симферополе уже десять лет существовал Коля Жук - чистых кровей украинец. Наша встреча состоялась пять лет назад. Поженились с первого взгляда. Но его родичи не пришли на свадьбу - национальная гордость. А он был тогда молодой журналист-интернационалист и плевал на предрассудки... Однако на всю дрянь у него слюнок не хватило. Пришлось выбирать между шовинистами и рэкетирами. Бандиты

показались ему симпатичнее. И в самом деле - прикрывали надёжно. А он, используя газетные связи, чем-то помогал им. Но во вред нам пошёл его талант: его популярность очень хотели использовать националисты. Там всего-то и надо было, что призвать всех братьев по крови к единству. Но раз единство, значит - против кого? В общем, запутался мой мужчина между бандитами, националистами и еврейкой-женой. А страдала дочка, твоя тёзка, Жека. А сегодня всё кончилось. Нас всех троих захватили, вывезли в лес и сказали мне при нём:

"Ты, полужидовская морда, на предупреждения не реагировала, так теперь давай, посоветуй мужу, чтоб с тобой развёлся и начал работать с нами. Тогда жить останешься, только скальп с дочки снимем, для урока". Говорили вежливо, Женечка не знала, что такое скальп, но заплакала. А наш интернационалист, вместо того чтобы пасть за семью смертью храбрых, предложил им вместо Жеки скальпировать меня: дескать, в ней совсем малый процент еврейской крови, а я выживу с большей вероятностью... По арифметике четвёрку натянуть можно... И чадолюбие... 3-заяц с арифмометром... Отпустили его с дитём...

Так я и повидал быт популярных журналистов. Ничего особенного. Квартира как квартира, средней богатости, обставленная как-то наспех: вроде всё есть, но как-то не на своих местах, без внимания к комфорту, неудобно для жизни. Видно, от рэкета перепадали пропагандисту одни крошки, а время уходило всё. Либо просто так относился к быту... Впрочем, детская комнатка мне понравилась. Всё суета, что не стоит жизни.

От Ольги я ожидал истерики: после такой встряски без этого просто как-то нетипично. Но она сразу озаботилась кормлением героя, а за столом вдруг приступила с расспросами о нашем Томске, о климате, о детских садах почему-то. Сначала я подумал, что она хочет отвлечься от страшного, а когда начал догадываться - у двери застучали и зазвонили. В Ольге сразу будто взвёлся курок, она стала почти мёртвой, как в зелёных шнурах. Я сказал: "Сидеть!" и отправился открывать. Мышцы уже начали болеть, но была очень крепкая надежда, что еще одну потасовку выдержу, а там - на полку и домой. Ещё, помню, у самой двери подумал: "На верхнюю полочку, чтоб никто не мешал вытянуться. У меня ведь к комфорту два очень строгих требования: во-первых, чтобы всё было под рукой, а во-вторых, чтоб в любой момент можно было полежать с вытянутыми ногами..."

За дверью ждали трое из милиции - капитан и два сержанта, а с ними - некто в штатском. Больше нечего о нём сказать. Он бросился вперёд, будто я был невидим: глаза плоские, губы дрожат. Пришлось посторониться.

- Это, наверно, Жук? - Я посмотрел на капитана, а он - на меня.

- Это Жук, - капитан кивнул. - А вы кто?

- Пациент его жены. Проститься зашёл.

- Десант! - Капитан ухмыльнулся. - Ну, силён.

Он сказал это не сально, догадаться было можно, но я, конечно, всё же уточнил:

- В смысле?

- Ладно, пошли в комнату.

Я пропустил капитана вперёд, а сержанты, тоже ухмыляясь, пропустили меня.

У кухонного стола мы застали финал супружеского объяснения: Жук отступал под взглядом Ольги.

- Предатель! Ноги в руки - и на улицу! Дочь привезёшь сейчас же, а то... - Она так чиркнула себя большим пальцем по горлу, что я сразу вспомнил о трофейном кейсе с инструментами. - Час на дорогу в оба конца! Время пошло!

По мне скользнули глаза сломленного человека. Вроде всё при нём, а как один раз сломался в лесу, так теперь уже не оказывал сопротивления машинально, по привычке. Вышел быстро, плечами за всё цепляясь.

Остались впятером. Коротко поговорили о происшествии. Капитан сообщил мне, что сегодняшней мой поезд отменяется до полной дачи свидетельских показаний. Ну что же, свидетельских - это терпимо. Я открыл рот, чтобы немедленно дать эти самые показания да и раствориться в пространстве, но - ничего не успел. Ольга секундой раньше начала говорить и сказала так:

- Значит, вот что. Я до самого завтра буду чувствовать себя край плохо, показания дать не смогу. Мой товарищ - тоже. Он только что из госпиталя, он ещё очень слаб. (Вся милиция ухмыльнулась и переглянулась). До завтра он останется здесь, потому что одна боюсь, а ему идти как раз некуда. Завтра утром, в 10.00 будем у вас. А теперь, извините, до свидания.

- Вот это начальник! - Капитан засмеялся. - Ну, есть. До завтра.

Он назвал номер своего кабинета, свою фамилию - Волков - и откланялся.

Я не видел и не слышал, как Жук привёз дочку. Меня сразила мышечная боль - заснул прямо в камуфляже, органично слившись с поверхностью дивана.

И произошло нечто вопросительное, о чём никогда никому не рассказывал - по причине, уже названной.

Снов я никогда раньше не видел, но тут - то ли во сне, то ли в болевом бреде - пришла Аля ко мне на диван, и была немыслимая, не наша с нею страсть, а когда после этого я привычно погладил её по щеке и по волосам, пальцы задели какую-то чужую ткань на виске. На ощупь она была довольно жёсткой и приклеенной.

- Аленькая, что это у тебя?

Она молча осыпала волосами, легонько поцеловала и ушла. Я понимал, что это сон, и не стал задерживать - всё равно скоро приеду.

Проснулся без признаков боли и с той удовлетворённостью, какая бывает после супружеской ночи. Огляделся, кое-как узнал обстановку и вспомнил, наконец, вчерашнее: я не дома.

Ольга, уже одетая для похода в милицию, стояла ко мне спиной у зеркала и пыталась прядью волос прикрыть кусочек лейкопластыря на виске. Заметила, что моё отражение проснулось, и сразу заторопила:

- Глотай кофе и побежали, пока Жека спит. Она одна не боится, но всё же...

И так далее. Говорила без остановки, не давала рта раскрыть и выглядела далеко не удручённо, победно даже.

Я похвалил термос, из которого пил. Она важно кивнула:

- О да! Весь из нержавеющей стали, на каком-то пермском оборонном заводе - вот - "Пермь" на крышке. Если вместо крышки навинтить пороховой двигатель, а на доньшко надеть обтекатель с детонатором, да вставить внутрь кумулятивный заряд... В общем, мы его с собой, конечно, возьмём.

- В милицию?

- Зачем? - Засмеялась. - В Томск. Повезём невесту твоему Игнату. Как, подойдёт?

- Которая? - Я попробовал шутить, потому что несколько всё же опешил от такой решимости. Даже при моей скорости жизни это выглядело изрядно. Ольга ответила серьёзно:

- Ну, уж какая поглянется. Хоть Жеку, хоть меня. Ты бы какую выбрал?

И так посмотрела, что я опешил ещё больше. Спросил:

- Себе или ему?

- Для друга надо выбирать, как для себя. Разве нет?

В ударе она была великолепа. Не будь Али...

- Я, - говорю, - Жеку ещё не видел. Но, наверно, вас по отдельности выбирать нельзя.

Тут её задор и погас.

- А Жук - выбрал.

Пришлось ответить, что в Сибири такая порода насекомых не водится. И мы поспешили к Волкову.

Капитан записал сначала показания Ольги, потом пообещал ей, что через два часа непременно отпустит и меня, но поговорить желает наедине. Ольга находчиво положила перед капитаном деньги и потребовала, чтобы "за это" ей, во-первых, купили билет на сегодняшний поезд, в то же купе, что и мне, а во-вторых, чтобы конечный пункт её следования остался тайной для всего мира. Тут же, при ней, Волков вручил мой вчерашний билет одному из сержантов, отдал ему Ольгины деньги и позвонил на вокзал: "Это из милиции, по поводу нашего вчерашнего заказа..." И Ольга ушла собираться в дорогу, договорившись со мной об условном стуке в дверь.

- Восхитительная женщина, - сказал ей вслед капитан. - Завидую.

Кому завидует, тактично не стал уточнять, быстренько записал мои показания и, как он выразился, "взял проблему за рога".

- Чем дома думаешь заниматься?

- Пока не решил.

- Как относишься к службе в органах?

- В милиции?

- В органах. Милиция - одна из служб.

- А вы что имеете в виду?

- Давай на "ты". Зови меня Игорем. Мы с твоей Ольгой ровесники.

- А как же... ты уже капитан?

- Да так же, как у тебя эта медаль... В общем, слушай, но только это должно быть между нами. Даже Ольге...

Он сообщил о секретной службе, к которой имеет честь принадлежать, будучи официально простым инспектором по уголовным делам. Впрочем, в том же звании - капитан. А что это за служба, сказал, догадайся сам. Послушай вот, это один из твоих вчерашних крестников.

И включил магнитофон.

Бесстрастный голос Игоря я узнал сразу:

- Итак, задержанный Кунченко Артём Остапович, вы готовы ответить на интересующие следствие вопросы?

- Фа-шисты! - раздалось в ответ. Этот голос я тоже узнал, хотя слышал всего однажды: он напал вторым слева.

- Это тоже нужно для рекламы? - Голос Игоря по-прежнему бесстрастен.

- Ошибаетесь! - В голосе бандита неожиданная ирония превосходства. - Это не реклама. Это наша коллективная официальная жалоба. Мы требуем, чтобы привлекли к ответу садиста, прикрывающегося российской военной формой. Если это не будет сделано, то все вы - фа-шисты! Мы требуем, чтобы медицинская экспертиза засвидетельствовала наши телесные повреждения, мы требуем, чтобы...

- Момент! - Голос Игоря удивлял полной бесцветностью...

Тут живой Игорь тоже сказал: "Момент" и остановил плёнку.

- Что скажешь, садист в морской форме? - С таким лицом и таким тоном можно было спросить: "Ну, что с ними сделаем?"

- Клянусь, - я успел задержать кулак над столом, - в следующий раз буду бить насмерть!

- И получишь срок, - Игорь ответил бесстрастно, как на плёнке, но сразу подобрел. - Ты, Женечка, ещё мало видел, не обижайся. Если бы вот так, как ты, прыгать ночью на море, взрывать немецкие мины на фарватере да ещё награды получать - я бы - с моей работы - да как на праздник! У вас просто, как на фронте: вот враг, рядом свои, и наше дело правое. А тут, - он выругался, - извини, пальцем его не тронь да еще докажи, что не его дело правое, а наше. Клянись, давай, обратно.

- Клянусь... А дальше нельзя послушать?

- Обязательно! Только не забывай - данные секретны.

Игорь нажал пуск, и пошла тайна на два голоса. Помню почти дословно: что поражает, то и запоминается.

ИГОРЬ. Момент! Все жалобы - в письменном виде. Но не коллективные, а от каждого в отдельности. И не будем отвлекаться: казённую плёнку беречь надо. Итак, вопрос. Причины, побудившие вас принять участие в преступной операции по снятию скальпа с живого человека.

КУНЧЕНКО. Да разве в этом дело? Во-первых, с медицинской точки зрения всё было подготовлено, чтобы она выжила. Во-вторых, в этом нет ничего особенного - обычная кланвокация.

ИГОРЬ. Что-что?

КУНЧЕНКО. Я говорю, обычная кланвокация, имеющая целью объяснить Жуку и ему подобным, что нужно делать, а чего - не нужно.

ИГОРЬ. И что же не нужно?

КУНЧЕНКО. Вот с этого и надо было начинать. Скажите, вы - русский, украинец?

ИГОРЬ. Русский. Ну и что?

КУНЧЕНКО. Вы вступили бы в такую связь, как Жук?

ИГОРЬ. Давайте-ка не отвлекаться.

КУНЧЕНКО. Вот видите! Вас всех разъедает благодущие! По всей стране они захватывают власть, насаждают свою аморфную квазикультуру, губят наши памятники, растлевают души и завладевают телами, а вы - не желаете на это отвлекаться! Пьянство и наркомания - это их работа. Тихая, незаметная, исподволь! Запреты на подлинные литературные произведения, перекосы в планировании и стимулировании, чуждые моды, книги, фильмы, торможение распространения безотвальной вспашки, наконец - неужели вы, поставленные на страже, этого не видите?! Они - тихие, приветливые, хорошие профессионалы, их образованию можно позавидовать, но до чего они довели страну?!

ИГОРЬ. Много слов, мало сути. Хотите делать заявление - делайте. Но - предметно. А такого и я могу наговорить.

КУНЧЕНКО. Да-да-да! Вы только говорите, принимаете постановления, законы... А они - делают! Но ничего, мы будем сокрушительно защищаться. Наступит момент, когда вы поймёте и придёте к нам на помощь. И мы простим опоздавших, потому что славянское братство - превыше всех прочих идеалов. Только постарайтесь не очень опаздывать...

ИГОРЬ. Да о ком же речь-то? Можно узнать?

КУНЧЕНКО. Вы ещё не поняли? ОТ ВАС ожидал большего. Тогда вспомните культ личности. Кто больше всех пострадал? Лучшие, подлинные хозяева страны. А кто уцелел? Клопы! Тараканы! Сидели по щелям, наблюдали истребление и пальцем показывали - вон того хватайте... Поколение подлецов! А в войну? Кто первым погиб? Опять лучшие! И опять уцелели ЭТИ... И воспитали поколение себе подобных! И множатся!

ИГОРЬ. Я же просил экономить плёнку казённую. Давайте короче и по делу. Или - конец беседе.

КУНЧЕНКО. Хорошо. Я произнесу правду, но вижу, что едва ли она будет услышана кем-то кроме вас. Свобода слова - только на словах... Но учтите: если наше дело не получит огласки до суда, то уж суд будет вынужден предоставить нам трибуну. Торопитесь, пока вас не опередили. Стыдно будет...

ИГОРЬ. Последний раз: к делу или в камеру.

КУНЧЕНКО. Ладно... На паспорт пострадавшей обратили внимание?

ИГОРЬ. Ольги Гольдштейн?

КУНЧЕНКО. Ольги Самуиловны. Отчество вам ничего не говорит?

ИГОРЬ. Еврейка, наверно. Ну и что?

КУНЧЕНКО. Полуеврейка. А мать - полуукраинка. Любая половинчатость - прямой путь к предательству. У нас есть сведения, что через Ольгу Гольдштейн сионистская община добирается до честного журналиста Николая Жука, чтобы использовать его талантливое перо в своих антиславянских целях. И мы этого не допустим. Повторяю: мы будем сокрушительно защищать завоевания славянства там, где официальная власть бессильна. Мы превзойдём ИХ в образовании, изворотливости, в вероломстве и жестокости. Мы защитим от этой ржи наши идеалы. Мы отберём у них ключевые позиции в стране и никогда больше не дадим подняться. Ржавчина бессильна против нержавеющей стали!

ИГОРЬ. Пышно, однако...

КУНЧЕНКО. Я не закончил. Нержавеющей сталью я назвал не себя, упаси Бог. Нержавеющая сталь - это русская идея, о которой так много говорят, что забыли о деле. Поймите, не надо больше новых законов и прочих сотрясений воздуха! Прекратить саботаж - и нация будет процветать. А саботаж - это ОНИ! Необходимо вернуться к технике и тактике большевизма по искоренению саботажа: где стрелять, где заставлять - но для начала покруче, а там можно и ослаблять гайку, но - постепенно. И сделает это Кон-Крас-Кон.

ИГОРЬ. Как? Как?

КУНЧЕНКО. Конфедерация Красных Консерваторов.

ИГОРЬ. Сходство с Ку-Клукс-Кланом не случайное, как я понимаю?

КУНЧЕНКО. Приятно говорить с образованным человеком. Но вы, вероятно, знаете о Клане только негативное: горящие кресты, линчевание... Научпоп для плебеев в лаптях! Ребята обороняли граждан от озлобленных негров, только что переставших быть рабами. В рабстве им сытнее жилось... Клан - добрая пуританская организация: трезвость, спорт и закон. Клан - это не расизм, это Порядок, Философия и Религия - всё с большой буквы.

ИГОРЬ. Ну да, "радость через силу". И ваша Конфедерация - тоже, стало быть?.. Только с моралью как быть, не думали?

КУНЧЕНКО. А что вы знаете о морали? Если не прятаться за авторитеты и рассуждать самостоятельно и здраво, то мораль - природна, и никуда от этого факта не деться. Действие вызывает противодействие. У всех народов - У ВСЕХ! - своя система ритуалов и посвящений, но обязательно - с жертвоприношениями. Что может быть моральнее очищающей жертвы?! Почитайте классику - всюду жертвы! Заклание врага на жертвеннике - древнейший и благороднейший обычай ЛЮБОГО народа. Вокруг жертвы народ закаляется и сплачивается.

ИГОРЬ. И врагов это устрашает...

КУНЧЕНКО. Вот именно! Увы, нет и не может быть истинной морали без устрашения. Потеря страха развращает и ослабляет, притупляет инстинкт самосохранения, лишает нацию способности к самовывживанию. Даже у такого гуманиста, как Экзюпери, вспомните: "Побеждённая нация - сильнее". Вот где сила сионизма! Что же ему противопоставить? Нет вопросов! Кстати, и в основе прогресса через конкуренцию - тоже страх... Преодолённый страх возвышает душу. Вспомните: мать шлёпает ребёнка, а он у неё же ищет защиты! Вот истинная сущность человека. Извечная. Непреходящая. Неподавляемая. Массовому человеку нужен лидер, пастырь, вождь, вожак - не название важно, а страх, который он внушает. А не будет страха или хотя бы опасения - свергнут его и заменят обязательно страшным. Люди любят бояться и любят свергать - вот какой парадокс. Для того и создаются кумиры, чтобы их свергать. И тут же создавать новых, и бояться их, и свергать до бесконечности. Старинная пропись: "Пастырь лютого стада лютее пасомых". А без лютости - не то что стада, самой жизни быть не может. Это закон, равный законам тяготения и отталкивания. ЭТА мораль законна, ибо природна, и не заменить, и не изменить её одиноким гуманистам, ибо их удел - вечное одиночество. Будьте честны перед природой, тогда вам не придётся страдать никакими угрызениями, потому что постигнете гармонию мира и вольётесь в неё...

Плётка кончилась. Игорь выключил магнитофон.

- А мы думали, что фашист - тупица в рогатом шлеме и с автоматом, да? - Он глядел на меня мрачновато. - Этот, конечно, путаник изрядный, но ведь знает, гад, чего хочет. И образования хватает.

Я был тогда слишком молод и невежествен, чтобы оценить такого странного врага, который взялся бороться за меня, но против Ольги. Да и в Томске у меня хватало друзей еврейского сословия, и мне вовсе не требовалось, чтоб меня от них защищали. В общем, Кон-Крас-Кон в моих глазах был обречённой организацией, которую в России просто некому поддерживать. Так я Волкову и сказал.

Игорь не стал ни спорить, ни вдаваться в теорию. Он ответил:

- Если организация провозглашает порядок, а сама калечит и убивает людей, значит, она сама

себе противоречит. Это и есть круг наших интересов. Понял, боец, куда тебя приглашаю?

Я сказал, что понял, и спросил, а нет ли такого в Томске.

- Такое есть во всём мире, - ответ был удивительный и неожиданный. - Тайна мирового масштаба, представляешь? Вроде масонской ложи, только наоборот.

- Но почему тайна? - Я искренно не понимал. - Нам-то от кого скрываться?

- "Нам" - это ты хорошо сказал. - Игорь был доволен и улыбался. - Я был уверен, что не ошибусь в тебе: склонен к принятию самостоятельных решений... А скрываться... Ну-ка, скажи, как отловить хищного зверя или птицу, которые охотятся ночью?

Я чуть подумал и сообщил, что всё ясно.

- Так вступаешь?

- Конечно.

- Тогда езжай спокойно домой. Я сообщу там кому следует, тебя найдут.

" Повелитель стихий "

Теперь можно познакомиться с тетрадью Мефодия Ханова. Это не любовное послание, а - решусь так назвать - близкий к науке дневник. Записи сумбурны и нерегулярны, однако приводить их в порядок некому - автора давно нет в живых. Едва ли стоит добавить - "к сожалению", потому что жил этот человек путано и грешно, умер страшно, и в том мире, где он сейчас, ему едва ли хуже, чем было в этом. Был он талантлив, образован, влюблён и одинок. Свойственное всякому таланту стремление к независимости было в нём развито, как я понимаю, сильнее среднего - оно и сгубило. Не успел дожить до тридцати.

Ради хоть какой-то складности чтения все даты и некоторые "разбавляющие" места придётся опустить. Да ещё, может быть, позволю себе кое-где комментарии, поскольку к ряду событий я имел отношение. Итак,

ЗАПИСИ МЕФОДИЯ ХАНОВА

Нормальные дети НЕ МОГУТ походить на родителей. Это не природно. Речь, конечно, не о телесном сходстве, козе понятно.

Я - нормальный. Похожу на деда.

У деда была кликуха - Самосуд. За нрав. Сидел неоднократно. За то же. Мокрушник был отпетый. Но не вор и не грабитель. Битый фраер. Его на зонах боялись. Он речей не говорил. Всё - руками. Справедливость - единый бог.

Дед в нашем роду - вершина. Выше вроде и не влезешь. Выше - вечность. Но, надеюсь, влезу. Близок. Только трудно - без тебя. Что же ты делаешь? Неужели одной - легче? Или ищешь лучше меня? Да нет, некогда тебе. Тогда - ждешь? И не дождешься, и не найдешь. Я - единственный.

Иначе - окаменею. Я знаю, как это будет. Значит, это уже было. Наверно, было так:

БЕРЕГ БЕЗ СЧАСТЬЯ

Человек шёл по каменной пустыне в ту сторону, где горизонт блестел голубой полосой океана. Там человек ожидал встретить счастье, ради которого жил. На берег он пришёл в пасмурную ветреную погоду. Океан, пытаясь сбросить серую тяжесть туч, бил в скалы неповоротливыми, неотвратимыми волнами. Человек понял, что оставшихся сил ему для плавания не хватит. Он выбрал подходящую скалу и принялся за работу. Человек был настойчив, его руки превратили скалу в каменного идола, который стоял в пене прибоя и смотрел в океан, будто ожидал, что само приплывёт оттуда его счастье. Идол был копией своего создателя. Человек переселил в него душу, а сам умер на неприветливом голом берегу. Идол глядел в пустынный океан и однажды увидел там маленькое судно. Шлюпка была покалечена волнами и шла к тому месту, где возвышался Каменный Человек. На носу, забыв о руле, стояла женщина и вглядывалась в камень. Наверно, он казался ей живым. И судёнышко, повинувшись её невысказанной воле, с каждой новой волной всё приближалось к статуе. Женщина искала счастья на этом берегу. Приближаясь к полосе прибоя, пенящегося у ног идола, женщина с каждой волной всё лучше понимала, кто перед ней. И не хотела верить. Ибо она слишком долго плыла к своему счастью и слишком хотела его. Женщина молча протянула руки, и волна ударила её о каменную грудь идола. Эта же волна, отхлынув, понесла женское тело обратно в океан. Внутри статуи что-то вздохнуло, и несколько толчков, похожих на удары сердца, медленно качнули каменную фигуру. Дрогнули веки, но так и не поднялись. Поднялась грудь, но так и не опустилась. Только дико и страшно закричал ветер над безжалостным берегом, где умирают люди, а камни не оживают.

Записал это в самую плохую ночь. Грешен, угнал машину. Был ливень, холод, а ехать - на другой конец города. Поздно было или рановато - три часа пополночи. Постучался. Не открыла. Ушёл домой пешком и записал это стихотворение. Отдал ей. Прочла при мне. Спросил, как поняла. Сказала, что надо подумать, проанализировать. Жду.

Сработал закон компенсации: не ладится в любви - ладится в работе. С шариком всё решилось просто до гениальности - дед бы позавидовал. Даже хорошо, что я ушёл из института. Во-первых, никто рядом не строит умника, а во-вторых, всю ночную смену дежурный электрик волен распоряжаться всей энергией цеха. А цех - побольше иного завода. И идея на новом месте родилась легко. Обычная скороварка и пара вакуумных колпаков. Шланги, правда, высокобарные, но - на то и завод, чтоб всё было. Собрал и опробовал в грозу. Сюжет, достойный кисти и пера.

Пар клубился и уплотнялся за стеклом. Когда манометр зашкалил, я подал напряжение. Пар вздрогнул, замер. Я добавил, сколько мог. Ожидал, что прошьёт или разнесёт, поэтому стоял за крепким железным шкафом. Но оно опять закрубило, только упорядоченно, всё быстрее, пока не стало казаться неподвижным. Оформилось в тороид величиной с кулак. Он светился и сыпал искрами. А у меня нечем было снимать. Даже фотоаппарата не приготовил. Внутри шарика таилось что-то. Я приблизился, чтобы разглядеть. Метра за три оно взорвалось. Очнулся на полу. Разрушений никаких. Только разошлись колпаки. Со стола упали, но не разбились. Сорвало гайки с болтов, которые их держали. И сам я изменился.

Хорошо, что был один. Успел до людей всё понять. И привык более-менее.

Симптомы. Секундная стрелка пошла чуть быстрее минутной. Между тиканьем - длинные скучные паузы. За окном - ленивые молнии, длинный-длинный гром. Муха так медленно летела мимо, что я поймал её за крыло.

Итак. Эксперимент, проведённый в грозу, изменил мою нервную систему. Гроза - майская. Время - ночь. Вода для пара - дождевая.

Давление пара, температуру, напряжение и ток - просто запомним.

Разбился Коля Виш. Отказал парашют. Какое горе.

Судьба каждого - ПРЕДПИСАНА. Никто не докажет обратного. А доказать предписанность каждый может на себе. Если, конечно, захочет.

Почему в двенадцатилетнем романтическом возрасте я избрал ТЕМОЙ ЖИЗНИ именно арию мистера Икс из "Принцессы цирка"? Не потому ли, что НИЧЕГО НЕ ИЗБИРАЛ, а БЫЛ ИЗБРАН? Избран темой жизни. "Живу без ласки, боль свою затая". Это - я. "Со смертью играю, смел и дерзок мой трюк". Это - обо мне. "И никого со мною рядом нет". Козе понятно, о ком. Одна неувязка: "Публика ждёт". На публику не работаем. Весь риск - только наедине со смертью. Так больше щекотки. Но это не неувязка. Это - допуск на индивидуальность. Так сказать, право выбора. Улицу перехожу где хочу, а иду - куда предписано. Узкие рамки. Пренебрежимо малая величина. В масштабах судьбы и вечности.

Второй шарик - тоже в мае, тоже в грозу, только - в порядке эксперимента - днём. Было воскресенье, народу - никого. Только на очистных бассейнах - три фигуры перед самой грозой. Ими я пренебрёг. И напрасно. Шарик не взорвался, я не дал. Напряжение подал скачком, на десять процентов ниже взрывного. Шарик устойчиво висел посреди объёма. Но фотографироваться не захотел. Пока я целился "Зенитом", он вдруг просочился сквозь уплотнение, прожёл оконное стекло и вылетел во двор. Я видел в окно, как он скрылся в соседнем корпусе - насосной. Через полминуты там полыхнуло. Я побежал туда. Очень трудно было бежать "по-человечески" медленно. Но тут же откуда-то стали сбегаться люди: шибко не поскачешь. В насосной оказались те трое, с очистных. Укрылись от грозы. Две наши дежурные инженерки и долговязый молодой инспектор из Охраны Природного Равновесия. (Интересно: раньше охраняли природу, а теперь - её равновесие). Дамы сидели под столом, а этот парень лежал на полу и только что начал подниматься. Вставал как-то очень резко и озирался с птичьей быстротой. С МОЕЙ БЫСТРОТОЙ. Я понял: из-за шарика! Но больше не понял никто. Он сразу во всём разобрался и ЗАМЕДЛИЛСЯ. Даже завидно. Я постарался на попасться ему на глаза: при таком таланте ещё расшифровал бы поди.

Марина соизволила позвонить мне в электроцех. Нужна встреча. Примчался. И получил, как тот стивенсоновский чудака на пальмовой набережной.

- Привет, Повелитель Стихий! Что нового на нивах науки?

- Здравствуй, Наина. Поля, поля, поля...

Ей давно бы сменить эту фамилию, чтоб не пугать мужчин. Но, похоже, это её как раз устраивает. Обычный ровный тон, холодные весёлые глаза. Рассказ о Каменном Человеке её не пронял. Говорю:

- Ладно. Ухаживаний больше нет. Отдавай мои письма, отдавай моё сочинение.

- Не могу, друг любезный. Со всем этим работает машина.

У них там с Дорошенкой аппаратура - опаснее дикаря с пулемётом. Огромный, с человечесью голову, монокристалл с самыми необузданными и беспардонными гуманитарными наклонностями: анализирует любые тексты и сам сочиняет что угодно - от фельетона и статьи до романа и симфонии. В оценках беспощаден, скотина, как всякий гений. А она ему, как родному, позволяет

анализировать мои к ней чувства. Свинство, пожалуй. Может, у неё тоже монокристалл вместо мозга?

Начала расспрашивать - "для анализа", - в каком состоянии души был, когда писал, да сколько вариантов... Махнул рукой и ушёл.

Это, пожалуй, конец. Во мне кристалла точно нет. Если я перегорю, запчастей не будет. Похоже, А.Т. прав: пора определиться и хоть что-то в жизни сделать до конца. До своего - это само собой, но и не только. Пусть концы сойдутся с концами. Да будет так, А.Т. суров, но справедлив.

Комментарий. А.Т. - это Аркадий Орестович Тетерев. Он был в нашем аэроклубе начлётком, то есть заместителем начальника по лётной работе. Близко я его не знал, потому что мы, проходившие парашютную подготовку по программе ВДВ, с таким большим начальством дела не имели. Издали оставил ощущение силы, власти и уверенности. Летал на всех аэроклубовских аппаратах, высший пилотаж выполнял круто, плотно, как-то не спортивно, а будто в бою. И приземлялся, будто станок выключал. Говорили, что раньше был перехватчиком, да с кем-то в армии не ужился. Словом, они с Мефодием нашли друг друга. Хотя, если бы не гибель Виша, всё сложилось бы иначе.

И стало так. Как честный офицер, А.Т. решил начать с объявления войны, и мы с ним составили открытое письмо:

"В редакции областных и городских газет Томска. Даже если свобода печати - фикция, вы обязаны известить население о предстоящих карательных акциях, дабы честные люди знали, что им бояться нечего.

Сообщаем всем, что лица, виновные в мелких и средних преступлениях против трудящегося народа, приговариваются к отсечению носа либо одного или двух ушей. Тяжкие преступления будут караться отсечением кистей одной или обеих рук. Особо тяжкие преступления влекут за собой смертную казнь без мучений. Преступники выявляются методом частного сыска, поэтому никакие высокие посты и знакомства от истинного правосудия их не спасут. Группа-30 объявляет войну социальному паразитизму".

Пусть поломают голову: как понимать "социальный паразитизм" и что означают эти "30" - буквы или цифры. А означают они всего лишь - "Заговор Отчаяния". Мы с А.Т. погибнем, конечно. Но пользу свою народу принесём. Обоим телесная жизнь опаршивела. Ему - из-за поражений в ЗАКОННЫХ поисках справедливости, мне - по своим причинам.

Впрочем, если Виш не разбился, не было бы, наверно, нашей Группы-30. Об аэродромщиках вообще надо бы книгу написать, да жаль - нет среди них писателей, они - люди дела.

Это было похоже на извержение вулкана: накопилось и - рвануло. В Томске закрыли аэроклуб, а спортсмены с этим не смирились. Не от одного Виша зависело. Артель собралась - один к одному. Нашли новое поле - хоть и не у самого города, да и не очень далеко. Стали все и вальщиками леса, и строителями, и механизаторами, и проектировщиками. За два года голодной жизни, на списанной технике, в палатках, выгоняемые с работы и из институтов - построили и начали летать. У Николая здоровья было на троих. Помню его ещё по институту: я - электрофизик, он - механик. Он летал и прыгал с парашютом, подрабатывал на заводе, чтобы кормить жену-студентку и дочку, почти все экзамены сдавал досрочно и ещё как-то успевал гонять на своём "ижаке" у нас в автотоклубе. Там и познакомились. Ещё он фотографировал и играл на гитаре. Гений был и погиб гениально. После трёх бессонных суток прыгнул с парашютом новой системы. Была зима, сильный мороз, отказал основной купол, а меховые перчатки помешали быстро всё успеть...

Он всё хотел успеть за всех, потому что получалось у него лучше всех. И оказалось, что вся артель держалась на его обаянии. Похоронили, отключились в верности делу, и из всех вышел пар, как из моей установки, которую прожгла шаровая молния. Оказалось, что слишком большое давление извне он принимал на себя. Никто другой этого выдержать не смог. Клуб не рухнул, дело не погибло, но стало гаснуть. Это отметили на первых же поминках, через год. Колю похоронили прямо на аэродроме, чтобы всегда видел СВОЮ взлётно-посадочную полосу. На первые поминки уже не приехали клопы, тараканы, моли и волки, из-за которых он надорвался. Приехали только свои. И я там был как бы своим, хоть и не летал с ними. Мы им помогали техникой, базой... Когда выпили, языки развязались - и всё стало ясно: Коля был не только центром конденсации, но и броней. Роль личности в истории...

Коля пригласил А.Т. к себе в начлётку, когда уже было ясно: клуб наверняка открывается. Ему, рядовому запаса, был нужен настоящий военный, ас-офицер, чтобы не было формальных придирок. В то время А.Т. со всеми разругался в "Аэрофлоте" и в мрачном одиночестве начал заглядывать в бутылку. Виш его обаял, вернул к жизни, а все вместе показали бывшему майору, что приличные люди на планете еще водятся. За год он прирос к аэродромщикам душой, не требовал жалования, жил на раннюю сверхзвуковую пенсию, дневал и ночевал на аэродроме, но всё время предупреждал всех: "Ребята, клуб стоит на пороге тяжёлого ЧП". Говорили - накликал, а он просто учуял, как звери

чуют землетрясения.

С тех поминок домой он повёз меня на своём драндулете - сам пригласил, только одного. И по пути - 18 километров - предложил создать Группу-30. Намёками, не сразу. Напрямую говорили уже у него дома, за кофеом. Он учуял моё состояние, как зверь цунами, и без страха открыл все свои претензии к человечеству. Я спросил, почему он так откровенен с малознакомым мною. Он ответил, что Виш хвалил меня как честного, а честному - одна дорога: или надрываться на ниве или пропалывать сорняки. К тому же - старый томич - он многих знает, навёл обо мне справки - соответствую.

От всего вместе у меня закипали мозги. Сказал, что погуляю, подумаю наедине и через часок вернусь.

Вот тут и случилось то, ради чего затеял эти записи. Хорошо, что не на ходу, а то попал бы под колёса.

Я стоял на троллейбусной остановке у ресторана "Сибирь". Смотрел вдоль улицы и как-то незаметно, как в сон, ушёл ТУДА. Точнее - полетел. Меж каких-то деревьев.

Лечу. Впереди появились обломки чего-то того, что наговорил о себе А.Т. Изломанная тайга, нефтью залитая, преданные правительством солдаты среди разбитой техники, потом почему-то - подводная лодка в кофейном море, высматривающая реактивную блоху, чтобы сразить её бортовым залпом из погремущек, заряженных секретной смесью керосина и мороженого на постном масле. Полёт происходил среди очень важных кучевых облаков, непроницаемо густых. От поражённых и поломанных образов я ДОЛЖЕН БЫЛ повернуться лицом к этим облакам, хотя и опасался выстрела в спину. Страх удалось пересилить, и сразу всё загорелось, повалил чёрный дым. И тень его заколебалась на желтовато-молочном колоссальном облаке, к которому я повернулся. Эта тень показалась мне живой. Я с ней заговорил.

Я сказал: "Говори". Она спросила: "Каково тебе в собственном подсознании?" "Ага, вот где я... Ну, как младенец в тайге". Тень одобрила: "Такое допустимо". "А какое - нет?" "У взрослых это происходит одинаково - слон в посудной лавке. Длится недолго, кончается потерей рассудка". "А я?" "У тебя - рецидив детского состояния. Дети легко тут живут. Но потом всё забывают и способность теряют. А ты свою - вернул. Таких, как ты, больше нет".

Я понял, что вот-вот сойду с ума. Собственное подсознание - опаснейший собеседник. Тень подтвердила: "Ты прав. Утрата меры может стоить рассудка и тебе". "Но зачем я сюда попал?" "Ты же ТАМ потерял себя? А ЗДЕСЬ - нашёл. В дальнейшем можешь наведываться, задавать вопросы... Задавай". Я растерялся. Тень это оценила:

"Тогда на первый раз хватит. Оглянись".

Я оглянулся. Позади не было ни костра, ни дыма. Там смыкались облака. Миг задержки - и я останусь. Со всей скоростью, которую дала молния, бросился в узкий просвет и успел. Пролетел сквозь знакомые деревья - я назвал это синапсовым лесом - и обнаружил себя на троллейбусной остановке.

Моё состояние, может быть, и показалось бы со стороны необычным - ежели вглядываться, - но на меня там вообще никто не смотрел. Там шестеро вывалились из ресторана и горланили популярную песню. Что-то, помнится, про удивительных каких-то коней. Потом резко замолчали, и один ткнул пальцем в кого-то на остановке. Другой, верзила, кивнул, подошёл к указанному очкарику и ударил кулаком в лицо. С крыльца заорали: "Да не этого! Вон того!" Я понял, что сейчас верзила ударит другого - пожилого мужчину, тоже в очках. Блоха не того укусила. Идти к пожилому предстояло мимо меня. Верзила пошёл. Никто, конечно, не разглядел, как я ударил.

Он остановился, медленно схватился за сердце, постоял на крепких ногах и упал лицом на асфальт, во весь рост. Пятеро подбежали. Один почему-то обратился ко мне: "Что с ним?" Я ответил: "Разрыв сердца. Много выпил". "Не блажи! По бутылке всего - это много?" Я не ответил. Сел в автобус и уехал. В клинике у этой БЛОХИ обнаружат обширный разрыв миокарда, поудивляются и спишут на алкоголь. Или не спишут. Мне всё равно. Вши, клопы, блохи, тараканы - все паразиты.

Комментарий. Я тогда работал в ГАИ, носил старшинские погоны. На похоронах Виша был, конечно. Весь город был. Об этом светлом человеке могу рассказывать долго и с воодушевлением - всё же он мой первый инструктор, а это - как первая любовь, особенно в небе. И обязательно расскажу, когда-нибудь. А сейчас ограничусь только тем, что отмечу: на похоронах мы встретились с Хановым вторично. Он меня узнал сразу, но не подошёл, а только поглядывал издали, имитируя безразличие. Мне же его лицо просто показалось знакомым, но откуда - я тогда не вспомнил. На первых поминках, через год, я не был, потому что дежурил, но как раз по этой причине могу подтвердить: наутро в ежедневной сводке происшествий действительно было доложено о "поднятии трупа на троллейбусной остановке "Главпочтамт" с подозрением на убийство тупым предметом в область сердца". Однако, опросив свидетелей, следствие присоединилось к диагнозу вскрытия - "обширный инфаркт миокарда". Эту смерть никто не связал с "Открытым письмом Группы-30", поскольку о ней хватало и прямых сигналов:

отрезанные уши и носы вперемешку с трупами пошли тогда чередой, обязательно с "визитными карточками". Следователи всех райотделов только разводили руками и сходились в одном: Группа-30 действительно карала негодяев, которых на законном основании никак не удавалось арестовать - улик не хватало либо кто-то влиятельный хорошо их опекал. Последние, кстати, мошенничали по-крупному и расплачивались с Группой-30 по высшему тарифу. Пал, например, жертвой "тридцатки" (так их прозвали в городе) даже один из заместителей начальника областного управления внутренних дел. Он был когда-то начальником ГАИ и ещё тогда имел среди инспекторов дурную репутацию. То же стали пощёптывать о нём и в УВД. И вот, выходя к своей машине один, он упал в сквозном коридоре управления, где было два выхода - на улицу и во двор. Из двора через неохраемые ворота можно было легко уйти в поперечную улочку, что Ханов и сделал. А полковника аж через три минуты подобрал его шофёр. Тоже списали бы на инфаркт, но за борт полковничьей шинели оказался заложен картонный квадратик с изображением постельного клопа и двух известных букв. Дактилоскопическая экспертиза ничего не дала. Графологическая - тоже: буквы были отпечатаны по трафарету и вполне могли быть цифрами.

Секретная служба, к которой принадлежал я, тоже была вынуждена хорошо пошевелиться, чтобы по крайней мере знать, что ничего нацистского или подобного в этом теракте не содержится: полковник-то был хоть и с русской фамилией, но полукавказских кровей. Нет, ничего подобного не содержалось. По закону - криминал, а по справедливости Группы-30 - возмездие.

Могу отметить, что за собственного деда, которого Ханов считал погубленным без вины, он мстить не стал, хотя и было кому. То ли решил не поминать старое, то ли общественные интересы держал принципиально выше личных, то ли осторожничал, чтобы ниточка от деда к нему не протянулась.

И вот что ещё занятно. Я сейчас рассказал о нашей с Мефодием второй встрече, а он в своей тетрадке рассказывает о первой и третьей.

В городе наш "Заговор отчаяния" быстро лишил лавров знаменитую когда-то "Чёрную кошку". Дел, да ещё справедливых, на нашем счету на порядок больше, чем у всех когда-нибудь известных "кошек". Разум А.Т. и моя быстрота обеспечивают полную неуловимость. Список клиентов, однако, не убывает, а растёт по принципу цепной реакции. В действиях организованных банд исчезла наглость, а одна из них стала вывешивать в людных местах истерическое объявление: "Тридцатка! Вы - трупы!" Мы это и без них знаем. Но хотим успеть побольше. Ещё хотя бы пару надёжных человек. Таких, чтоб с моими возможностями.

Я рассказал А.Т. про Малюхина Евгения. Я заметил его на похоронах Виша. Он служит в ГАИ. Отличился в морском десанте. Медаль "За отвагу", нам такую не выдать. А главное - он ТОЖЕ. И не без моего участия. А.Т. попросил рассказать подробнее, чтобы потом понаводить справки. Я рассказал вот что.

После второго шарика, от которого перепало Эвкалиптову, я до июля переделывал установку. (Технические параметры - в голове, значение сейчас имеет результат.) Дело было к ночи, на город опять напознала гроза. Уже поыхало над проспектом Фрунзе - насколько я мог определить по трубам ГРЭС, освещаемым вспышками.

Шарик быстро оформился, созрел, налился непередаваемым алым цветом. Он позволил сфотографировать себя пассивным способом, а когда я сверкнул лампой-вспышкой, чудовище заискрило, прожгло все преграды и полетело в сторону ГРЭС, напоминая противотанковую управляемую ракету. Только ЭТА ракета управляемой не была. Сама нашла в городе цель и взорвалась. Я видел наземную вспышку собственными глазами - несколько мгновенных лучей из одной точки, ударивших в облака. Голос из подсознания бесстрастно подсказал: "Это - в троллейбусе".

Я представил, сколько народу могло набиться в этот троллейбус из-за дождя, и чуть не выпал из окна. Бросил дежурство и на мотоцикле помчался в город. На проспекте Фрунзе влетел в стену дождя. Мчался среди линейных молний. Чуть не сбил какого-то сумасшедшего парнишку. Он бежал навстречу посреди проезжей части. Через секунду окатил водой юную парочку. Она, похоже, догоняла парнишку. А впереди дымился троллейбус. Ни мёртвых тел, ни машин "скорой помощи". Только двое рослых молодцов удалялись от него и не прятались от дождя. Я поравнялся - молния - и я увидел обоих. Инспектор Охраны Природы, которого я приласкал своим вторым шариком в мае! А другого я не знал. И постарался запомнить. Он тоже был УСКОРЕН и плохо скрывал это. Видно, получил только что. Это и был Евгений Малюхин. Как выяснил потом А.Т., они с Эвкалиптовым Игнатом - друзья детства. Поистине, тесен мир!

Там, у троллейбуса, Евгений тоже разглядел моё лицо и потом, на похоронах Виша, было видно, что пытается меня вспомнить.

Короче говоря, из двух кандидатур А.Т. утвердил одного Малюхина, и то условно. Жаль, но справедливо. Игнат при таком деле, что к нам ему не надо.

Встречу с Малюхиным я наметил в людном месте специфического назначения.

Как старый мотогонщик, я давно состоял в транспортной дружине ГАИ - дежурства с их инспекторами на постах, участие в рейдах, а для себя - некоторые поблажки на дорогах и при техосмотрах, доступ к интересной для "тридцатки" информации и неплохая "крыша" на случай... Хаживал по понедельникам к ним на физкультуру. Играл в волейбол, плавал в бассейне. Поддерживал, словом, неформальные отношения, как выражалась социолог Наина. С появлением там Малюхина пришлось занятия надолго прервать. Теперь конспирация отменена, план встречи составлен.

Едва я вошёл в раздевалку, он вцепился в меня глазами. Я нейтрально кивнул.

Дальше всё сложилось как на заказ. Лейтенант Федя Кузовлев, огромный, центнера на полтора, пристал к Малюхину: "Поборись со мной". Ростом Евгений немного ниже, а по массивности уступает в два раза ровно. Отказываться начал, но Федя уговорил: "Одну схваточку". Хлопнул на радостях старшину по плечу, но промахнулся. Я сказал: "С морской пехотой не шутить". И увидел удивление в глазах Малюхина. Это хорошо, это нам надо. Его речь была всё же чуть быстрее, чем у всех. И я заговорил с той же скоростью. Он это засёк...

Все пошли играть в волейбол, а эти двое - в зал борьбы. И я - с ними, судьёй на ковре.

Евгений не баловал Федю разнообразием приёмов. Каждый раз примитивно нырял под протянутую руку и дёргал на себя выставленную ногу. В общем, брал молниеносной быстротой, укрощённой ради Федеи раза в четыре. После пятого падения на спину Федя бросился вперёд ласточкой, но Евгений шагнул в сторону, и лейтенант грохнулся всем весом на ковёр. Тогда он встал и протянул руку: "Молодец, благодарю". Малюхин пожал руку, а Федя воспользовался, сжал его пальцы своей клешней, рванул на себя и попытался срести Евгения в охапку. Через секунду он мычал от боли в ноге и хлопал по коврику ладонью. Оба рассыпались друг перед другом в извинениях, и Федя ушёл. Мне он предложил тоже "попробовать Малюхина", но добавил, что "смотреть на это избиение - не в его силах".

Когда остались одни, я взял щётку, которой чистили ковёр, и заложил ею дверь. В скорости не стеснялся. Евгений сказал: "Я вспомнил. Ты был тогда на мотоцикле". Я ответил: "А ты был с Игнатом". Он сказал: "Итак, нас трое. Или больше?" Я ответил: "Думаю, больше. - И спросил: - Например, те трое твоих друзей?" Мы понимали друг друга абсолютно. Он ответил: "С Мишей и Любашей - ничего. А Иван, если занервничает, становится очень сильным. - И спросил: - Ты ко мне по делу или так?" Мне казалось, что он толкается попасть в моё подсознание, но я не пустил. Я ответил: "Скажу". Полез в карман и подал ему листок: "Это мне подбросили в почтовый ящик". Это письмо мы с А.Т. сочиняли очень тщательно. Вот что получилось: "Ханов! Ты один из нас. Но ты пока не с нами. Ты честный человек. Это главное. И ты много можешь. То, что ты можешь, необходимо для спасения страны. Народ забит сорняками. Их надо вырвать, иначе задушат всё живое. Нашу программу ты знаешь по газетам. Подумай о сотрудничестве. Нас не ищи. Придём сами. Дружески, Группа-30". Он прочёл, и я спросил: "Это не ты писал?" Он засмеялся: "Нет. Но ребята деловые. Следим за их делами". "А ты такой бумажки не получал?" Он ответил, что нет. Я спросил: "А что бы ты им ответил?" Он сказал, что надо подумать: какая-то преступная у них справедливость. Я предложил держать друг друга в курсе и спросил, как он расшифровывает название группы. Он немного подумал и усмехнулся: "Если исходить из того, что ты мне показал - сорняки, прополка, то получается "Запущенный Огород". Посмеялись и расстались.

Он показался мне очень приличным парнем, но неглубокая экскурсия в его подсознание - заблокировать не умеет - подсказала тревогу. Этакую общую тревогу. В том смысле, что зря я создал третий шарик. Много-много непокою... Будто не от Евгения это исходило, а от кого-то другого. Или от чего-то.

А.Т. выслушал мой рассказ об этом разговоре и сказал так:

"Всё сделано грамотно. "Запущенный Огород" - это он сильно назвал... Дальше - никаких контактов. Иначе всё поймёт. Он неглуп. Пусть придёт сам. А не придёт - так и не надобно. Колхоз - дело добровольное. И правильно, что ты не отдал ему листок. Они там по шрифту могли бы отыскать твою машинку"

Не сказал я ему ни о странной тревоге, ни о том, что анализ произвожу с пером в руке. Тревог ему и своих хватает, а сей дневник он бы забраковал как явление демаскирующее.

Комментарий. Аркадий Орестович как в воду глядел. Мне удалось запомнить особенности шрифта, и я скоро узнал, откуда дует ветер. Правда, помогла случайность. Никто не знал, что в гуманитарном компьютере Марины, в которую безнадежно влюблён Ханов, содержится немало интересных коллекций. Одну из них составляли шрифты пишущих машинок Томской области и всех попадающих к нам печатающих устройств. (Теперь уже можно признаться, что Марина тоже работала в секретной организации, куда я вступил с подачи капитана Волкова). Несколько минут у экрана, и я не только нашёл знакомый шрифт, но и прочёл - как подтверждение - рассказик про Каменного Человека. Преступник попался. Но попался он пока одному мне.

А я, имея право на самостоятельное решение, затеял пока его не трогать. Признаю, решение это было ужасно. Я обрекал множество людей - пусть даже негодяев! - на увечья и гибель. Но тогда, увы, я был молод, романтичен и питал непобедимое почтение к Дубровскому, Робину Гуду, Дате Туташхиа, Ибрагиму Оглы и прочим благородным разбойникам.

Можно признать порядки в моей секретной организации недостаточно суровыми, но без этого рутинная подавила бы совесть, на которой всё и строилось. Нет организаций без недостатков. Был даже анекдот на эту тему: "-Вы шили мне брюки целых полгода, а Бог создал мир всего за шесть дней! - Ну и что же? Посмотрите на этот мир и на эти брюки".

Выделив "тридцатку", я стал держать её на мушке, с трудом, признаться, удерживая палец на спуске после каждой акции и ослабляя его после каждого анализа на гуманитарном компьютере Марины: честных людей "тридцатка" не трогала. То ли их вообще нет на свете?

Томск наполнялся воем негодяйских семей, которые чаще всего были сами по себе невинны. "Преступление во имя добра и любви" - классическая оправдательная формула, сама требующая оправдания: дескать, бесполезно искать всеобщих чувств - они всегда выборочны.

В моей душе этот вой отдавался, и утешался я почти иезуитским рассуждением: в мире насилия всегда кто-нибудь воеет, так пусть лучше это будет вой по насильникам, чем по безвинным. Тайну шрифта я продолжал хранить. Даже Марина не знала ничего, не говоря уж об Але, Ольге, Игнате и всех родственниках.

Кстати, о родственниках. Как это ни фантастично, а Ольга стала-таки женой Игната. Сначала мы поселили её и Жеку у Эвкалиптовых квартирантов, потом малышка очаровала всех тем, что стала звать Игната папой, а его родителей - дедом и бабой, остальное - приложилось. Моим редким визитам они всегда страшно радовались, но иногда Ольга взглядывала так, что я сразу вспоминал свой странный сон в её квартире и на миг чувствовал себя вором. Меня Жека тоже называла папой, а моего сынишку Матвея - братиком. Великое благо детства - считать родным любого, кто тебе симпатичен.

И довольно, пожалуй, цитировать записи бедного Мефодия. Ольга вспомнилась - значит, пора.

Цена справедливости.

Пора признаться, что после морского десанта скучно работалось мне и в ГАИ, и в секретной подгосударственной службе, ради которой я и надел милицейскую форму. Что-то там копала Марина и наедине со мной важно называла себя фашистологом. Что-то пытался высматривать и я. Но ничего похожего на ТЕНДЕНЦИЮ не просматривалось. Где-то кто-то из озорства рисовал свастику, где-то случалось выяснение на кулачках, чья нация древнее. Где-то даже постреливали под видом национального самоопределения. Но всё это было, в пересчёте на серьёз, проявлениями остаточной пассионарности, а то и вовсе заурядного паразитического бандитизма: есть, мол, люди-травоядные, а есть - хищники, такова уж природа - нам вас грабить.

Словом, самым интересным приключением оказалась Группа-30, да и то - мимо! Я уже подумывал, не бросить ли эту канитель ради, скажем, частного сыска или хоть податься в помощники к Игнату, если возьмёт без квалификации.

А кончилось всё печально для всех, хотя касалось, формально, одной Ольги.

Визиты в собственное подсознание у меня происходили не так трагично, как у Ханова. Мой синапсовый лес был чем-то вроде ухоженного соснового бора. Там светило солнышко, а на поляне, где происходили беседы, не было никаких теней. И свет лился отовсюду, и голос доносился сразу со всех сторон. Имелся даже пенёк, чтобы я мог присесть. И ничего сзади не захлопывалось: я мог сидеть сколько угодно и задавать любые вопросы. Всё было честно и просто: есть ответ - пожалуйста, а нет - объяснят: пока мало информации, собирать там-то. Подсознание - лучший собеседник, только войти сумеи. Выучиться этому не очень долго. Мне, например, потребовалось всего около десяти миллионов лет.

Ну, так вот. Об Ольге я начал беспокоиться за месяц до событий. Что-то неосознанное заскребло. Дождался подходящего одиночества, посетил заветную полянку, сел на пенёк и услышал вот что:

"Это как раз по твоей специальности. Ищи в Крыму, а то оно само тебя найдёт". Это выглядело до средневековости диковато, но я тут же связался с Симферополем и порасспросил Игоря Волкова о своих крестниках - "виннипухах". Ожидал, скажет: сидят, мол. Однако все оказались на свободе и даже не отчислены из институтов. Студенты, стало быть... Я поделился дурными предчувствиями. Игорь тоже оценил их как дичь, но обещал немедля сделать уточнения.

Стояло лето.

До событий оставалось три дня.

Через день после моего звонка Волков нашёл меня по телефону и тревожно сообщил: "Напружинься, друг. "Медвежата" выехали в вашу сторону неделю назад"

Прямо от телефона я устремился к Эвкалиптовым.

Ольга была в больнице на дежурстве, Игнат - в командировке, отец его - на фабрике, мать - ушла на рынок. Всё как на заказ: одна отважная четырёхлетняя Жека хозяйничала по дому, третий раз поливала цветы. Было время перед обедом. Жека сказала:

- Посиди, отец. Мама вот-вот пгидёт. Она будет тебе гада.

Бесподобная русая славяночка с евгейским акцентом.

Я очень хотел остаться, я боялся за неё, но меня уже ВЕЛО, как тогда, в Симферополе - к могиле деда, а позже - к Ольге. Сейчас Ольге опять было плохо, она ЗВАЛА.

Я сгрёб Жеку в охапку, развеселил, унёс в дом и предложил игру: я побегу встгечать маму, а она закроет все двеги и окна, будет тихо сидеть и дгожать от стгаха, а когда пгидёт Багмалей, она затаится и не откгоет.

- А какой Багмалей? Кгасивый?

- Да, красивый. Но всё равно не открывай.

- А если не пгидёт?

- Тогда мы с мамой сами тебя напугаем.

В общем, уговорил и бросился на дорогу. Эвкалиптовы жили в довольно глухом месте, в частном секторе у Михайловской рощи, в паре кварталов от более-менее оживлённой трассы.

Повезло: быстро подвернулась попутная машина, доехал до самой больницы, где работала Ольга. Там её уже не было. Значит, пошла в гастроном - меня ВЕЛО туда.

Недалеко от гастронома - небольшая толпа. Бросился: "Пропустите милицию!" Ожидал почему-то увидеть женское тело в зелёных шнурах.

На тротуаре вниз лицом лежал мужчина старше среднего возраста. Знакомые кучерявые волосы, круглая голова на крепкой шее. Я перевернул тело. Тетерев... Круглое вздутие на седом виске. Сочится кровь... Закон парности: второй висок, но теперь, кажется, летально... Расстегнул ему пиджак, слушал сквозь рубаху - ни намёка на пульс, ни малейшего дыхания... Вступил в переговоры со свидетелями.

- Давно?

- Минут пять.

- "Скорую" вызвали?

- Побежали.

- Как было?

- Вот тут стояла машина. Мимо шла молодая женщина. Выскочили двое, схватили, ударили под дых, потащили в машину. Никто ничего не успел. Только вот он, - указали на лежащего, - пытался её отнять. Ударили. Но он начал одному заламывать руку. Тогда третий, что был за рулём, в кремовой рубахе, выскочил и бросил в него вот такой шарик от подшипника. Этот сразу упал. А тот подбежал, его обыскал, шарик забрал, что-то в карман спрятал, и сразу уехали.

- Куда? - Рядом со мной раздался знакомый голос. Мефодий! Его не поняли: слишком быстро спросил. Я переспросил с нормальной скоростью. (До чего же это трудно делать, когда знаешь, что убийцы сей секунд удирают на хорошей машине!) Показали в сторону Михайловской рощи. Мне навстречу проехали! Я сказал:

- Их надо догнать. Какая была машина? Номер?

По сумме объяснений получалось, что догонять надо белый ВАЗ. Подплыла "скорая". Мы отошли с Мефодием, изнывая от замедленности, и заговорили наконец со своей скоростью. Собственно, говорить пытался я, а он тихо выл и проклинал за что-то себя. Я тряс его за плечи, пока не восстановился, тогда спросил:

- Ты на технике?

Он мотнул головой.

- Они увезли Ольгу, жену Игната, - я почти кричал ему в лицо, чтобы лучше дошло. - Они приехали из Крыма, чтобы её убить. Они - фашисты. Ханов, давай искать технику: я знаю, куда ехать. Ты понял?

Он кивнул, освободился из моих рук и на "электрической" скорости бросился во двор гастронома. Пока я оглядывался, какую бы машину захватить - мимо ползла колонна автобусов с зажжёнными фарами - затрещал за гастрономом мотор и выехал Мефодий на мотоцикле с коляской.

Я объяснил, как ехать к дому Игната. Он кивнул: "Знаю. - И уже на ходу спросил о Тетереве: - За поясом у него ничего не было?" "Нет". "Значит, будут в нас стрелять, готовься". "Откуда пистолет?" "А помнишь, был участковый-вымогатель?" Я помнил. Его подстерегли в подъезде, оглушили ударом в сердце, оторвали ухо и изъяли пистолет системы Макарова. Жив остался, из милиции уволен. Ханов спросил: "Там действительно настоящие фашисты?" "Нацисты чистой воды. Я их вязал однажды. Жалею, что не убил". "Так вот, друг Малюхин, теперь заменишь мне Аркадия Орестовича." Я решил, что он понял меня слишком буквально, и поэтому ответил: "На сегодняшнюю операцию". Он кивнул и длинно выругался в адрес мотоцикла. Это был новенький мощный "Урал", со стороны на нас, наверно, было страшно смотреть: Мефодий был гонщик божьей милостью. Несколько раз мне

пришлось перебираться в коляску и свешиваться за борт, чтобы нам не перевернуться на поворотах. Ханов оценил: "В тебе пропал хороший балансёр!" Я ответил: "Жить захочешь - станешь с тобой и каскадёром".

Всё, вот они!

У дома Эвкалиптовых стоял белый ВАЗ, трое ломились в сени. Я бросился к ним и услышал сзади два выстрела. После первого был толчок в правое плечо, за вторым следить было некогда. В горячке работал всеми руками и ногами, а когда повернулся к машине, она отъезжала, визжа колёсами, размётывая гравий.

Мефодий получил пулю прямо в грудь. Наверняка мог уклониться, но тогда она попала бы мне между лопаток - это я услышал в его затухающем подсознании, которое у него уже не было сил блокировать.

Я бросился к мотоциклу и только тут понял, что был третий выстрел - прямо в карбюратор. Я изо всех сил побежал к трассе - остановить любую машину и попытаться спасти хотя бы Ханова.

Куда уцелевший негодяй повёз Ольгу, я НЕ СЛЫШАЛ, потому что стала сильно болеть сквозная дыра в правом плече. Зажать её с обеих сторон одной рукой не удавалось, я чувствовал, как течёт кровь сзади, но было очень и очень некогда.

Перед окровавленным милиционером остановилась первая же машина, по счастью, не грузовая, низкорослый фургончик. Я командовал жестами. Водитель оказался в единственном числе, но крепкий. У дома Игната мы вдвоём загрузили Ханова. Я сказал Жеке, что игра продолжается и никому нельзя открывать, а когда придут бабушка и дедушка, пусть вызовут милицию и отдадут ей этих троих бармалеев.

- А они не убегут?

- Нет, не убегут.

- И не встанут?

- Нет, не встанут.

Водитель посмотрел на меня со страхом и уважением, и мы помчались в реанимацию.

Я держал голову Мефодия на коленях и слушал, как он умирает.

Он уходил спокойно. Только огорчился, что отдал Тетереву пистолет: каждый должен заниматься своим делом. Я уловил, что за час до этого у них была философская беседа - обычный разговор о справедливости и о том, не перегибают ли они палку со своими расправами. Мефодий сказал что-то лишнее, А.Т. заволновался и вышел подышать. Через полчаса Ханов почуял тревогу и отправился следом. Его тоже ВЕЛО, как меня...

Он сначала не чувствовал боли. Тяжёлая тупая пуля очень мешала сердцу работать, потому что лежала криво и упиралась. В груди было просто очень горячо. Но на полдороге сердце стало всё сильнее болеть и дёргалось. Чтобы унять боль, он ловил моменты её ослабления и пытался их удержать. Но на это уже не хватало сил, и он стал думать сквозь боль - хоть о чём-нибудь, лишь бы отвлечься. Я не уверен, что это его состояние можно назвать мышлением в полном смысле слова. Он провалился в подсознание. Там уже не было горячей кучи странного мусора. Было чисто, пусто, светло и покойно. А вдали сгущался мрак со слабыми намёками на звёзды.

- Уже не боишься? - спросил Голос. Он звучал со всех сторон.

- Не боюсь, - ответил Мефодий. - Я готов.

И поплыл невесомо среди пустоты - туда, где мрак. И звёзды мерцали чуть заметнее. Он подумал:

- Как далеко... Добраться бы...

- Достойная цель, - откликнулся Голос. - Ради этого стоило хлопотать.

- В чём же её достоинство? - спросил Мефодий. Непонятным для себя образом я находился рядом, но не смел вмешиваться. Мне казалось, что продолжается их беседа со старым пилотом, но Голос принадлежал не Тетереву. Он был - Голос. Он не звучал, а раздавался. У него не было тембра. Был смысл, была сила...

- Достоинство цели - в средствах. Чем выше средства, тем грандиознее цель. И наоборот.

- Как форма и содержание? - спросил Ханов.

- Частный случай, - оказалось, Голос способен был смеяться. - Бери выше. Вон - звёзды...

Ханов ещё раз почувствовал свою боль, свой огонь в груди и тяжесть чужой пули. Но к этому уже не стоило возвращаться. Он даже о Марине подумал как-то мельком - что-то о какой-то тетради, о завещании... И сразу вдруг заспорил с Голосом.

- Звёзды? Если они - высшая цель, то высшее средство - я сам. Что они такое? Плазма... Я сам - плазма... Господи, больно как... Хватит! Я могу до них просто так, без всякого транспорта, своим ходом - так чем же они выше?!

Тут Голос впервые задал вопрос:

- Что же тогда - высшая цель?

- Справедливость, - прошептал Мефодий. Я вдруг почувствовал, КАК ему больно, и от этой боли чуть не выпал из его подсознания. Он продолжал, угасая: - Цена, которую платит жаждущий

справедливости, освобождает его от праведной вины.

- Вина не бывает праведной! - возразил Голос.

- Бывает, - еле слышно ответил Мефодий.

Он вдруг потерял интерес к спору, стал лёгок и полон сил. Он почувствовал себя высшим средством для достижения любой цели. Заискрился шаровой молнией и устремился к звёздам...

За этот последний миг я успел осознать, как опасно оставаться в чужом покинутом подсознании, и меня тут же вышвырнуло на волю, в тряский салон автомобиля. Тело Мефодия потеряло признаки жизни.

Была небольшая гонка по больничным коридорам, куда-то в сторону операционной. На полпути коридор вдруг потускнел и начал сворачиваться, пока я не упёрся лицом в стену...

Очнулся на койке. Сразу всё вспомнил, проконтролировал замедленность и спросил кого-то в белом, удалось ли спасти моего спутника. Нет, увы, не удалось.

Немедленно за этим я услышал зов Ольги.

С чем сравнить? Есть такая радиоигра - "охота на лис". Вертишь в руке рамочную антенну и по силе сигнала в наушниках определяешь, куда тебе бежать.

Было уже утро, значит - Ольга всю ночь промучилась в лапах "виннипухов". А я всю ночь проспал и не слышал, как она звала.

- Я что же, как упал вчера, так и не включался?

- Да нет, - белый халат усмехнулся. - Около полуночи вы вскочили, каким-то образом позвонили куда-то, хотели куда-то бежать, но опять налетели на стену - пришлось делать второй укол...

Вспомнил. Я звонил Игнату в Ягодку. Они с Мишей ловили своего заветного врага, браконьера Кунчо, трубку брала Любаша и обещала всё им сразу передать, едва вернутся. Значит, они уже подъезжают к Томску, если живы...

Я молча вскочил и убежал из больницы.

Босиком и в зелёной пижаме я, конечно, сошёл бы за помешанного, но едва ли меня успевали разглядеть на улицах. Все десять миллионов лет сознательной жизни проснулись и вели меня безошибочно кратчайшим путём.

Аля в это время направлялась ко мне в больницу. Она дозналась о событиях только к ночи и не могла оставить Матвея одного, поэтому побежала с ним, сонным, к Эвкалиптовым. Убиенных коновцев во дворе уже не было, но со слов Жеки и стариков она поняла, что подстрелили меня и ещё кого-то "из наших". Эвкалиптовым удалось оставить их на ночь у себя, а когда утром она добралась до больницы, меня там уже не было.

А Ольге в это время было всё равно. Я это знаю точно, потому что её последние секунды ушли всё-таки при мне.

Корчили идейных джентльменов, не насиловали. И скальпировать раздумали. Просто привязали к стулу так, что конечности отнимались. Она спросила:

- Неужели я для вас так много значу?

Тот, что был в кремовой рубашке, убийца Тетерева, ответил вежливо:

- Ольга Самуиловна, ты лично для нас не значишь ничего. Но те, кто за тобой, должны хорошо усвоить, что наши приговоры отмене не подлежат.

- Плохим будет ваш конец, - предсказала Ольга.

- Зато твой будет скорее.

Кремовый не выпускал из рук пистолета и всё время причинял ей физическую боль: "Чем больше мучается жертва, тем лучше примут её боги". Может быть, он и не чувствовал, что она постоянно зовёт меня, но ему очень хотелось, чтобы я пришёл. Он знал, что я ранен, и надеялся на этот раз опередить.

За дочку Ольга абсолютно не беспокоилась и думала только об Игнате и обо мне. Думала, что по-настоящему привязалась к Игнату, что он - муж и герой. Он - такой абсолютный, что аж страшно, и это её немного веселило, а кремового редкие её улыбки приводили в озадаченное состояние, потом в ярость. Он делал ей ещё больнее, и тогда она начинала думать, что я уже бегу на помощь, как тогда, в Крыму. Она думала, что я - её часть, одна душа и прочее, о чём я предпочитаю вспоминать только в трудные минуты и только наедине с собой.

Утром мучитель, поспав и сменив напарника, спросил:

- Ты чего опять улыбаешься, юде? Дружка чувствуешь?

И грозно надвинулся.

- Я тебя уже не боюсь, - ответила равнодушно. - Отбоялась.

- Сейчас посмотрим, - он сунул пистолет за пояс и раскрыл нож. - Не страшно?

Сжалось горло, она только мотнула головой.

- Ось и гарно, - сказал он и зашёл со спины. Она напряглась в ожидании боли. А в мозгу уже стучали мои близкие шаги. Вот сейчас!.. Лёгкий шум во дворе, грохот в сенях, потом слетела с крючка

дверь, и она закричала: "Пистолете-е-е-ет!" И попыталась упасть вместе со стулом, чтобы не заслонять собой нациста...

А я, промчавшись три километра без одышки, выбежал к заброшенной избушке в Михайловской роще, с ходу перемахнул десятиметровую в этом месте Ушайку и рядом с белым ВАЗом срубил первого коновца. Второго зашиб его же топором в сенах, выбил дверь и, зная о пистолете, прыгнул в избу щучкой. На лету видел, как извивается на стуле привязанная Ольга, а из-за её спины целится в меня кремовый. Мимо! Пока я кувыркался и вставал, его нервы не выдержали, и второй выстрел бухнул глухо, в упор, в спину Ольге.

Поднять дымящийся ствол на линию третьего выстрела кремовый уже не успел. Для верности я даже повторил удар, пока он оседал.

Повернулся к упавшей Ольге и боковым зрением увидел четвёртого - откуда только вылез? У самого лба поймал большой стальной шарик от железнодорожного подшипника и изо всех сил метнул больной рукой обратно.

Ну, есть ещё?

Все.

Весь зарёванный, я отвязывал Ольгу и укладывал одной рукой на бандитский спальный мешок.

Она, не открывая глаз, прошептала: "Ты успел..." И прожила ещё минуты три. Этот кремовый урод за неполные сутки прострелил, скотина, таких два сердца...

Не знаю, сколько тысяч лет просидел над телом Ольги. Потом у двери заревел мотор, и мне было безразлично: пусть берут голыми руками, сил больше никаких, всё болит беспощадно.

Возник Игнат. За ним вбежал Миша. Игнат что-то прочиркал по-птичь, а я - не разобрал. Он дёрнулся и оказался рядом. Опять что-то прочиркал. Я сказал:

- Не спеши так. Я не успеваю. Я кругом сегодня не успеваю.

Так кончилось моё суперменство.

Семерых убитых мне простили. Даже более того: присвоили офицерское звание и перевели в уголовный розыск, инспектором. Полагаю, без влияния секретной службы не обошлось. Я это понял после разговора с Мариной.

Когда вылезлся и пришёл к ней в лабораторию, на стол был выложен толстый конверт с надписью: "Вручить после моей смерти Марине Н. - для текстологически-психологически-филологически-социологического анализа". Был талантливо нарисован улыбающийся каменный истукан, а под ним - адрес лаборатории.

- Прочтите, Женя, внимательно, - сказала Марина Н. - Там и вас касается. Можете оставить на память, весь текст уже в машине. Даже лучше, если оставите: некоторые строки там кажутся мне достойными перечтения и переосмысления. Мне кажется, для вас, Женя, эти строки являются чем-то вроде эстафеты. Принять ли - дело ваше, но - являются. Вы с Мефодием похожи. Будь мы знакомы с вами, как с ним, я бы даже присвоила вам его прозвище, и были бы вы, извините, Женька-Самосуд. Машина, кстати, того же мнения.

Я жил тогда ещё как в тумане, и малейшая абстрактность разговора обтекала меня, не задевая. Марина это заметила и разговор прекратила. Тетрадь я унёс и сохранил. Даже прочёл не без интереса. Но до перечтения дошло не скоро, и причина тому стоит отдельного рассказа. Это - потом, потом.

Чуть больше года я исправно прослужил в уголовном розыске, совершенно не участвуя ни в общественной жизни управления, ни в делах секретной службы. Честно говоря, вину за все беды я, веря записям Ханова, свалил на бездушную Марину. В душе понимая, что принцип отыскивания виновных ни в каком деле не может быть продуктивным, видеть Наину я не мог и не хотел. И у неё, при всём бездушии, хватало ума и такта, чтобы не искать со мной контакта. Как сказал когда-то покойный Тетерев, "колхоз - дело добровольное". С капитаном Волковым я вёл нейтрально-дружескую переписку, чтобы, как он выразился, "в принципе не теряться". Разумеется, позови они меня в горячее дело, я появился бы через секунду. Но меня, думаю, щадили: понимали, что в неполные двадцать лет такая серия встрясок даром не проходит. Да и на горячие дела в тот год, помнится, урожая не было.

Служба в милиции шла неровно, и настал момент, когда мне пришлось её оставить. Формальной причиной фигурировал довольно смешной скандалчик, о котором не хочется рассказывать, а глубинная суть состояла в том, что мне просто потребовалось больше свободы. Надо было закончить юридический факультет, надо было пожить без обязательной дисциплины, а главное - требовалось сосредоточиться. Потому что очень нескоро я перестал чувствовать себя гранатой, из которой выдернули чеку.

Пока рос Матвей, а его родители получали образование, пришлось мне порядком поломать

спину, чтобы прокормиться: где грузчиком, где стропалем, а где и вышибалой, спасибо морской пехоте. Но через необходимое время всё пришло в норму, семья Малюхиных зажила по-человечески: мама стала преподавателем и научным сотрудником в университете, папа приобрёл репутацию надёжного и удачливого частного детектива, а сын - рос себе по законам природы и породы - без отклонений.

В общем, пора заканчивать печальную историю моего суперменства. Не все допущенные ошибки я таковыми осознаю и с трудом представляю, за которые из них на том свете достанутся моей грешной душе особо тяжкие мучения. Слышал, что это будут мучения совести, ибо из совести и состоит человеческая душа... Там посмотрим.

Эпилог первый.

Даже не эпилог, а приговор, вынесенный мне при жизни дорогим внуком Мишкой. Без пощады и - для верности - в письменном виде. Вот он.

"Деда! Ты сам посоветовал мне прочесть роман "Беспорядок". Оттуда, по твоему мнению, я почерпнул бы больше полезного опыта, чем из твоей жизни. Ты, конечно, имел в виду опыт духовный. Приключения выдуманного героя в выдуманном мире, по-твоему, располагают к большей откровенности в чувствах. Теоретически можно согласиться. Тем более, что этот капитан Краснов, который вырос в советском детдоме и охранял репрессированных на Колыме, всё же не ударил лицом в грязь перед пришельцами, так сказать, за всё человечество. Да ещё оказался способным на такую невероятную любовь, что аж завидно. Духовный опыт налицо, хотя, по твоей же теории, лучше всего приобретать его самостоятельно, из живой собственной жизни. Но меня в этом романе заинтересовало кое-что совсем другое. Угадай.

Угадал? Теория четырёх сортов. Люди первого сорта производят новое, второй сорт им помогает, а третий и четвёртый - паразитируют. Помнишь? По этой классификации твоя жизнь получает не совсем лестную оценку. Не в том смысле, что людям не за что тебя уважать. Ты боролся с негодьями из четвёртого сорта. Но если твоя душа действительно состоит из одной совести, то ведь всё равно тебе самому противно: не оставить после себя никаких материальных следов.

Прочитав "Беспорядок", я решил помочь тебе. Теперь после тебя останутся для потомства воспоминания. Хоть ты и не очень в них откровенен, всё же кое-что извлечь можно. Спасибо тебе за то, что ты есть. Будь подольше, мы тебя любим. Но в следующей жизни поработай и по первому сорту. Пусть тогда другие защищают тебя от негодяев.

Любящий тебя Михаил Малюхин".

Итак, из приговора следует, что жизнь свою я вообще прожил бы без следа, если бы не великодушный любящий внук мой Михаил. Теперь можно умирать спокойно. И даже надо радоваться, что никаким сыщиком мой внук не станет, а учтёт мои ошибки и будет всю жизнь производить первичные ценности, чтобы оставить после себя след позаметнее. "Аж завидно", как он выражается. Будет сажать деревья, возводить дома и писать между делом книги - сплошной первый сорт.

Удачи тебе, внук. И всем вам, неблагодарные потомки. Так уж устроено человечество, что поделаешь. Справедливо, наверно. Любящий вас всех, Евгений Малюхин.

А теперь - обещанное ПРЕДИСЛОВИЕ...

Часть II ИСКУШЕНИЕ СМЕРТЬЮ

- А как же свобода? - спросил я.
- Она стала личным делом каждого.
- В таком случае каждый человек только тогда почувствует себя свободным, когда станет преступником, - возразил я.
- Мы боялись, что вы сделаете именно это ложное умозаключение, - сказал чиновник...
Ф.Дюрренматт

Заботливый дед (предисловие второе, лирическое).

Я, Малюхин Михаил Матвеевич, соблюдая закон породы, пошёл-таки по стопам деда и стал сыщиком. Таким же, как он, частным детективом.

Но о своей работе рассказывать пока не буду. Во-первых, молод ещё. Во-вторых, герои и антигерои большинства моих дел во множестве живы, не хочу тревожить совесть - всё же из неё состоит душа. А в-третьих и главных, не могу оставить недосказанной историю деда. Он,

расчувствовавшись, чуть было сам не взялся её дописывать. Однако дальше единственного слова - ПРЕДИСЛОВИЕ - дело не пошло. И не могло пойти. Писать ТАКОЕ о себе - рука не поднимется и у человека менее щепетильного, чем был мой дед.

Но он поступил последовательно до конца. Вручил мне все документы, какими располагал, и рассказал всё с достойными зависти подробностями. При этом тщательно следил, чтоб не было магнитофона. Последним обстоятельством я весьма тяготился, тем более что дед его никак не объяснял. Однако постепенно пришло понимание. Смирившись с моей "нацеленностью на первый сорт", дед таким способом делал из меня писателя. Магнитофон, по его мнению, тормозил бы мою фантазию.

И верно. То, что у меня получилось из дедовых воспоминаний, не является в полном смысле документальным очерком. Это скорее художественная версия. И я этому сегодня от души радуюсь. Изменены имена, адреса, даже пол некоторых героев, и теперь к нам с дедом ни у кого из причастных не может быть претензий, а работа по первому сорту - всё же сделана. И сделана всё так же - от первого лица - бывшего супермена Малюхина Евгения Владимировича.

Первый звонок.

Было мне уже за тридцать. Не очень далеко, но достаточно ощутимо: я уже начинал оглядываться на прожитое.

Из этого прошлого смотрели на меня четырнадцать самоубийц с одного очень благополучного химкомбината. Оттуда мы с Витей Маковым привезли его невероятную жену Настю, и Витюша вылечил её от "ядерной похоти".

Из этого прошлого тянулись ко мне ужасные щёлкающие клювы мохнатых грифонов, которые несли кубические яйца и были, наверно, счастливы, когда их сжигали огнёмётами.

Из этого прошлого вполне дружелюбно ухмылялся бандюга Сухой, чьими стараниями я из инспектора уголовного розыска превратился в частного детектива.

Из этого прошлого грустно и беспомощно глядел на меня всесильный полковник Дружбин, начальник Службы Особых Мер, погибший не при испытании нового оружия, не в жарком бою с врагами человечества, даже не при штурме неприступного храма отца Александра в Излучном. Бракованный кирпич на голову - вот что оборвало жизнь этого неукротимого человека.

Даже те, кому посчастливилось уцелеть, были для меня уже как бы в прошлом.

Витя и Настя Маковы растили в Ягодке своего малыша и при очень редких наших встречах ужасались, что мальчишка во всём подаёт признаки гениальности, а это из рук вон плохо, ибо капитан Слава Вертухин из СОМа так и вьётся кругами со своей милой дружкой, со своими трогательными опекунскими заботами - совсем как покойный Дружбин вокруг Виктора когда-то...

Там же, в Ягодке, тихо жила и надёжно дружила с Маковыми другая пара - Миша и Любаша Темниковы. Продолжали нескончаемую войну с оборотнем Кунчаевым, штрафовали нефтяников и лесорубов за поругание флоры и фауны... Всё у них было в норме и - СВОЁ.

Игната Эвкалиптова я видел ещё реже. После гибели Ольги он всё более замыкался на воспитании приёмной дочки Жеки, на своей беспокойной работе и личным встречам предпочитал короткие телефонные переключки: "У вас всё в порядке? Ну, и у нас. Жека Матвею привет передаёт. Удачи! Звони". Я это понимал без труда: моя Аля всё так же была очень похожа на Ольгу.

Наш Матвей уже оканчивал школу и, бывало, проявлял подозрительную осведомлённость в делах Игната и его приёмной дочери. Это нас, впрочем, только радовало.

Аля к тому времени заканчивала докторскую диссертацию по истории религий Западной Сибири. Занятно, что основным консультантом у неё был отец Александр, настоятель и владелец того самого храма-крепости, который незадолго до гибели штурмовал Володя Дружбин со своим спецназом и, кстати, с лейтенантом Вертухиным.

Вот у этого бессмертного попа я бывал, пожалуй, чаще всех: то отвозил к нему в Излучное Алю, а то и сам наведывался - тоже за консультацией. Тем более, что и отец мой, Владимир Матвеевич, выйдя на пенсию, очень много времени посвящал украшению и обустройству сего супер-эйкуменистского заведения. Об этом расскажу попозже.

Была ещё редкая, праздничными открытками, переписка с Игорем Волковым. Наши с ним сообщения о себе в этих поздравлениях выглядели всегда одинаково: "Место работы прежнее, всегда готов".

Марина Марковна Наина после гибели Дружбина резко переменялась. Будто извлекли из неё стальную арматуру. Стала задумчиво-женственной, вышла наконец за великого Дорошенку и продолжала работать вместе с ним социологом при ЭВМАПе. (ЭВМАП - электронно-воображающая машина Абсолютный Писатель.) Этот кошмарно совершенный агрегат к тому времени принял участие во множестве судебных, сам едва не погиб, но сумел осилить все испытания с честью, достойной человека.

Вот и вспомнил всех. Кроме Ивана Терехова, самого старинного из друзей. Это не случайно: о нём придётся сказать немного больше, чем о других.

Свою невероятную, домкратическую силищу, подаренную шаровой молнией, Иван совершенно не эксплуатировал. Мог стать великим спортсменом или циркачом, а стал обыкновенным классным врачом, каких в нашем высоконучном городе - пруд пруди. Сотрудничал с великим Дорошенко в области искусственного интеллекта, защитил даже какую-то диссертацию. Многослойную горошину, подобную мозгу ЭВМАПа, они вшивали под кожу Витюшке Макову, и он побыл какое-то время универсальным гением. Но когда убедились, что человечество к таким широким шагам морально не готово, дядя Сева работы прикрыл, Витюшка свой - единственный в мире! - стимулятор вырезал и растолок в ступе, а Иван забросил науку, и местом его постоянного пребывания стал психоневрологический диспансер (по-местному - "психа"). Не в качестве пациента, конечно. Он до сих пор там работает главным врачом, а в описываемое время - заведовал отделением.

От Ивана я и получил первый сигнал.

Вот она, та самая тетрадь.

Разборчивый, ровный почерк, ни одной помарки.

И наших правок там - ни одной, потому что написано гладко, почти профессионально. Только заглавие к этому письму придумал Иван. Тогда модны были иноземные словечки.

ФОТОКИЛЛЕР

"Обещаю Тебе, что умнить не буду. Ты говорила: "Кто умнит, тот неинтересен". Кто же интересен? Тот, кто ближе к правде? Значит, циник.

"Война" и "красивый" в латыни обозначаются одинаково - "белл". Разве это не цинично?

Война - ближе к смерти. Красота - ближе к любви. Но ведь назвал кто-то Любовь - битвой... А другой сказал: "Я убил эту рыбу, потому что любил ее"...

Любовь, битва, война, красота - все "белл". Цинично и потому заслуживает доверия... "Пара бэллум" - "готовься к войне" или "готовься к любви"? И то и другое заслуживает доверия.

А вот слова, которым не верю, хоть и сказаны, будто бы, в момент истины, на похоронах: "Зло пока еще побеждает, но добра - больше, и оно, в конечном итоге..." Если здесь нет лицемерия, значит - это глупость. Ибо бесспорно, что Зло есть всего лишь узконаправленное Добро. Или, как сказал бы по этому поводу Братан: "Войны не будет, но развернется такая борьба за мир, что камня на камне не останется".

Нет в Природе ни Зла, ни Добра. Есть факты. И есть людские толкования фактов, весьма произвольные, потому что эгоистические. "Добро и зло приемли равнодушно" - немного не по классике, зато по существу.

Умню? Можешь дальше не читать. Но знай: пишу для одной Тебя. Никогда ничего никому не писал: ни писем, ни записок. Эта тетрадь - первое и единственное... Чуть не написал - "сочинение". Это не сочинение. Это - эссе в буквальном значении: "опыт". Но даже его нет смысла брать с собой. А Тебя в нем кое-что касается. Только Тебе и вижу пользу в нем - как в новом ракурсе. Вот и прими, если хочешь. А я удаляюсь туда, где все налегке и, кажется, все друг друга любят. Надеюсь: если прочтешь и встретимся ТАМ, - будет тема для бесед.

Расскажу Тебе то, чего Ты обо мне не знала. Если бы знала, не ушла бы? "Человек интересен, пока в нем есть тайна", - твои прощальные слова. В них есть резон, но, конечно, нет истины. Если прочтешь это эссе, - убедишься. Мои тайны не только не удержали, они оттолкнули бы Тебя еще в день знакомства.

А теперь мне безразлично ВСЕ. Даже Ты. Я совершил, наконец, свой Поступок и ухожу вполне пустой. Точка после слова "Конец" завершит не только эту тетрадь, но и меня. Это выглядит как жест, но и жест имеет право быть правдивым. Даже обязан.

С чего же начать? Совершенно не важно. По-моему, тайная жизнь знакомого человека притягательна в любом ее месте.

Ты помнишь, может быть, отрывок из фантастического романа, точнее - из рукописи, что я Тебе зачитывал? Там один из героев, бессмертный супернаемник по прозвищу Бэби Бой, рассуждает о человеческих сортах. Люди первого сорта производят первичные ценности, материальные и духовные. Второй сорт - полезные творцам вспомогатели: всякие торговцы, организаторы производства, официанты и тому подобные. Третий сорт - безвредные паразиты вроде старцев, инвалидов и подобной немочи. А к четвертому сорту честный наемник относил людей преступного мира: собственно воров, полицию, армию, чиновников разных прочих государственных учреждений. Самой вредной подгруппой в четвертом сорте Бэби Бой считал профессиональных политиков. А

когда спрашивали, отчего же он сам не покидает ряды вредных паразитов, он важно отвечал, что такая необходимость естественно вытекает из его же классификации. Чтобы четвертый сорт не пил кровь из первого и второго, тем надо выделить кого-то на свою защиту. Но выделяемый сам сразу становится четвертым сортом! Безвыходная ситуация. Вот Бэби и выделил сам себя для отстрела самых вредных людей четвертого сорта. В себе он не сомневался: абсолютно не продажен. Он был умница и гениальный боец. Ты в него не поверила: сказала, что автор - идеалист.

Автором рукописи был мой отец.

Кстати, что важнее: авторство или родительство? И есть ли между ними связь?

Мое рождение - результат романтических отношений между замужней женщиной и женатым мужчиной. Вместе им быть не полагалось, как двум первым пилотам за одним штурвалом. Короткий бурный роман, активное участие общих друзей - в основном разрушительное, потом самолет затянуло в штопор, и все его покинули. Отец остался с семьей, а мама рожала меня уже в одиночестве. И вырастила в одиночку. И о том, кто мой отец, я узнал случайно, неважно как. Был он неплохим журналистом и пытался стать писателем. Для этого ушел в дворники, влачил героически жалкое существование, кое-как воспитывал двоих собственных детей и инфантильную любящую жену. А может, она его пыталась воспитывать - это темно и неинтересно.

От мамы мне достались внешность и темперамент, хорошо Тебе известные, от отца - выносливость и от обоих - ряд способностей. С некоторыми из них знакомы все, кого я фотографировал и с кем служил в газете, а о других Тебе предстоит узнать, если Ты всё ещё читаешь это эссе.

Ты, конечно, помнишь, как мы встретились?

Бравый фотокорреспондент и веселая студентка. Ты изучала фольклор северных аборигенов, а я делал репортаж о нефтяниках.

Даже если бы мы не познакомились, Ты запомнила бы этот день. Ты стояла внизу, в, так сказать, ликующей толпе, а местная элита влезла на самый верх, чтобы эффектно открыть новую мачту нового нефтеградского телецентра. Местные умельцы собрали ее из двух буровых станков, именуемых в народе вышками, а честь открытия предоставили, конечно, генеральному директору. На высоте восьмидесяти метров он перерезал красную ленточку и - свалился к вам, только успели расступиться.

Всех нас, кто был с ним наверху, допросили, конечно. Все показания были одинаковы: спрыгнул сам. К делу приложили мои снимки: вот он режет ленточку и улыбается, вот с улыбкой приветствует зрителей, вот прыгает, как козел, через ограждение, вот лежит в кругу толпы - вид сверху. Дело закрыли как несчастный случай. Одним кровососом стало меньше.

Тогда же я удачно сфотографировал в толпе Тебя и на другой день подошел со снимком: "Можно попросить автограф?" А Ты попросила рассказать об ужасном происшествии. А потом... Если бы я сразу рассказал правду, не было бы никакого "потом". Конечно, сразу Ты бы не поверила, потребовала бы доказательств. Пришлось бы сделать, скажем, так, чтобы Ты меня поцеловала... В общем, тут все понятно. Я рассказывал забавные истории, показывал интересные снимки, щебетал, чирикал, ворковал - и получил свой поцелуй безо всякого принуждения.

Никогда не любил и сейчас не терплю внешних эффектов. Будь тогда у меня другая возможность, не было бы и шикарного генеральского прыжка. Но он постоянно торчал на людях, а дело не терпело отлагательства: очень уж круто он объединился с другим кровососом. Который, впрочем, тоже прожил недолго...

Ты прочла, в голове Твоей возмущенные мысли: "Загипнотизировал и соблазнил! Убил человека, а меня подобрал для отдохновения, подлец!" Ты не права. За все наши встречи ни разу я не применил к Тебе насилия. А в тот день подобрал Тебя не я, а референт генерала. Я слышал, как за минуту до убийства он докладывал: "Нашел студенточку. Само совершенство. Вон, в белом плащике". С восьмидесяти метров только плащик и разглядишь, но этот поспешил перерезать ленточку, чтобы скорее перевеситься через ограждение и помахать Тебе красным лоскутком. Ты уверена, что отказалась бы от приглашения на банкет? Ты уверена, что устояла бы после дорогого коньяка? Они ведь умеют... Меня бы на банкет, конечно, не позвали.

Я не подбирал Тебя, я высмотрел. И я был честен с Тобой. Во всем, кроме того, о чем молчал. А молчал, потому что Ты не признавала насилия ни в каком виде. Хотя и подвергалась ему постоянно, как любой человек не четвертого сорта. Стоило мне хоть заикнуться о несправедливости и возмездии, как Ты вставала на дыбы: "Всякий труд необходим, лишь бы был честен".

И я подумал: "Что ж, значит, и мой - тоже. И Бог мне судья".

Когда узнавала о каком-нибудь убийстве (бывали среди них и мои). Ты начинала фантазировать о личности убийцы. Это был человек без интеллекта, без нервов, без интересов, без чести, совести, достоинства, ничего не признающий, кроме денег. Я спрашивал: "Для чего же тогда ему деньги?" Ты отвечала ходульно: "На выпивку и разврат". Я возражал: "Но ведь так долго не проживешь". "А они долго и не живут. Их убивают свои же". Эх, все-то Ты о нас знала. Ты говорила: "Это маньяки и

садисты. В детстве они мучают кошек и убивают птиц, потом неизбежно попадают в дурную компанию, их там всему учат". Ты читала у Шаламова: "Все уголовники - психопаты". Ты читала в беллетристике и видела в кино, что нормальный человек, случайно или вынужденно убив другого, сразу теряет голову. А если надо спокойно поднять ствол и застрелить негодяя, нормальный ни за что сразу не нажмет - долго произносит обвинения, палец его не слушается. А негодяй терпеливо ждет. Вся эта чепуха позволяла тебе увлекаться мною и вести беседы.

Ты ведь искренне говорила о любви?

Я расскажу тебе о киллере, который не замучил ни одной кошки и в жизни не держал рогатки. Ты узнаешь...

Узнай же, если еще не бросила читать.

Впрочем, пока не начал, хочу опередить Тебя в одном воспоминании. Однажды мы с Тобой смотрели фильм Сиднея Поллака. "Три дня Кондора", помнишь? Там мелькнул киллер-интеллектуал. Очки, манеры - ну профессор. При первой встрече ему не удается застрелить героя, а при второй - он героя спасает и убивает его врага. На удивление героя отвечает так: "Относительно вас у меня не было указаний". И предлагает убивать вместе:

"Работа не хуже других". Герой отказывается, и киллер спокойно едет домой, чтобы на досуге предаться любимому занятию - вырезанию крохотных костяных (или деревянных?) фигурок-нэцкэ. Помнишь? Так вот это - не обо мне. Жизнь без страсти есть не более чем существование белкового тела. То есть, это я так понимаю. Да Ты и не полюбила бы меня бесстрастного. Ведь разглядела что-то, правда?

Но в момент убийства - никакой страсти. Я еще в раннем детстве удивлялся, когда в кино герой кричал: "Полу-чай же!" и стрелял из револьвера, будто камни кидал. Так ведь ни за что не попадешь! А враги падали... Очень скоро - в стрелковой секции - мне показали, что надо делать, чтобы не промахиваться. А чуть позже, в секции бокса, я с удивлением обнаружил сходство между точным выстрелом и точным ударом. Все то же - никаких страстей. Спокойствие, отработанность и ничего лишнего в движениях. А еще попозже, в армейском учебном центре, я узнал и все остальное: все, что к тому времени было известно о сохранении собственной жизни при насильственном отделении чужой души от тела. Как видишь, не дурная компания, не пьянство и не разврат сделали меня тем, кто я есть. Конечно, к сумме тренировок необходимы и природные данные. Но еще потребен вполне определенный ряд совпадений: удач, случайностей, везений. Без этого полного набора не может состояться ни один стоящий профессионал.

Мне повезло многожды. Хотя природа и имеет обычай отдыхать на детях гениев, от моих выше среднего одаренных родителей мне досталось явно лучшее. Кроме уже упомянутых внешности и темперамента, мама располагала аналитическими способностями, которым завидовали мужчины, пронизательностью ведьмы, превосходной спортивной подготовкой, легко усваивала языки, профессионально рисовала, мастерски фотографировала и стреляла - далеко не все назвал, универсальная одаренность. Они с отцом познакомились на прыжках в аэроклубе. Он тогда был чемпионом города по боксу, славился как мотогощик, восхищал публику фельетонами в газете. Правда, в парашютизме оба они больших успехов добиться не успели.

Ах, неистребимое и не очень красивое желание каждого выглядеть хорошим! Даже ненавидимый всеми киллер пытается стать чуть менее ненавидимым. Уверен, Ты думала именно так, когда читала о достоинствах моих внебрачных родителей. Ну так ты опять не права. Киллеру не надо выглядеть. Он знает, что черен, как библейская змея аспид, которая прячется в дорожной колее и кусает прохожих за босые пятки. Зачем же аспиду отличаться от колейной тьмы, которая его укрывает? Но и ему нужно везенье, чтобы стать и оставаться аспидом: ядовитые родители с упругими черными телами должны передать ему прекрасное обоняние, мгновенную реакцию, подходящую дорожную колею на подходящем расстоянии от населенных мест...

Ты читаешь это безобразие и думаешь о душе: мол, не худо было бы родителям аспиды позаботиться и о таком наследстве. Нет-нет, все свое время. Сначала - о простом: о дарах природы, о наследуемом и тренируемом. О душе - разговор отдельный. Она не наследуется и не тренируется - в прямом смысле слова. Ее пути - неисповедимы. Ее воспитание - полигон парадоксов. Да и само ее существование - по-моему - скорее условность, чем реальность, хотя и непроверяемо. Непровержимая условность, да?

Что есть фотон: частица или волна? Не ухватишь, не остановишь, а пленку все равно засвечивает. Так и душа, только наоборот: не светит, но греет.

Умню? Не спрашивай о душе - не буду умнить.

Но вот что еще добавлю, прости уж. Между всякими там талантами и душой нет абсолютно никакой связи. Это наблюдение не мое, ему века, но я с ним согласен, вот что важно. И сделал его самостоятельно. И в так называемом научном диспуте о душе и таланте настаивал бы именно на

абсолютном отсутствии так называемой корреляции. Талант - котлета, душа - муха, все - отдельно. И никаких исключений. Богу - Богово, мозгу - мозгово.

А все это я к тому, что быть в пирамиде талантов выше своих родителей - это вовсе не достоинство индивида, а простое генетическое совпадение. Черно-белый котенок от сиамской кошки и сибирского полосатого кота. А душа, повторяю, не наследуется. И никакое образование, даже в степени всех талантов, не откроет этого таинства: откуда душа прилетает, почему она вот такая и куда улетает потом.

Уже после Твоего ухода я прочел "Книгу духов" Кардека.

Весьма оптимистическое сочинение: душа необратимо превращается из зеленой навозной мухи в очаровательную ангельскую бабочку, а сколько телесных жизнью для этого ей потребуется, зависит только от старания. Умер негодяй, душа отлетела, похоровадилась среди других и - в новое тело, с предначертанной в штрихах судьбой. Прошлое забывается, все сначала начинается. Слева дурные духи дают советы, справа - ангел-хранитель, совершенная душа. Знай, слушайся да сам не плошай. Можно за одну жизнь до ангела небесного дорасти, а можно веками оставаться в мухах. И в мухах. Но уж если выстрадал совершенство духовное, больше тебе в злодеях не бывать... Красивая сказка. Этакая черно-белая смесь, помесь кришнаитской кошки и христианского кота. Мне она нравится больше, чем ислам, хотя я и мусульманин. В исламе ведь все просто до грубости: убей гяура, умри за веру - и ты в раю, аллах акбар. Что я и сделал.

Кстати, Ты ведь не знала, что я мусульманин. А история занятная. Сейчас расскажу Долой тайны.

Собственно, это история моей первой смерти. Поэтому не могу утверждать, что получаю от воспоминаний удовольствие. Тем более, что смерть не одна и не моя. Моя - только похоронка.

Теперь-то я понимаю, что уйти в солдаты с последнего курса университета, притом добровольцем, притом на чужую войну, притом на стороне неправых - это идиотизм. А тогда я вполне искренне называл это интернациональным долгом. Но чтобы узнать, что такого долга нет в природе, человеку моего воспитания необходимо погибнуть. И я погиб смертью храбрых, прикрывая отход товарищей. При попытке снять мое тело со скалы погибли еще четверо, вместе с вертолетом. А пока душманы (не читая Кардека, мы именовали их "духами") выхаживали мое тело от ран и обращали в истинную веру, мама получила извещение о моей гибели и умерла. Так быстро истаяла, что из ее зарплаты всего два раза успели вычесть так называемый налог за бездетность.

Ты наверняка не знаешь, что этот налог распространялся не только на холостяков, но и на родителей, чьи дети погибли - неважно, как и за что.

Папа узнал о моей гибели уже после смерти мамы. С него налог брать не полагалось, потому что ко мне официального отношения не имел, а своих двоих кормил исправно. Но когда умерла мама, он тоже долго не продюжил. Как писал ей когда-то:

"Жив, пока ты хоть где-то есть", так оно и вышло.

А мое вылеченное тело потрудились годик в плену, вступило там в ислам, приобрело таким образом некоторое доверие, организовало вооруженный побег - ну буквально на уровне восстания Спартака - и с большим шумом чуть не погибло снова. Однако Аллах миловал: из всей этой свалки я один вышел невредим. Представь себе, "духам" нельзя было нас упустить, чтоб в мире не начались разговоры об их жестокости к пленным, и они очень старались. Они перебили нас ценой очень больших потерь, потому что парни подобрались один к одному. А уцелел из всех только я. И клянусь, как перед Богом, он же Аллах, Элохим, Иегова, Яхве, что ни в одной из этих святых смертей нет моей вины: мы все одинаково стремились домой, в одну силу работали. Когда рядом погиб последний, в меня вселился какой-то бес - а, может быть, все их лихие души вошли в меня на несколько часов - и я прорвался сквозь "духов", как коса сквозь мокрую траву: они полегли, а я пошел своей дорогой.

После этих приключений я не боюсь ни ада христианского, ни ада мусульманского, ни кришнаитской реинкарнации.

Домой вернулся тихонько и не стал устраивать шум на весь мир о зверствах "духов" над нами. Иначе Аллах не простил бы мне молчания о наших зверствах над ними. Просто сейчас я встану, опущу седую голову и помолчу, а потом сяду писать Тебе дальше.

Мир праху убиенных - неважно кем и неважно за что. Сейчас последует истина из той области, где я могу считать себя экспертом:

- Преднамеренное убийство себе подобного - самое крайнее выражение ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ сущности.

Дальше - какая-то бездна.

Впрочем, и это открытие - не мое. Открытия вообще не существуют. Как и истины, кстати. Вот явления - другое дело, их можно просто увидеть. Но что за честь Разуму - кричать об увиденном, пусть даже раньше всех? Вчера об этом другой кричал, только мы не слышали. И не видели, потому

что были в другом месте. А завтра в третьем, десятом, сотом месте еще кто-то вообразит себя гением...

Умню. Это от одиночества. И от безвременных седин, из-за которых на меня в толпе смотрят с почтением. Бр-р-р.

Впрочем, почему же "бр-р-р"? Всякая седина - след душевного труда, а такой труд - в любой идеологии - особенно почетен.

Например: "Мне нужны парни с крепкими кулаками, а если между делом они стащат часы, то это не беда". Мудрый Шикльгрубер знал, что через годы, если эти парни уцелеют, им будет стыдно за украденные часы, и они поседеют. И начнут творить добро. И изо всех сил начнут воспитывать в детях благородство... Как Ты думаешь, я это всерьез или пошутил?

Вернемся же в тогда, когда я, герой-интернационалист, отдыхаю от ран и битв.

Я хожу на могилку к маме и обещаю ей больше не умирать. Обоим обещаю - ей и папе - их похоронили рядом - вот сила любви. Но не той любви, что между ними, а той, что осталась в одиночестве и все им простила. Я подружился с ней и многое от нее узнал. Тебе я о ней не рассказывал, оцени. Берег ее чувства.

Кстати, ее так и звали - Любовь. Да и поныне зовут, она жива еще. И меня переживёт, это уж могу гарантировать. Любовь Михайловна. Отчество - несущественно.

Так вот, значит. Нашли меня сразу. Как только отметился в военкомате. В день моей первой пенсии пришел неброский человек, посочувствовал, что пенсия столь мала: государство, дескать, обязано теплее относиться. И положил на стол конверт:

"Общественная организация бывших воинов назначает вам пособие". "Единоразовое?" "По обстоятельствам. Вы меня понимаете?" "Ну, на то у меня и высшее образование..." "Отлично! Отдыхайте пока. А мы вам службу подыщем. Что-нибудь связанное с разъездной фотографией, да?" "Идеально". Ни черта больше я и не хотел. Фотография беспристрастна, почти как наука. Хотя, конечно, если рук не мыть, на любых снимках пятна оставишь...

Вижу, Ты морщишься: "Чистоплотный убийца!?" Разгладь свои морщины и ответь: почему барс живет дольше свиньи? Потому что чистоплотен и все время оглядывается. Это однозначно. Помнишь, мы смотрели фильм, где великий Джигарханян сыграл старого киллера? Ты наверняка думаешь сейчас: "Вот именно, даже такого матерого все равно убили. А потом так же убьют тех, кто убил его. И так будет всегда". Ты права, но необходима оговорка: "Горе лишь тем, кто для других выдумывает правила, а для себя - исключения. Назовись свободным художником, уважай чужую свободу, делай свою работу, держи слово - и дело в шляпе. Кто это исполняет, тот долго живет. Конечно, при исполнении еще одной оговорки: "Строгая взаимность - обязательна". К этому сводятся все законы Карнеги, Паркинсона и прочих.

Ну, кажется, выумнил всё, на что был способен. Дальше буду просто рассказывать, без философии. Зачем киллеру философия...

Кстати, а в самом деле: зачем киллеру философия?

Да уж, философия - заразительное занятие. Даже для дилетанта, который всего лишь нахватался азоров в университете, после чего навек ушел в наемные убийцы. Не хочешь, а все равно - машинально - ищешь во всем это самое подобие разных вещей и разницу подобных. Будто без этого тебе на спусковой крючок не нажать.

О совместимости убийства с образованностью мы уже не говорим, уже сказано: котлеты - отдельно, мухи - отдельно. Чего же я толку воду в ступе? Оттягиваю миг, когда надо будет ставить точку. Так уж не трус ли я?

Вот до чего доводит философия. "Собака имеет глаза и уши, Кай имеет глаза и уши, следовательно, Кай - собака". Всякому человеку присущ страх, следовательно...

Все! Начнем.

Пока отдыхал после плена, я повспоминал фотографию руками: проявляющие составы, съемка портретная, спортивная, производственная, ритуальная, микроскопическая, выбор точки и ракурса, постановка света... Все это восстановилось легко, а когда разложил перед собой готовые снимки, убедился, что и главного не утратил. Главное - талант, который одинаков и для фотографа, и для киллера: способность вовремя нажать. Не раньше и не позже, а именно в тот единственный момент, который лучше всех оценил великий Гете: "Мгновенье, ты прекрасно!"

Теперь опустим бытовые подробности и увидим меня через полгода.

Я еду в командировку от областной газеты. Я - нештатный фотокорреспондент: в коллективе

состою, но оклада не получаю, только гонорар и командировочные. Это в простоте и называется - "свободный художник". Не обязан готовить чужие материалы, работать с чьими-то письмами, дежурить по номеру, делать обзоры и тому подобное. Сплошные права. Право принять задание или отказаться. Право самому найти темы. Право самому назначить срок сдачи материала. Право подохнуть с голоду. Последнее, мне, понятно, не грозит: я - пенсионер. Ах, да, есть одна обязанность, чисто этическая: любой материал предлагается прежде всех родной газете. Но такая обязанность и самому при-

Я еду в первую командировку, хотя по газетным делам изездил уже всю область. Общественная организация, которая исправно поддерживает меня пособиями, предложила выполнить первую вокацию. И тоже выдала командировочные.

Почему вокация, а не акция, не операция, не шлепок какой-нибудь? Не спрашивал. Пусть у каждого барона будет своя фантазия. Тут важно другое: я ждал этого предложения, я был к нему готов, я изучил его и принял. Чтобы Тебе понять до конца смысл последних слов, нужен экскурс.

У этой фирмы есть свое, домашнее название, но никто нигде не найдет ни его, ни фирмы, пока она не явится к нему сама. Как она ходит и находит - это дела кухонные. А называется она пусть "Ветеран-Сервис". Просто и непонятно: то ли услуги ветеранов, то ли услуги ветеранам, и что за услуги, и чьи ветераны? Фирма-мираж.

Неброский гость навещал меня неоднократно. Во второй его визит были названы знакомые места, мало кому известные эпизоды и была выпита бутылка водки за упокой душ, чьи имена мы оба свято помнили. И больше мы с ним не пили ничего крепче кофе. Он не для того был закреплен за мной, чтобы пьянствовать. Мы виделись на полигонах, в спортивных залах и плавательных бассейнах. Тренировки носили как бы частный, а встречи - как бы случайный характер. Никого больше из "В-С" я не знал, а с этим человеком мы обращались друг к другу одинаково: "Братан".

Он откровенно блаженствовал в маминной квартире, которую я превратил в мастерскую. От души хвалил мои снимки, развешанные по стенам, и чистосердечно гордился, что среди них красуется шикарное деревянное блюдо, вырезанное им собственноручно. Было в нем то самое высокомерие, которое выделяет людей совершенных среди неразвитой серости.

Не пугайся этих слов. Сейчас Братан прочтет нам короткую лекцию о высокомерии. Вот он сидит передо мной. Между нами табуреточка, а на ней - раскрытые нарды. Братан счастлив, расслаблен, выбрасывает очередной куш из единиц, который сминает ему все победные планы, иронически оценивает ситуацию:

"Прушник я!" и продолжает только что начатую речь.

- Вот тебе и пример: не везет мне сейчас в нарды. Мне бы возмутиться, отчаяться, дуть на камни: "Зара, дай!" и тому подобное. А я спокоен, даже счастлив - почему? Потому что следую истине: "Игра - развлечение умного и страсть глупца". При этом нисколько себя не насилую. Мне действительно больше нравится процесс, чем результат, как тому ученому из анекдота.

Он быстренько вставляет в лекцию анекдот о жене ученого, покупающей на ночную рубашку целый отрез батиста. Смеется вместе со мной, удачнее бросает камни и продолжает:

- Ты, братан, первый человек, который с одного раза поверил, что меня не огорчает поражение в игре, даже результат безразличен. Все считают, что представляюсь. И называют - с самого детства! - высокомерным. Правда, не всегда именно этим словом, но в этом смысле: "зазнаешься", "много о себе понимаешь", "ставишь себя выше других"... Принимаю только "высокомерие". Сейчас докажу, что это ни для кого не обидно, если вдуматься. Ага, вижу, ты уже вдумался. Ну, тогда просто следи, все ли совпадет. Подходить ко всем и ко всему с высокой мерой может каждый, если выполняет несколько условий. Во-первых, чтоб самая высокая мера требовательности - к себе. Во-вторых, восхищение чужими достоинствами. И в-третьих, великодушие к чужим недостаткам. Если делать это тактично, все будет в высшей степени по-человечески. Когда чванливая бездарность пытается поставить себя выше других - это смешно, глупо или страшно - в зависимости от обстоятельств и масштаба. Когда же ты природой поставлен высоко, тогда что же тебе - голову в плечи втягивать, на корточки садиться? Ну, и так далее. Совпало? Отлично! И, значит, те, которые называют нормального гения выскочкой, просто ему завидуют. Было, я долго не верил, что зависть существует. Думал: как же береза может завидовать осине, и тому подобное. Ведь зависть хорошо прячут, потому что ее стесняются. Ее каждый раз вычислять надо! Я был настолько туп, что долго не понимал этого, но дошел сам, горжусь!

Он так радостно купается в своем высокомерии, считая меня равным, отпуская все тормоза, что я хохочу от удовольствия и -делаю на доске неправильный ход. Он тут же меня ловит, хохочет сам и комментирует:

- Я всегда говорил, что смеющийся человек беззащитен! Я в университете все экзамены так сдавал: рассмешу экзаменатора - и готово!

В таком духе мы обычно и проводили наши встречи. Заметь:

ни слова о делах. Так было договорено во время его второго визита. Деловая часть бесед

осуществлялась молча. Из рук в руки получаю Обоснование задачи, тут же внимательно знакомлюсь и, если согласен, киваю. В ответ на кивок получаю второй документ: все необходимые данные на объект вокации. Их - до полного заучивания - оставляю у себя, после чего - сжигаю. Желательный срок исполнения указывается в Обосновании.

До сих пор восхищаюсь мастерством, которого стоила Братану естественность нашей решающей, второй встречи.

Он принес второй конверт, а я выглядел напряженно, настороженно, ждал вербовки с неприязнью, готовый отказаться от "пособия", даже драться... Он это оценил с одного беглого взгляда. Пожимал мне руку, будто хватал быка за рога, и сразу начал на "ты":

- Братан, за фирмой никто не стоит, чистой воды наука. Ниже высшего образования ни у кого нет. Берем только своих...

- А как решили, что я - свой?

- Пошли на кухню, - был ответ. - Расслабимся и скажу

На кухне он молча выставил из сумки бутылку и сам полез в шкаф за стаканами. А между этим делом, скромно так, назвал мне первое имя и эпизод. Такое имя и такой эпизод, что мои руки сами поспешили откупорить бутылку

Мы пили понемногу. Я принес гитару, и мы пели такое, чего не поют ни по радио, ни в концертах. То была фольклорная солдатская самодельщина про Саланг, про "каскад", про Мазари-Шариф, про "двухсотых" и "трехсотых" и, конечно, про "духов". Хоть и без искусства, зато уж со слезой и настоящим, хотя и специфическим, юмором.

Когда бутылка опустела, я выставил вторую, но гость жестом не велел открывать.

- Все, братан. Эту спрячь до первой вокации. Пойдем, проводи меня. На пленэре и пощечечем.

Сказал - и смотрит испытующе. И я понял: если начну настаивать на продолжении, начну демонстрировать волю - он уйдет и не вернется. И на мне кто-то поставит крест. А мне - после имен и эпизодов - уже хотелось быть к ним поближе. К тем, кому я свой.

На улице слегка, помню, моросило, и он извлек из сумки зонтик. Под этим зонтиком (почему-то помню: он темно-сиреневый с мелкими цветочками) я и узнал тайну Не боюсь Тебе ее доверить, потому что, если проговоришься, даже если - невероятно! - опубликуешь эту тетрадь, никто из так называемых серьезных не поверит, а достойные люди из "В-С" только пожмут в мой адрес плечами: "Сломался. Жаль: чисто работал".

Чистота - залог успеха. Об этом я уже рассуждал.

Держа в левой руке мой локоток, а в правой - свой почти дамский зонтик, Братан вот что рассказал.

Не один я, такой образованный, побывал с оружием в чужих краях и не один я оттуда вернулся жив. Умы стеклись к хорошему компьютеру и мозговым штурмом породили блок идей, направленных на спасение Отечества. Все, как видишь, банально, как у всех террористов: все норовят Отечество спасти. За основу взяли не национальные и не классовые, а просто житейские интересы того большинства, которое Эбби Бой называл первым и вторым сортом. Определили иерархию ситуаций - от районного и областного до всероссийского масштаба. И целый год изучали приоритеты и связи между ними, попутно составляя программы. К- сегодняшнему моменту "Ветеран-Сервис" имеет достаточное для активной работы количество разработок по двум направлениям, именуемым "Вокация-1" и "Вокация-2".

Сложно для понимания? Это с непривычки. На практике все просто - по крайней мере для исполнителей вроде меня.

Повспоминай известные крутые ситуации - переворот в Чили или, поближе к нам, разгром несчастной разбойничьей республики Ичкерии. В любом подобном катаклизме на виду находится яркий лидер - какой-нибудь Пиночет или Дудаев. Все эти герои-генералы всегда служат только вывеской ситуации - истина очевидная. Мыслители из "В-С" поставили себе цель: вычислять подлинных организаторов событий и - действовать по двум во-кационным вариантам. Если в какой-то местности или отрасли зреет полезное народу начинание, могущее в случае успеха охватить благом все население, то ключевая фигура такого дела подлежит обеспечению охраной. Это - "Вокация-1", к "Ветеран-Сервису" плотного отношения не имеющая. Там все гласно и конкурс среди исполнителей 10 человек на место. Исклучение - когда, из-за особой скромности лидера, его не только не охраняют, но и не замечают. В этих редчайших случаях может присматривать "В-С". Когда же деятельность ключевой фигуры носит грабительно-разрушительный характер, она подлежит ликвидации, и это - "Вокация-2", как раз по нашей части. Ясно, что работа крайне секретная, крайне опасная и часто весьма срочная - если ситуация запущенная. Конечно, не всегда удается ликвидацией кого-то спасти что-то, но - как говаривал наш инструктор по парашютной подготовке, - случаи были. Все происходило, как при разборке шатра: падал центральный столб - и опасность оседала, гасла - до следующего столба, а то и насовсем. Во всяком случае у тех, кого следует

оберегать, появлялся шанс.

Интересно, что громадная, на всю Россию, организация "Ветеран-Сервис" не только не является хоть чуточку государственной, но даже напротив того - ибо слишком мало в государстве чиновников с чистыми руками да к тому же чересчур непопулярен метод "В-С": эффектен сверх нравственной меры.

Совсем коротко говоря, задача "В-С" по большому счету всего одна: освобождая народ от гнета воров, помочь ему выбраться из нищеты. Не забудем, что слова "врать" и "воровать" - однокоренные испокон.

Эффектный метод и эффективен в высшей мере, безусловно.

Мне это понравилось, и я согласился.

И вот - первая вокация. Конечно, совмещенная с газетной командировкой. Мне бы волноваться, а я доволен и посмеиваюсь, потому что наконец в настоящей переделке, хоть она и не со мной. Да еще Братан на прощанье рассмешил.

- За крупные, - говорит, - промахи я сажал бы правительство в долговую яму. Пусть сидят, пока народ не исправит их ошибки. Под руководством следующего правительства, которое с опаской поглядывало бы в эту яму. Будь я диктатором, обязательно велел бы приводить правительство к присяге на краю этой ямы. И меня вспоминали бы по очень миленькому фольклору - по поговоркам: "Сыграл в яму", "Яма по нему плачет", "Яма их помирит", "Как из ямы выскочил"... Ну, неужели не бывает нравственных диктаторов? Бывают!

Это смешно потому, что тщедушного и добродушного Братана трудно представить диктатором. Даже нравственным.

Впрочем, кто-то из диктаторов, кажется, как раз таким и выглядел: нравственным, тщедушным и добродушным.

Выглядел.

Не боюсь и не волнуюсь, потому что абсолютно готов, а главное - абсолютно прав. Не верю в такого убийцу, которому абсолютно все равно, за что, кроме гонорара, он убивает человека. Для меня это восходит к вопросу о душе. Зло должно быть остановлено силой, ибо на то оно и Зло, чтобы ничего, кроме силы, не признавать. Но мера в применении силы должна быть очень строго соблюдена, чтобы излишней жестокостью не породить новое Зло.

Ты морщишься: несколькими страницами раньше уверял, что Зло не существует и - вот те на. Отнюдь. Я сказал, что Зло - это узконаправленное Добро. Для немногих - за счет остальных. Для алчных - против невинных. Это и есть Сознательное Первичное Зло. Остановить его - необходимо, ибо богоугодно. Однако - не зарываясь: сбил с ног - не топчи.

В Уголовном кодексе - термин: "превышение необходимой самообороны". Ударить, чтобы отнять нож, - можно, а резать этим же ножом - превышение.

Но в Кодексе всего не учтешь. Может, он этим ножом только что зарезал того, без кого мне и жить не надо. Да еще у меня на глазах. Так неужто я не превышу?

Словом, убийство - дело творческое, не для "горилл". Тем не менее, "гориллы" очень даже существуют. А те, кто их нанимает, - заведомые негодяи и подлежат истреблению.

Киллер киллеру рознь. Как малер малеру и шпалер шпалеру.

Едем дальше. Видим мост. Под мостом ворона мокнет. Я схватил ее за хвост, посадил ее на мост - пусть ворона сохнет. Ты знаешь продолжение этой пошутайки?

Едем дальше, видим мост. На мосту ворона сохнет. Я схватил ее за хвост, посадил ее под мост - пусть ворона мокнет.

Люблю эту пошутайку с детства. В ней - вся бесплодность каких бы то ни было наших усилий. Но никогда они не кончатся, пока существуем мы, мост, ворона, вода и то, на чем пытаемся ехать дальше.

Может, пешком надо ходить? А вороны пусть сами по себе - сидят, летают?.. Может, и мостов не надо?..

Вокационная командировка. Съездил, схватил за хвост, посадил под мост, попутно привез в редакцию хороший фоторепортаж, о чем заказали, и там же узнал, что где-то рядом с моим репортажем было убийство, то ли самоубийство, то ли несчастный случай - с весьма влиятельным деятелем, и я, будь немного пошутрее, мог бы привезти горяченький материал для скандальной хроники. Что ж, виноват. Наверно, это случилось, когда я уже назад ехал.

Сразу же явился Братан, обмывать первую вокацию. Вручил гонорар. Замечаний не сделал. Зато сделал я сам:

- В редакции пожурили, что не заметил трагической сенсации рядом с репортажем. Хорошо это или плохо? Братан посмотрел внимательно, подумал и изрек:

- Они правы: репортеру полагается все замечать и везде успевать. Но быть везучим на такие сенсации - ты прав - конечно, нежелательно.

Сыграли в нарды, я проводил его до остановки.

Вот и весь отчет о первой вокации. Я точно знаю, что Ты ожидала подробностей. Как выслеживал, подкрадался, как словил наедине, прижал к стене, что видел в глазах, как оглашал приговор и какая была реакция, какие меры принимал, чтоб не оставить следов, как все же билось сердце, несмотря на "интернациональный" опыт... Отнюдь, отнюдь, отнюдь. Не было, не ловил, не прижимал, не произносил - все отнюдь. Я делал репортаж, а в это время где-то недалеко попала под списание ключевая фигура очень вредной для народа ситуации. Попала вместе с частью своего имущества, но без сопровождающих горилл, в одиночку. Остались сиротами взрослые дети, вполне приличные люди, как ни странно.

Впрочем, ничто на свете не странно. Разве что мы сами...

А через год, прямо в пылу очередного рокового совпадения, я увидел с вышки Твой белый плащик.

И была Ты, и была длинная-длинная беседа по всему Нефтеграду, благо он невелик. И была портретная съемка, и глаза, глаза - они всё говорили мимо слов, и был, наконец, поцелуй, совсем не под гипнозом, и были мы - до самого конца нашей командировки.

А в аэропорту тебя обнял муж - юный, небитый, нестреляный, непуганый студент. Ты представила ему нового знакомого - фотокорреспондента, свободного художника, и попросила меня сделать семейный портрет. Я сделал и принес туда, где вы жили.

Это все Ты знаешь. Не знаешь только одну деталь: когда фотографировал вас вдвоем, мелькнула мысль: "Вот он, соперник. Можно сейчас и его, как давешнего кровососа - взглядом через объектив. И отпрянет он назад, вот под этот самосвал"... Я мог это сделать, не задев Тебя. Он даже сам толкнул бы Тебя ко мне перед тем...

Но я мысленно сказал Твоему студенту: "Относительно вас у меня нет указаний". И усмехнулся. И увидел, что моя усмешка вызвала тень испуга в Твоих глазах. И нажал на спуск... Если снимок сохранился, взглядишь - Ты увидишь эту тень.

Я всегда нажимал вовремя.

Но скажу больше. Дело тогда было не только в указаниях. Даже вовсе не в них. Твой муж - Твоя собственность, которая Тебе нравится. Я даже сегодня не имею ни малейшей охоты отнимать у Тебя то, что Тебе нравится. Я и себя не отнимал, пока сама не отказалась.

А уж теперь - отнимать, так отнимать.

Кстати, об этом Твоем страхе. Вспомни, был он вызван моей хищной улыбкой или улыбка была все же скрыта за фотоаппаратом, а страх пришел другим путем?

Бывали моменты, когда мне казалось, что свою гипнотическую силу я контролирую не вполне. Хоть и не всегда приходилось смотреть в глаза убиваемым, но от некоторых исходил страх - почти перед самым началом последней стадии вокации...

Ишь, вока-а-ация... Ну почему не назвать прямо? Ловлю себя на криводушии, над каким изгалялись мы с Тобой, когда вместе слушали радио. Помнишь, оно будит нас в моей квартире и начинает: "В ходе разоружения незаконных бандформирований в Ичкерии федеральные войска вернулись вчера на свои прежние позиции и сдерживают натиск боевиков трех полевых командиров, пытающихся развить успех в направлении... Боевики потеряли более тридцати человек, потери федеральных войск уточняются". Я расшифровывал: "Опять народ оплачивает счета, по которым одни бандиты задолжали другим". Ты смеялась, я тоже пытался, а думал о необстрелянных пацанах, которых совсем ни за что положили ичкерские профессионалы вчера. И положат завтра. И, может быть, уже не в Ичкерии, а в другом месте, которому тоже будет дано камуфляжное название - "горячая точка". Я чуть не кричал, так хотелось добраться до тех паразитов, которые посылают пацанов убивать и умирать. Они - не в погонах. Звук рикошета, горячая боль ранения, холод брони, смертная тоска плена - неведомы им. Они - раковая опухоль народа...

Ишь, разошелся. Такой бы я тебе понравился? А то все смешил да поддакивал.

Каких мужчин любят женщины? Один из самых idiotских вопросов. Любой ответ верен и неверен одновременно. В какого меня Ты изволила влюбиться? От какого меня ушла? Одного и того же. Что на свете дальше от истины, чем любовь? Разве только смерть, но она, кажется, на другом конце ряда...

Слова слишком многое могут выражать, поэтому доверия к ним у меня нет никакого. И Ты мне не

верь. Я лгу.

Перечитал последнюю страницу. Умно, умно, и некому трепача остановить. Эксперт по любви, по войнам, по убийствам, с правом судить и приводить в исполнение. И еще спрашивает:

"Понравился бы я Тебе такой?"

Конечно, да, кокетливый киллер!

В наших постельных и кухонных беседах, бессильная от любви, Ты ослабевшим голосом призывала кары небесные на головы народных мучителей, мечтала о мстителе суровом. Я привычно поддакивал. Я ни за что не решился бы спросить Тебя, кто такие эти Они, кого Ты готова расстреливать собственными руками, почему-то обязательно "из спаренного пулемета". Ты бы их не смогла назвать. Для Тебя они - фатально неуловимы. Ты ругала их вообще, как всякий нормальный человек: излить душу ближнему и идти через проходную - скорее, скорее, не опоздать - гнуть на них спину. За гроши. Это такое удобное зло - они. Хотел бы я посмотреть на вас, нормальных, если бы вам стало некого проклинать. Или - еще хуже - вы узнали бы поименно, кто такие - они... Но вам такое не грозит. Ваше бессилие - это и броня ваша.

Ха-ха, не то бессилие, которое от любви, конечно.

Бессильные от любви, вы возгораетесь праведным негодованием против тех, кто задает и заедает вашу жизнь. Но найти их, поквитаться, взять своё - до этого руки ваши никогда не доходят. Некогда вам. А самое интересное, что, когда кто-то решается посвятить себя действию, вы пугаетесь его. Ибо не дано...

Нет-нет, я правильно сделал, что не открылся Тебе. Комфортнее было поругивать их и ждать подвигов от меня. Но - только ждать. Большого Тебе не требовалось: представить, что я смог бы, и тут же ругнуть: все вы, мужики, выродились. Вот и полный комплекс цивилизованных ощущений.

Я лгу.

И хватит умнить. Я обещал рассказать о себе таком, какого Ты не знала. Едем дальше.

С Братаном складывалось что-то вроде дружбы. Общие воспоминания, общие интересы, общие дела. Но все же по-настоящему дружбой я бы это не назвал. Ибо дела были общими лишь до исполнения и после. Исполнял я всегда в одиночку. И даже не знал, исполняет ли убийства сам Братан. А лучше того занозила душу таинственность "Ветеран-Сервиса". Не та, что для всех, а та, что даже для меня. Почему Братан вхож туда, а меня и на порог не зовут?

Разумеется, я отдавал себе отчет: чем глубже конспирация, тем лучше для всех, в том числе и для меня. Когда работаешь как бы от своего имени, ни о чем другом и голова не болит. "Относительно вас не было указаний". Было бы дело правым - это для души.

Но тем и опасно высшее образование, что учит ставить вопросы и не успокаиваться без ответов.

Однажды я сказал Братану:

- Чисто теоретически, мое положение незавидно. Меня в "В-С" знают досконально и могут сдать властям или даже какому-нибудь заказчику - за что угодно, в любой момент. Это, знаешь ли, нависает...

Он ответил:

- Расскажу тебе анекдот. Из германской жизни. Один тамошний пастор, однофамилец тамошнего шефа тайной полиции, попал в концлагерь, но, разумеется, Божьим промыслом, уцелел. И постиг вот какую мудрость: "Сначала пришли за коммунистами, но я не был коммунистом и промолчал. Потом пришли за евреями, но я не был евреем и промолчал. Потом пришли за членами профсоюзов, но я не состоял в профсоюзе и промолчал. Потом пришли за католиками, но я был протестантом и снова промолчал. А потом пришли за мной, но уже некому было за меня заступиться". Комментарии нужны, Братан? Дело ведь не в фашизме. Дело в человеческом единстве.

Я ему поверил - что еще оставалось? И правильно сделал. Все же есть на свете организации, в которых предательство немыслимо. Не веришь? Не верь. Но попробуй найти "Ветеран-Сервис" - и убедишься.

На эту тему Братан обязательно вытащил бы какой-нибудь анекдот - о неуловимом Джо или почему у слона красные глаза. Он вообще любил отвечать анекдотами. Говорил, что в них сконцентрирована народная мудрость на все случаи жизни. Он, безусловно, прав.

Например, по моей способности к гипнозу он прошелся даже лично переделанным анекдотом:

- Помнишь, смотрит он на окно восьмого этажа и внушает хозяину: "Выброси телевизор, выброси телевизор". После долгих усилий цель достигнута - тот распаивает окно и в отчаянии кричит: "Ну нет у меня телевизора!" Это я к тому, чтобы ты не внушал объектам вокации: "Отдай Богу душу". Вотще: у них не бывает души.

Я спросил:

- Не боишься, что под гипнозом выведаю у тебя тайны "В-С"?

Он засмеялся:

- Давай попробуем! Может, тогда и я что-нибудь узнаю!

Такая вот конспирация.

Но сам он каким-то образом узнавал обо мне все чуть ли не раньше меня самого. Ты бы, например, ужаснулась, если бы услышала, какими словами он меня встретил сразу после знакомства с Тобой.

- Поздравляю. Красавица редкостная. Вопрос - умна ли. Но это уж не наше дело. Это вообще - не для ума. Как говорят в Париже, се ля мур.

И сразу выдал пару анекдотов средней солёности, чтобы осведомленность фирмы не выглядела слишком уж бесцеремонной. И с ходу перевел разговор на другую тему. Почему-то запомнилось.

- Тут патриоты серчают, когда кто-нибудь скажет о России - "эта страна". Замечал, да? А я - дык ничаво. "Эта страна" - что такое? Государство, границы, режим - сегодня один, завтра другой. Иное дело, что в "этой стране" живет мой народ. Вот что важно. Мой народ! То есть я сам и те, кого люблю, кто меня любит. Словом, братан, желаю вам счастья в "этой стране".

И убежал.

Был ли он моим другом?

Был ли я счастлив с Тобой?

В ЭТОЙ СТРАНЕ...

Я слышал, все иностранцы боятся России: у нас ведь убивают на каждом углу. А мы не боимся - почему?

Всякий ад страшен только со стороны. А попадешь туда - оказывается, что можно жить...

Суета сует. Интеллигентская рефлексия. Не положено киллеру рефлексировать. Либо будь достаточно прост, чтобы вообще не знать этого понятия, либо - достаточно развит, чтобы абстрагироваться. Братан, по-моему, умел. "Работа не хуже других". Он даже был уверен - лучше многих. Потому что судил по уровню полезности для народа. И при этом не был чужд иронической софистики: "А народ - это я".

Ах, вот почему я опять умню: все так же страшновато ехать дальше. Там ведь не вороны сохнут на мостах. Там мокрые дела. Банальные, вульгарные, чаще всего кровавые. Пусть он и вор, и мошенник, и кровосос, и хуже, а все - божья тварь. Не жалко, пока он жив, пока он мерзавец, пока убиваешь его, зная, за что. А потом - чувство необратимости. И знаешь точно, что никогда и ни за что он не стал бы другим, а все же: вдруг-вдруг?..

Итак, показать Тебе в подробностях какую-нибудь свою проделку? Не обязательно кровавую, но непременно - летальную?

Знаешь, не хочется. Братан говорил, что наши вокации - не более чем косметические операции: после них не должно оставаться шрамов. Мы не способны на большее, но и не согласны на меньшее. Пусть колесо катится себе, куда ему положено. Наша задача скромна: пусть под него попадают злодеи. Ради этого мы даже сами согласны - следом за ними. Но - следом, а не раньше.

И вот Братан уже под колесом.

Но нет, не могу и не желаю об этом. Продлю ему жизнь, сколько сумею.

Он любил, например, смотреть, как я печатаю снимки. Об одном таком визите расскажу сейчас.

Когда стал фотокорреспондентом, я мамину комнату превратил в лабораторию. Достаточно принести воды для промывки и опустить черную шторку на окне. Тебе, помню, там нравилось: интим в красном свете, кушеточка удобная. Сколько Твоих портретов я там сделал...

Братан знал, что предпочитаю работать один, поэтому нашел предлог, чтобы напроситься в лабораторию: забрезжила, мол, неясная мысль, и он чувствует, что она оформится, если смотреть, как проявляется изображение на фотобумаге. Я сказал: "Что ж, приходи вечером, попечатаем".

Я как раз вернулся из вокационной командировки, проявлял пленки. (Я не сдавал их в издательскую лабораторию, потому что считаю негативный процесс слишком для этого ответственным делом да и вообще люблю его: после закрепления, еще не промывая, отматываешь немного пленки со спирали и - детский восторг: получилось!)

Высохли пленки, явился Братан, мы затемнили комнату и включили красный свет.

Он только сказал: "Забудь обо мне. Давай оба сосредоточимся". И его как бы не стало, я даже дыхания не слышал.

Но поскольку он все же был рядом, этот вечер мне запомнился. И все мои мысли - тоже, потому что рождены, возможно, его присутствием.

Я думал о сходстве фотографии со стрельбой, но не вообще, а именно по отношению к одному

объекту - человеку.

Убийство - отправление во тьму. Фотография - совсем наоборот - извлечение из тьмы: черные кристаллики бромистого серебра складываются в живой взгляд того, кому я же, например, часом позднее вlepил последний удар в переносицу. Сам убил, сам оживляю...

Контраст - основа фотографии. Контраст - психологическое состояние киллера-фотографа.

Моя психика вообще контрастна. Я - существо ночи. Но не в том смысле, в каком людей делят на сов и жаворонков. Я говорю об отношении к темноте. Кто-то сказал, что для глаз нужен свет, а для разума - темнота. А Ты как-то говорила, что, когда гаснет свет. Тебе кажется, будто на Тебя упало черное покрывало, даже слух ненадолго слабеет. Так вот, у меня все наоборот. Ты у двери, одетая почти ни во что, протягиваешь руку к выключателю - и вот сей миг я потеряю Тебя... Но гаснет лампочка, и никакое покрывало на меня не падает. Напротив: тьма срывает с меня какой-то ненужный защитный покров, я обретаю все - и Тебя в том числе.

Представила?

Но убивать я предпочитал днем - и когда был солдатом, и потом... Ночью просто больше свободы, но разве свобода предназначена для убийства? Убийцу всегда ведет какая-нибудь нужда: страх, зависимость, отчаяние, месть. А свобода - это прежде всего великодушное желание отдавать, дарить, покровительствовать, делиться, любить! Убийству места нет, когда Свобода...

Вот почему все нормальные люди всегда работают днем, а отдыхают, то есть бывают свободными - ночью. Тут не поспоришь. И я в этом смысле - нормален. Просто мало кто философствует на тему своей любви к темноте. А любят-то ее - все.

Было в тот вечер и еще одно размышление, связанное с тьмой. Его точнее назвать переживанием, которое родилось из внезапного детского воспоминания: стою под Луной и разглядываю собственную тень. Она тревожит меня, как и сам лунный свет. Почему? Ведь это свет того же Солнца, но днем тревоги нет... Тогда, в детстве, я додумался вот до чего: не лунный свет нас тревожит, а только тени, им сплетенные. Неуверенные, таинственные, едва ли живые. Какая глупость - "живая" тень! А вот поди ж ты... Теперь, в лаборатории, это воспоминание вызвало острый приступ тоски: не хочу светить отраженным светом! Почему-то эта тоска была связана с Тобой. Могу сконструировать объяснение: Ты - Солнце, я - Луна. Но это не будет окончательным портретом моего чувства. Здесь случай, когда в объяснении явления содержится его погибель.

Разъял гармонию. Получил обломки. Не стоит пытаться.

Но я попытался, пока Братан молчал, аж не дышал.

По нормам текущей морали я - злодей. Ибо - душегуб. Но так ли это по нормам той науки, которая почему-то нигде не запрещена, хотя нет более аморальной науки, чем логика?

Зло-дей. Творящий зло. Стало быть, отодвинем все тома, написанные о Добре и Зле, вернемся к понятию Зла как узконаправленного Добра и примем уточнение. Разделим категорию Зла на две: Зло Первичное, творимое сознательно, и Зло Вторичное, творимое в ответ. И математически, и логически это - силы, направленные встречно друг другу. Значит, их равенство дает ноль?! То есть, остановив злодея встречным злодейством, мы умножим Первичное Зло лишь в одном случае - когда превысим меру сопротивления. Это логично и справедливо. Но не всегда нравственно, и нравственность предпочитает попросту складывать все злодеяния примитивным столбиком.

В этом месте рассуждении я чуть не закричал. Да полно же! Тот, кто решается устраивать свои делишки ценой чужого горя, он от самой Природы таков, что отсутствие сопротивления вызывает в нем только торжество, только ощущение собственной правоты - и никакого раскаяния! И нравственно ли не оказывать сопротивления клопу, комару, мошеннику, вору?

Пойми, убивая их, я ТОЛЬКО ЗАЩИЩАЛСЯ. Как Природа назначила человека орудием собственного самопознания и самосовершенствования, так и я, презренный киллер, назначил себя орудием самоочистки Человечества.

Единственное, в чем я нуждался и о чем молился, - это МЕРА. Не превысить меру - и я не злодей.

Видишь, какая преступная наука - логика.

Нет, не могу не уметь. Все время возвращаюсь к одному: как творить Добро, не творя Зла? Как остановить Зло, не умножая его? А оно, неухватимое, наблюдает за мной, своим верным и деятельным слугой, и ухмыляется: "Болтай что угодно, лишь бы дело делал".

Отнюдь. Все эти дела уже сделаны. За исключением пустяка. Его - пустяк - на десерт. А пока - не прерывая позитивного процесса - побеседуем с Братаном.

- Ну, оформилась твоя мысль? Проявилась? Братан смотрит с улыбкой и отвечает грамотно:

- Закрепляется.

В тот раз он так и не показал мне свою проявленную мысль. Сказал, что нужно еще позакреплять, промыть, просушить и отгланцевать.

На это у него ушел год. Наш с Тобой год. К моему счастью. Целый год с Тобой.
Но не к счастью Братана. Может быть, позакреплай он подольше, все повернулось бы иначе. Для нас с ним.

Тебя никакие мои изменения не должны были коснуться, и мне это удалось вполне. Кажется, я об этом не жалею.

Теперь - о выставке, о последней вокации и - конец. Уже скоро. Если до этого места дочитала, дотерпи уж совсем чуть.

В нашем городе это была первая персональная фотовыставка. Знаю нескольких светописцев, которым в лаборанты не гожусь, а вот поди ж ты, удостоился мимо них. И, главное, они это сами восприняли как должное. Каждый посетил именно в день открытия, каждый подошел к автору с поздравлениями, все излучали искренность, и каждый особо выделил не те работы, что понравились другим, то есть каждый мой снимок кому-нибудь из мастеров в душу запал.

Я, понятно, млел от похвал, и был во всех влюблен, и по этой причине весьма надеялся, что моя запыханность будет всем казаться обычной взволнованностью вполне понятного возвышенного порядка.

Впрочем, я понимал, что запыханность сидит достаточно глубоко, чтобы быть заметной только мне самому. Да еще, может быть. Братану, поскольку на этот раз он - впервые - участвовал в моей вокации. Но на открытие выставки он не пришел, так что и замечать мое запыханное состояние было некому.

Это же надо, чтоб вокация прилась именно на такой день! Братан не только видел афиши с моей физиономией и не только заранее меня поздравлял. Очень подозреваю, что это именно он сумел настроить и весь областной комитет культуры, и правление Союза журналистов, и дирекцию Дома ученых, чтобы меня нашли в редакции и торжественно попросили сделать снимки выставочных размеров: "Мы давно любимея вашим творчеством, пусть вся область увидит концентрированную квинтэссенцию" и тому подобная тарабарщина. А я словил Братанову руку прямо на афише - там под моей фамилией было довольно крупно напечатано: "Ветеран-интернационалист, продолжающий свой путь с фотокамерой в руках". Намек достаточно прозрачный для тех, кто понимает. Для "В-С", например.

Афиши расклеили за неделю до выставки. Я печатал, клеил и развешивал снимки, обо всем на свете забыв от удовольствия, особо воспарял, когда дважды, как бы ненароком, забегала Ты и делала большие глаза: "О, этого я не замечала!"

А накануне вечером явился озабоченный Братан и спросил:

- Во сколько завтра открываешь выставку?

- В двенадцать. Лучше бы, наверно, в семнадцать.

- Да нет, братан, - сказал он задумчиво, - лучше как раз в двенадцать. Плотнее по времени, крепче алиби.

- Вокация?

- Очень срочная. Знаешь, кто сегодня приехал? Он назвал имя не очень известного человека. Тот работал в интересном качестве - "помощник депутата" - и под этим видом бесплатно колесил по всей стране. Делал партийные дела на деньги избирателей и попутно устраивал этим избирателям разные трудности, чтоб они не скучали и чтоб им хотелось побастовать или разгромить какую-нибудь контору Братан по поводу этих делишек выражался ярко: "Политика - это непрерывный спектакль, во время которого обчищают карманы зрителей и убивают статистов". Упомянутый деятель был не статистом, а именно активным закулисным организатором спектакля, поэтому подлежал срочному уничтожению, раз уж сам приехал.

- У нас одно завтрашнее утро, - сказал Братан.

- У нас?

Он кивнул с виноватым видом.

- Один ты не успеешь подготовиться, а я - в схеме - уже всё приготовил... Через пару часов зайди в гостиницу "Сибирь". Буду на втором этаже, в номере 206. Входи без стука и сразу запирайся. Ни с кем по пути не общайся. Вот тебе усы, шляпа и шарф. В них ко мне придешь, в них уйдешь. В общественном туалете напротив гостиницы всё оставишь и - скорее в Дом ученых, шесть минут пешком. Детали обговорим в номере.

- Охрана? - спросил я.

- Двое. Уровень - ниже специального.

- Значит, руками?

- Одними руками, - он кивнул. - Утро ведь. Тихо надо. Они в номере 210.

- Всё. Понял.

Он сразу ушел.

А я поставил на магнитофон Высоцкого и начал собираться.

Мы крылья и стрелы попросим у Бога -

Ведь нужен им ангел-ас.

А если у них истребителей много,

Пусть впишут в хранители нас...

Помнишь?

Их восемь, нас двое. Расклад перед боем

Не наш, но мы будем играть...

Я, кажется, ни разу не поймал Высоцкого на неточности. Даже в будто бы случайных, для ритма, цифрах - подлинная германская арифметика: фашистским истребителям предписывалось вступать в бой с нашими только при четырёхкратном перевесе.

Мне предстояло работать одному против троих, причём двое самых опасных в счет не шли - их следовало просто убрать, чтоб не мешали подойти к третьему. Но, кстати, и здесь сохранялась некая цифровая норма: в Отечественную войну и потом наших рукопашников учили драться в одиночку именно против троих, потому что больше трех за раз на одного нападать тесновато. Значит, если можешь справиться с тремя, общее количество противников уже не имеет значения.

Впрочем, это к слову, пока собираюсь. Тебе это едва ли интересно. Но уж опишу эту вокацию более-менее подробно, раз начал.

Мы сидели с Братаном в 206-м номере, пили чай, ели бутерброды с хорошим сыром, и он философствовал.

- Всегда считалось, что на убийство решаются люди слабые, убогие, отверженные. Ради самоутверждения. Или по какой-нибудь еще эгоистической причине... Вот, например, Родя Раскольников. Образцовый гений униженных и оскорбленных. Он, правда, образованный, поэтому рефлексивен. Но корни этой рефлексии он и сам едва ли видит. Был бы богат и благополучен - не возникло бы желание порешить бабу-кровососку. Довольно примитивно. Второй уровень, уровень самого Достоевского, в нем едва проклевывается: убийство как средство социального протеста. И правильно, потому что их общечеловеческая нравственность, их богобоязнь - делают убийство чем-то из ряда вон. Убийство Родю потрясает. Томас Манн о нем писал: "...освобождение от пут старой идеологии" - дословно помню. И вот эти гуманисты освободились от пут. И весь народ освободили. И перекроили его душу под новую идеологию, которая такова, что позволяет убивать людей без всякой рефлексии. Если нам теперь освободиться от ее "пут", - как бы нам обратно в гуманисты не попасть. А, братан?

Я спросил, а к чему это он?

- Завтра об этом. Давай поспим перед работой.

Рано утром я надел легкую чалму и короткий, до колен, афганский халат. Настоящий афганский халат. Мне показалось, что я уже не раз видел этот халат, но вспоминать было некогда - надлежало вжиться в вокацию. Главное, что халат не стеснял движений, чалма спасала от внезапного удара по темени или в висок, а ранты мягких туфель выполнены из титана.

Я покинул 206-й номер, сделал несколько шагов по пустому ковру до 210-го и негромко, длинно постучался.

Охранник открыл без вопросов: был уверен в себе и не боялся. А я только желал заглянуть ему в глаза. Он презрительно посмотрел на старичка-среднеазиата, вслушался в непонятную восточную речь, выловил из нее имя своего шефа, кивнул неуверенно, миг посомневался: не выставить ли раннего гостя, но гипноз уже заработал. Он отступил, я вошел. Он прикрыл дверь, я срубил его и мягко опустил на коврик. В ванной шумела вода: мылся, конечно, шеф. Я прошел в номер, уложил второго охранника, вернулся в прихожую, хорошо запер дверь, завязал пасти обоим гориллам и связал их претуго, но отдельно, чтоб потом как-нибудь распутали друг дружку. Вода к тому времени перестала шуметь, и я вошел к клиенту. Он лежал в ванне. Кротко бормоча по-афгански, я ударил его в темя, утопил, вытер руки и ушел, совершенно не наследив. Ковер в коридоре был все так же пуст, меня опять никто не увидел.

В 206-м номере я отклеил старческие седины, переоделся, налепил усы, в которых пришел в гостиницу, и Братан поднес мне крепкого чаю с лимоном и медом. Чай был достаточно не горяч, чтобы выпить его в один прием и все же получить удовольствие. Сразу вслед за этим мы со всеми пожитками вышли из номера, но не вместе, а по очереди. И спустились по разным лестницам.

На прощанье Братан сунул мне что-то в карман куртки:

- Это подарок. Блокнот и авторучка. Заглядывать нельзя до полуночи. Обещаешь? Ну и отлично. До вечера.

Вот Тебе убийство в подробностях. Разве интересно? Как говорил герой одной пьесы:

"Профессионально, не более". И ничего "более" - не разрешается. Себе дороже. Работа как работа. Хорошо, что Ты ничего о ней не знала.

На выставку пришло неожиданно много людей. Хотя, почему "неожиданно"? Суббота - день культурного отдыха. Как говаривал один наш идеолог - "досуг свободного времени".

Ты тоже приходила. С мужем и дочкой. Я снимал вас на фоне ваших же портретов, выставленных на лучшем месте.

К вечеру Ты забежала одна, мы вместе читали первые записи в "книге отзывов". Тебе не понравилось, что первая же запись - о вашем семейном портрете, который я назвал - "Любовь". Напомню: Ты сказала, что пристрастность автора слишком бросается в глаза, и сразу видно, к кому именно пристрастен автор, ибо центр композиции, безусловно - Ты. Я ответил, что зрители видят не пристрастие автора, а красоту модели. А Ты - помнишь, что Ты сказала на это? "Закон компенсации, - сказала Ты. - Бодливой корове Бог рог не дает". Ты уверена, что я понял так, как Ты хотела?

И в тот вечер Ты впервые не назначила время. И не сказала, что позвонишь. И не спросила, когда сделаю сегодняшние снимки. И не стала комментировать ни одной записи в "книге отзывов", даже не дочитала до конца.

Я заметил, до какой записи Ты дочитала. Помню наизусть: "Снимки такие разные, а ключ ко всем один - снайперская точность. Нажато не раньше и не позже. Будь здоров, Мастер-победитель". И подпись фотохудожника, которому я в лучшем смысле завидовал. В этом месте Ты хмыкнула и отвернулась. Мне почудилась ревность, и я не поверил.

Ревность, зависть, желание подавлять - и это в любви? Не понимаю и не принимаю. Впрочем, это теория. Всё мне явно померещилось. Ведь правда?

Но расстались мы прохладно.

А самое худшее в этот яркий день случилось около полуночи.

Братан принес коньяк, апельсины и шоколад. Конверт с моим гонораром положил на подоконник.

Была в нем грустная торжественность. Её как бы подтверждала непривычная неразговорчивость, даже какая-то замкнутость. Он молча налил в рюмки коньяк, улыбнулся нежно:

- С выставкой тебя, мастер-победитель.

И пил, мелко пригубляя, и поглядывал на меня, будто ждал вопросов.

Мне было что спросить. Я, например, весь день пытался вспомнить, где еще, кроме Афганистана, мог видеть этот халат, в котором сегодня работал. Да и жидкие старческие седины, как будто, тоже. И я спросил.

- В Афганистане его видел только я, - ответил Братан. - Мне там его подарила одна местная леди. - Он печально покачал головой и медленно договорил: - Но там я его не носил. Только здесь, когда страховал твои вокации. Ты мог замечать его только издали и мельком. Мне удалось ни разу с тобой не столкнуться.

Я сразу вспомнил: так оно и было. Эти вспышки боевого прошлого - далекие и мельком - подбадривали меня каждый раз.

- Обязательно, - согласился Братан. - На это и был расчет.

Я восхитился:

- Ну, ты - психолог!

- Вот именно, - он кивнул. - Высшей квалификации, с красным дипломом. Об этом и хочу с тобой поговорить.

И начал рассказывать.

Он в жизни никого не убил. Даже не ударил. Но знал об этом больше многих, потому что всю жизнь, с детства, изучал убивающих.

Он начал с того, что заглянул в глаза кошке, поймавшей мышку. Ее глаза источали ярость. Мягкий и ласковый зверь ненавидел всех, кто приближался к его добыче. А добычу кошка любила. Когда малыш перестал заглядывать ей в глаза и отошел, она выпустила мышку из зубов, дала ей почти убежать, снова поймала, подбросила, поймала мягкими лапами в воздухе - ну, и так далее, пока не замучила. Но - без всякой злобы. Потом равнодушно и деловито съела голову и переднюю часть туловища. То ли сыта была, то ли брезглива.

Потом он видел в окно, как шесть собак загрызли кошку. Окружили на пустом пространстве, бросались, рыча, по очереди, и ярость их была направлена на добычу. Из-за убитой кошки драться не стали. Одна схватила ее поперек туловища и побежала прочь, остальные молча потрусили следом.

Потом он прочёл рассказ Шукшина. Там волк бежал за санями, а безоружный человек из саней смотрел ему в глаза. "Взгляд волка был прост и прям, в нем не было ненависти, он просто догонял добычу". И когда стая уже обедает лошадь, а человек, подобрав на дороге топор, намеревается помешать, вожак на миг поворачивает к нему окровавленную морду, и становится ясно, что лучше уйти.

Братан задался странной целью - понять чувства убивающего человека. Но не охотника и не скотобойца, а киллера - того, кто отнимает человеческую жизнь. Кем он бывает, когда убивает: кошкой? собакой? волком?

Однокурсники в университете, а потом коллеги на кафедре психологии изумлялись целеустремленности, с которой он разыскивал убийц - по судам, тюрьмам, лагерям и даже притонам. Его всюду хорошо знали узкие специалисты и легко пускали в камеры смертников, на закрытые суды, даже позволяли внедряться в следственные группы. Он был одним из немногих, кто мог подробно описать, как приводятся в исполнение смертные приговоры в разных учреждениях. Его научные труды носили закрытый, узкоспециальный характер и в популярную литературу не попадали.

Никто не удивился, когда он уехал в 40-ю армию, исполняющую так называемый интернациональный долг. На кафедре к этому отнеслись холодно: изучать убийц - еще куда ни шло, дело вкуса, но зачем же экспериментировать на себе? Кто-то прямо намекнул, что научную добросовестность совсем не худо совмещать с научной этикой да и вообще с гуманностью. Но Братан в ответ только усмехнулся и улетел в войска.

Никакие сведения о нём в университет не доходили, и на учёном совете кто-то попытался поднять вопрос о его, так сказать, пребывании в рядах. Закончилось ничем: пока нет человека, нет и проблемы. А он однажды незаметно вернулся, восстановился на кафедре в прежней должности и вскоре сделал доклад, на который пытался попасть весь университет. Ожидали, конечно, жареного: ученый проанализирует научным языком свои чувства при убивании людей. А услышали совсем обратное. Братан развернул перед ними анализ психологии убиваемых, притом подтвержденный личным опытом, ибо его и самого там однажды расстреливали. Более того, доклад был сделан на языке изучаемой страны, с синхронным переводом. Переводчица была в национальной одежде и внешность имела персидскую.

- Ты что же, - я спросил, - в самом деле не убил ни одного "духа"?

- Да вот те крест.

И сообщил, что сейчас расскажет главное.

Из Афганистана он вернулся со столь обширными тайными связями, что получил возможность без ошибки находить те самые ключевые фигуры, которые мне потом предлагалось снимать с доски. Все досье, что я читал, были подлинными, и негодяи, мной убиваемые, - самой высокой пробы.

Не умея, да и не желая убивать своими руками - дабы не нарушать чистоту исследований, - он и исполнителя нашел без особого труда - через доброго друга в военкомате.

Все предварительные операции производились настолько находчиво и тщательно, что никто из пособников Братана даже представить не мог, какому делу помогает. Разговоры напрямую велись только со мной. Великий ученый и тут не ошибся: образованный энтузиаст с надломленной душой, владеющий всеми приемами убийства, готов был казнить и казнить, лишь бы облегчить участь своего истязаемого народа. Магия слова "народ" была, конечно, предварительно на мне испытана.

Именно такой тип убийцы стоял у Братана очередным в списке на изучение.

Сегодняшняя вокация была последним этапом: в день своего художественно-творческого триумфа я блестяще произвел действия, абсолютно контрастные фотоискусству. И могу считать себя свободным. Вместе с гонораром и выходным пособием Братан охотно выдал бы мне и диплом Киллера Высшего Типа, но, увы, такой возможности нет. Да и нужды тоже, верно?

- И никакого "Ветеран-Сервиса"? - столь глупый вопрос мог задать только человек, не владеющий собой от потрясения. Братан молча кивнул и разлил остатки коньяка по рюмкам.

- Жа-а-аль, - протянул я, до самых глубин разочарованный. И взял рюмку.

- Мне тоже, - Братан поднял свою. - Выпьем, не чокаясь: помянем несуществующую организацию. Да и простимся.

Закусывать последнюю Братан не стал, а выдохнул и улыбнулся - с удивительной радостью, почти рассмеялся - и сразу заговорил.

- Ты в мой подарок не заглядывал?

- Н-нет, - я только теперь вспомнил о блокнотике, который он сунул утром в мой карман.

- Отлично! Спасибо, братан. Осталось одно уточнение. - Он перестал улыбаться. - Утренняя сегодняшняя вокация - только часть последнего этапа твоей работы в "В-С". Последнее задание получишь сейчас, а когда выполнишь, - можешь обо мне забыть.

Я не ожидал, что смогу удивиться больше, чем уже успел, но это произошло, я даже содрогнулся. Братан заметил мое состояние и заговорил быстрее.

- Задание простое, легкое, приятное и потому бесплатное. Сработай на общественных началах, ладно?

Он замолчал, ожидая ответа. Я не отвечал. Я был как статуя.

- Убрать надо меня, - сказал он наконец. - Оснований достаточно, оба знаем. Время и способ выбери сам. Но тянуть не стоит. Я - опасен. Я - носитель Первичного Зла.

Мы одновременно встали. Он протянул руку, и я её пожал.

Он сказал:

- Спасибо, братан. Я к тебе привязался. Не поминай лихом. Вот тебе анекдот на дорожку: "А лейтенант-то был не виноват..." Жаль, что это не обо мне... Ну, прощай.

- Прощай.

Он повернулся ко мне спиной и на миг замер. В этот миг я шагнул вперед, ударил и подхватил сразу осевшее тело.

Я уложил его на топчан и посидел рядом.

Не знаю, было ли мне его жалко. Просто не помню. Я думал о другом. Чудо: я вдруг услышал те слова, которые Тебе еще предстояло произнести - о том, что я Тебе уже не интересен. Я потерял Братана и уже знал, что потеряю Тебя. Больше у меня не было никого. И никто не был мне больше нужен. Я жалел, что не убил Твоего мужа. Я жалел, что убил Братана. Но всё это были эгоистические чувства, личные потери. Я попал в плен такого одиночества, какого не знал даже в мусульманском плену. Там со мной была далекая Родина, мама, товарищи по беде. Теперь не было ничего на миллиарды световых лет во все стороны.

Я вспомнил вдруг, что Твой муж, студент того же факультета, который окончил Братан, как-то интуитивно вычислил меня. В его ревнивой головёнке время и география моих официальных отлучек наложились на время и географию газетных и прочих сообщений об убийствах. Я при очередной встрече увидел страшок в его глазёнках, а вскоре Ты с хохотом выложила передо мной его опасения: "Смотри-ка, один кролик другого удавом считает!" Я не спорил и тоже посмеялся. И спросил, а стоит ли Тебе менять кролика на кролика. Ты серьезно ответила: "Во-первых, у тебя... лапы крепче, а во-вторых, - разве я говорила, что меняю?"

Даже в тот момент я не испытал к Тебе злости.

И через два дня, когда я нашел Тебя и услышал - наяву - те самые слова, злости не было и в помине. Было только тяжкое подтверждение одиночества. Как добивающий удар.

Будильник звякнул полночь.

Я вспомнил о подаренном блокнотике, достал его и полистал. Золотым пером прилагаемой авторучки там была сделана единственная запись: "Братан, спасибо. Именно такой смерти я и хотел. Жду тебя там". Он всё предусмотрел, великий психолог. Даже то, что в потрясении не предложу ему создать "В-С" в натуре.

Я долго смотрел на бездыханного Братана и думал о Тебе и о своей никчёмности в этом мире. Другого мира я не представлял, а в этом было уже совсем нечего делать. Я думал о Боге, который поощряет месть и прощает убийства, если они вершатся Его именем и во имя Его. Такие вокации красиво именуются "Божьим пощущением". Только отчего-то самоубийство Ему не нравится: как посягательство на Его права. А что же делать, если меня, например, убрать некому? Идти сдаваться властям? Мучительно доказывать собственную виновность, писать бумаги и долго-долго ждать приговора? А они возьмут и не казнят, а впаяют пятнадцать лет... Нет уж, дудки. Авось Боженька поймёт такого самоубийцу и простит. Прости и Ты. Я любил Тебя.

Кстати, знаешь ли, что у алжирского бея под самым носом? Маленький шрамик после косметической операции. А народ безмолвствует.

Конец" .

Иван вошел в свой кабинет как раз, когда я дочитывал последнюю страницу. Сел за стол напротив меня и уставился, откровенно интересуясь впечатлением. А я не очень спешил дочитывать и размышлял над его мотивами. Ведь само по себе редкость, чтобы Ванька вызвал меня к себе на "психу". Оба молча признаём, что моё присутствие вызывает у него тоску, а причина тоски - моя жена, из-за которой он никогда не женится... То есть, раз он меня вызвал, значит причина - из ряда вон. Но передо мною - обыкновенная тетрадь с заурядным шизофреническим бредом. Как связать ЭТО с моей профессией, с нашей дружбой или хотя бы с нашими общими знакомыми? Ничего не придумав, я счёл неприличным затягивать чтение до бесконечности и спросил наобум:

- Что, доктор, нужна консультация криминалиста?

Иван молча качал головой, и я упростил разговор:

- Он что же, в самом деле столько наубивал, что свихнулся?

- Не думаю, - отозвался наконец Иван. - А впрочем, не знаю. Его сюда привезли из травмпункта. История такая. С поста ГАИ, что за рекой, видели, как он спрыгнул с коммунального моста. В самом высоком месте.

- Там сорок восемь метров, - уточнил я.

- Вот именно. Он целился упасть на палубу буксира, но, пока летел, буксир прошёл. Выловили его без памяти, причалили, сдали гаишникам, те вызвали "скорую", а в травмпункте он пришёл в себя и сразу разбил стекло - хотел осколком зарезаться.

- Кто же он?

- Неизвестно. Был без документов, а сам ничего не помнит. Или симулирует. Предъявляли милиции. В их картотеке похожего нет.

- По редакциям газет не звонили?

- Звонили. Никто там не пропадал. Таких фотографов не знают. Персональных выставок в городе нет уже лет двадцать. Да и вообще... Это не первое его сочинение. Он у меня уже полгода. Поживёт-поживёт тихо и - начинает просить бумагу. Не дашь - будет буря, поэтому даю. И начинаю следить, чтобы не прозевать конец трудов. Это самое главное. Никогда не знаешь, какое письмо он Ей пишет: в виде рассказа, повести или романа. И пишет неровно: то очень быстро, подряд, а то - с перерывами в несколько дней. Он, Женя, побывал уже на корабле пришельцев, внедрялся в мафию, участвовал в экологической войне, его проигрывали в нарды, брали заложником... А сюжет всегда один: "Ты всего этого не знала, а теперь - прощай". Синдром неразделённой любви.

- О Ней, конечно, молчит?

- Разумеется. Это - святое.

- А вообще как держится?

- Могу ответить его словами: "Как статуя".

- Сам на разговоры не напрашивается?

- Никогда. И соглашается неохотно. И участвует пассивно. Полный аутизм. Сосредоточенность, задумчивость, никакой агрессивности. Терпит окружающий мир и самого себя, пока не изольёт на бумагу очередную версию своей жизни. Сразу после этого - финишный рывок. На тот свет.

- Попыток его посетить или чего-то подобного не было?

- Абсолютно.

- А с его стороны? - Я спрашивал и чувствовал, что чего-то подобного Иван от меня и ждал.

- Никакой активности. Знаешь, он мне напоминает - прости за цинизм - мыльный пузырь. Дуется, хочет лопнуть, а мы в надувной трубочке сбоку прокалываем дырочку - и спасаем. Он дырочку заделает - и снова дуется.

- Что же его надувает?

- Опять прости за цинизм. Любовь... - Иван смотрел в стол. - И ведь ты сам прочёл: женщина - не ангел, и он оценивает её - вот что странно! - вполне трезво! А вот не может осилить чувство: сам себе в этом признаётся и старается погибнуть.

Помолчали, потом я спросил:

- Как ты оцениваешь его поведение? Или состояние?

- А знаешь, - Иван всё смотрел в стол, - будь моя воля, я бы его отпустил... Если бы на нас с тобой, - он поднял глаза, - обрушилась бы такая любовь, разве мы вели бы себя иначе? Да и не мы одни...

- Я - иначе.

- Ну, ладно, - Иван усмехнулся грустно, - вы все - железные феликсы. А я со стыдом признаюсь в очередном цинизме: я бы, как этот... фотокиллер, поборолся бы, сколько сил, и - на стол.

- На какой стол?

- А-а-а, да...- Иван усмехнулся опять. - К патологоанатому, конечно, в морг.

Я пожал плечами.

- Слушай, Ванька, а если без дураков - так ли это неизлечимо?

Он даже захохотал в ответ, как-то коротко и мрачно.

- ЭТО - любовь-то? Да ты шутишь... Не-е-ет, друг Женька, тут без дураков ничего не получается.

Тут - только с дураками...

И всё сжимал в руке, пытаюсь сломать, обойму от подшипника.

Собственно, вот и весь разговор. Показал странное сочинение неизлечимого больного, сделал свои угрюмые объяснения - и - простились. Правда, попили чайку, поболтали о друзьях, и вышло, будто он ПРОСТО ТАК меня приглашал, повидаться. Но слишком всё у нас было непросто, чтобы просто так...

Да и вообще - нет ничего сложнее простоты.

Он задал задачу, мне пришлось задуматься.

Во-первых, разумеется, он сам. Чего хотел? Продемонстрировать глубину своих чувств к моей жене? Слишком грубо и даже невероятно для такого интеллигента. И бессмысленно: меня-то самого упрекнуть не в чем. Мы о любви не рассуждаем, мы её осуществляем. Даже, скажем так, живём ею. Впрочем, нет, так лучше не говорить. Слишком громко.

"Не говорите так громко, я вас не слышу". Чьё?

Дальше. Иван не в курсе моих фашистологических связей, но знает в этом направлении немало, и о "группе 30", и о "виннипухах"... В этом смысле над выдуманным "Ветеран-Сервисом" стоит порассуждать: а вдруг этот дым - не без огня...

Дальше. Показывать мне странного пациента Иван не стал. Пациент накачан препаратами и неконтактен. Можно будет попробовать через пару недель, но без малейшей гарантии: аутизм растёт.

Ладно. Поскольку тетрадь была у меня, я целый день посвятил анализу текста. Жалел, что

нельзя использовать ЭВМАП: Марина могла принять "Ветеран-Сервис" слишком серьёзно, особенно после дотошного машинного разбирательства. Но я и не исключал его совсем: может быть, как раз благодаря авторитету ЭВМАПа можно было бы окончательно признать эту писанину бредом.

Итак, был день анализа, нервная ночь без сна, потом несколько часов хорошего забытья - мой обычный аналитический цикл, и вот что сложилось.

Что бы человек ни говорил, он говорит о себе. Стало быть, и фотография, и мусульманская игра в нарды, и университетское образование, и нефтяной север, и Дом Учёных, и множество других деталек - это и биография героя, и его география. Стало быть, поиски не безнадежны. Однако искать-то кого? Герой событий - у меня в руках, но он невменяем, а главное - он НИКОГО НЕ УБИВАЛ. Это странно звучит: признавшийся письменно киллер никого не убивал. И доказать мне это нечем. Но если эти убийства, которые он берёт на себя, на самом деле совершены, то совершил их не он. Я это ЧУЮ, вот и все мои доказательства.

А убийства, наглухо нераскрытые, в моей памяти хранятся. И многие из них - по характеру исполнения - укладываются в гипнотический вариант, как патроны в обойму. А если вспомнить характер деятельности убиенных, то и в идеологию "В-С" - тоже. Только кто же убивал?

Уж не Она ли?

Я ещё раз перечитал тетрадь, уже точно зная, чего ищу. И совпало: фактов нет, но все чувства - за то, что этот самоубийца обвиняет. Не умея сравняться с Ней в доблести, он идёт на прямое присвоение. Он не любовник, он муж этой женщины. Он вычислил любовника и вычислил Братана. Возможно даже, это одно лицо. Сдать её он не может и не хочет, конечно. Он и рад бы стать рядом с ней, этаким Клайдом или Бондом, да кишка тонка. На этом и помешался. Интель несчастный.

Открытие развеселило меня на миг. Но не более. Мало радости - признать, что "Ветеран-Сервис" существует и вполне успешно прячет концы.

Две недели я искал следы фотографов, психологов, воинов-интернационалистов, даже красавиц с беспощадными глазами... Пусто.

А когда позвонил Ивану, стало совсем никак.

- Прости меня за цинизм, - раздалось из трубки, - но Бог услышал его молитвы.

Я спросил:

- Самоубийство?

- Да нет, просто инфаркт. - Иван говорил, как всегда, нейтральным тоном. - Правда, можно сказать, с заметной причиной. Хотя заметность этой причины сомнительна...

Я закричал:

- Да говори же! Когда? Как?

- Позавчера. Настолько романтически, что я до сих пор сомневался, звонить ли тебе... Женский голос по телефону... Завораживающий какой-то: "Нельзя ли поговорить с вашим, Иван Юрьевич, больным, который всё пытается покончить с собой?" Веришь, Женя, такой голос, что мне, цинику, захотелось немедленно вскочить и броситься за ним! Я, конечно, посопровтивлялся: "А вы ему кто? Приезжайте сюда". "Приеду. Только надо же его подготовить!" И смех. Такой смех, что я закричал: "Сейчас!" и побежал звать. Он взял трубку вполне безразлично: "Я вас слушаю". Охнул и упал.

- Это всё?

- Всё.

- Но он слышал Её голос?

- Да, конечно. Трубку держал неплотно, я тоже слышал, да слов не разобрал.

- А самому тебе дурно не стало?

Он неожиданно разозлился.

- А тебе, Женя, не стало бы дурно, если бы у тебя на глазах от радости умер человек?!

Я сказал как можно спокойнее:

- Вань, ты погоди. Насчёт любви я понял. А насчёт гипноза ты не думал?

Он попытался справиться с собой, но получилось не вполне.

- Какой к чертям гипноз по телефону?! Губную помаду заряжать... Думал, конечно. Да что толку...

- То есть. Она не приехала?

- Нет, не приехала. Зарыли его сегодня.

На его конце провода что-то со звоном сломалось. Я спросил:

- Ты что там крушишь?

- Да так... Колечко лопнуло.

Эти обоймы от подшипников он редко ломал. Я спросил:

- Может, мне приехать?

- Да что толку...

- Ну, ты хоть вспомни: тебе подурнело, когда он упал или чуть раньше, от Её голоса?

- Прости, Женя, не могу ответить. Не уловил. Слишком было всё... слитно.

На том и простились. Теперь я не сомневался: Иван хотел моей помощи, поэтому и показал тетрадь. Он соображал - наверно, из-за лишней силы - несколько медленнее меня. Но и я оказался не на высоте. А теперь мы и вовсе равны. Перед пустотой. Что из неё черпнёшь? Только убаюкивающий вывод, что результатом следствия останется всего лишь неизлечимая болезнь - Любовь.

Бедный мой дружок всё напоминал о своём цинизме, а настоящим циником оказался всё же я. "Живущий любовью" и тому подобное. Иван окончательно поверил, что человек помер от любви, а я - не поверил ничему. Разбросал все факты по разным полкам и решил пока чем-нибудь отвлечься. Это хороший приём. Когда мучительную мысль отправляешь, как в следственный изолятор, в подсознание, она там помечется в одиночке да и начнёт поддаваться.

Второй звонок.

В стрессовые моменты я частенько видел себя как бы со стороны. Душа с телом от страха, скажем, расстается заранее и наблюдает, скажем, за дракой, а потом с удивлением возвращается в уцелевшее... И каждый раз такой момент чувствуешь заранее, как очередное действие в театре: первый звонок, второй...

Пока сосланная мысль варилась в подсознании, лучше всего было заняться чем-нибудь посторонним: тогда второй звонок прозвучал бы легче и скорее. А я его уже чуял, уже сгущалось что-то вокруг. Поле опасности, поле добычи, поле откровения - не знаю, есть ли у ЭТОГО единое название. Тут надо вполне расслабиться и послушно следовать ВЕДЕНИЮ: идти туда, куда ВЕДЁТ, и делать то, не знаю что.

В общем, когда пригласили на совещание в УВД, я сразу почувствовал, что это ВЕДЕНИЕ, и пошёл.

Государственный уголовный розыск совещался, а своему бывшему сотруднику Малюхину просто предоставили стульчик в зале: "Почётным участником, Евгений Владимирович". То есть, с намёком на популярный тогда анекдот про чукчу: "По чётным будешь академиком, а по нечётным - оленей пасти". И на том спасибо.

Посидел смирно, послушал, как эти неукротимые намерены "усиливать дальнейшую борьбу" с непобедимыми, потом возмутился и попросил слова. Дали, хотя и не без поёживания.

- С тех пор, - говорю, - как я покинул эти стены и ряды, снаружи кое-что переменялось. Не находите?

И понёс их в том смысле, что все подобные строевые совещания давно себя издержали, что надо смелее выходить из рядов (едва устоял, чтобы не сказать: "Из ряда вон"), потому что надо совершенствоваться быстрее преступников - ну и тому подобное. В частности, выразил предметное недоумение по тому поводу, что в героических планах угрозыска по-прежнему отсутствует взаимодействие с многообразной системой частного сыска, к которому имею теперь честь принадлежать лично и много в нём вижу возможностей... Ну и так далее. Без обид и раздражения, без назидательности, вполне дружелюбно. Мне в ответном слове кто-то с тем же дружелюбием возразил, что услуги частного сыска надо оплачивать по договорному тарифу, а в расходной статье такого пункта нет. Ему возразили, что при творческом подходе иную статью можно приспособить. А тому возразили, что мол, стоят ли того эти специалисты: сами, мол, из нас. А в ответ напомнили, что на такую работу уходят лучшие, лодырь или бездарь в частном сыске с голоду помрёт. Да-да, ответили им, уходят и обнажают ряды. Не обнажают, а открывают новый фронт... Из рамок дружелюбия дискуссия ушла в рамки доброжелательной критики и самокритики, потом - за рамки, появился накал... Трудно принимать конкурента в товарищи по оружию, особенно если он таковым уже был и теперь ценит себя выше, а тебя, стало быть, нахально недооценивает... В общем, привычная рутина, от которой я когда-то и сбежал. Но это не трогало, не в этом был интерес.

Пока выступал, я разглядел в заднем ряду глаза, которые меня откровенно ели. И когда сел к ним спиной, всё время чувствовал, как покусывают. Я не оглядывался, но из памяти выставить уже не мог: такие синие, что видно через весь зал, да ещё на очень правильном лице, да в замысловатой рамке смоляных кудрей, да стройная фигура, судя по шее и плечам... Так, в общем, хороша, что пришлось даже вспомнить Алю и сравнить, как в одной тогдашней песенке: "Ты красива, но я - тоже; молода, но я - моложе..." Не надо нам чужих красоток, даже из уголовного розыска. Просто отмечаем, что хороша, вот и всё.

Но оказалось, что она не из уголовного розыска. Едва закончилось заседание (как я и ожидал, простым усилением потёртости на брюках), она впилась в меня взглядом и - чуть не сказал: подтащила к себе. Нет, подошла сама, но подтаскивание - ощущалось. Выразила удивление: почему столь простые и блестящие идеи до сих пор не отражены в областной газете, которую она счастлива здесь представлять. Я сказал, что эти свежие идеи сто лет валяются у всех под ногами, просто

поднять некому. Вернее, есть и кому, да не поднимают.

- Вот и давайте поднимем!

- В газете? На смех преступному миру?

- Не надо недооценивать общественное мнение. Жёны ваших оппонентов, друзья, соседи, легионы пострадавших...

- Их жёны - не вмешиваются, приучены. Их друзья и соседи - это они сами. А пострадавшие - ни на что не влияют.

- Боже, как сурово! Судите по своей жене?

Это походило на разведку боем, и я не позволил. Пропустил вопрос мимо и сообщил, что для прессы заявлений не имею.

- Да вы просто отдайте мне ваше выступление... И протянула руку: вот сейчас агент Малюхин выхватит из кармана как минимум тезисы, а ещё лучше - целый доклад.

- Извините, нету. Я такого никогда не пишу.

Но она не опустила руку. Развернула ладонь для рукопожатия и встряхнула, приглашая осуществить.

- Евгений Владимирович! Меня зовут Лена.

- Просто Лена?

- Елена Кешева, старший корреспондент. Отчество у нас не принято - молоды ишшо.

И легонько, симпатично засмеялась. Я почему-то вспомнил Ивана и спросил:

- Над кем же вы - "старший"?

- Над собой, естественно!

И засмеялась покрепче. Вот это был смех! Не колокольчик из классики и даже не музыка сфер. Это был - Глас.

Я вполне осознаю всегда, что со мной происходит. Теперь происходило завораживание. Необыкновенное по силе, я не встречал такого.

Осознание ситуации означает контроль над нею. Точнее - возможность контроля. Потому что существует ещё желание - или не-желание - контролировать. Это можно именовать - в простоте - силой или слабостью.

Ещё не до конца осознавая, зачем поддаюсь, я всем своим подсознанием чувал, что начинается - ВХОД. Это не объяснишь. Это надо почувствовать - один раз, чтобы потом уметь всю жизнь. Как скалолаз перед отвесной стеной: подвигался, потрогал пальцами, нащупал незаметное углубление, зацепился - и полез, всё выше. Вход. Восхождение.

Я не выпускал её ладонь, она не отнимала. Телесный контакт нужен был ей для полного обвораживания. Мы оба это понимали и улыбались глазами, аж искры летели.

- У вас ведь с собой диктофон, - сказал я дежурно.

- Запретили записывать, - был ответ, тоже дежурный, для ВХОДА.

После этого оставалось только договориться о встрече, чтобы попытаться восстановить моё блистательное выступление.

Мы встретились на следующий день в редакции, и - диктофон у неё отказал. И я опять чувал серой своей подкоркой, что всё происходящее - входит в какую-то программу, моему пониманию пока недоступную, но нас обоих включающую. Этакий спектакль-экспромт, крупинка жизненной соли. Программа ВЕЛА нас к третьему исполнителю, и там тоже была одна из главных ролей.

Второй звонок слышался отчётливо. Но рампу ещё не включили.

В крохотной комнатке машбюро тесно уместались два однотумбовых столика с пишущими машинками и ветхий двухдверный платяной шкаф. Шторы высокого окна были раскинута, обширный подоконник играл роль стола для чайных церемоний - это было видно по коричневым характерным следам.

- Зина Пантелеевна, знакомьтесь. Это знаменитый (Я добавил: "В очень узких кругах") сыщик Евгений Малюхин.

Махонькая крашеная блондинка, лет двести уже не выходящая из неопределённого возраста, работала в машбюро одна. В ответ на наше появление она оттолкнулась короткими ножками от ящика под столом, развернулась на вертящемся стуле, спрыгнула с него и протянула мне маленькую крепкую ладонь - я тут же вспомнил, что за смену машинистка выполняет работу молотобойца.

- Можно называть вас просто Женей?

Я кивнул.

Она схватила электрочайник.

- Сейчас принесу воды и буду вас поить нашим фирменным чаем. С пряниками. И с сахаром.

Ленка, доставай!

Тут на стене ожила решётчатая коробочка и скрежетнула мужским голосом:

- Зина Пантелеевна, зайдите, пожалуйста.

- О, к редактору! На палас! - Она в тихой служебной панике метнулась к коробочке, надавила

кнопочку, отозвалась: - Уже бегу! - Пообещала лично мне: - Один секунд! - И ушла с чайником.

- Она у нас и секретарша, - сказала Лена и нырнула в шкаф. - И ещё заведует библиотекой.

- И стенографирует?

- Сейчас увидите. Готовьтесь. Вдохновляйтесь.

Она достала из шкафа банку с сахаром, мешочек с пряниками, чашки на всех и одну ложечку.

Разместила всё на подоконнике, на чистых листах бумаги, которые взяла из стопки у машинки.

Я спросил, не жалко ли вот так переводить чистую бумагу. Лена засмеялась.

- Это в других организациях подстилают газету. А мы газету - производим. И жалеем. Потому что типографская краска отравляет еду.

Удивляюсь, что запомнил и все эти слова, и столько мелочей. Тогда казалось, что слышу только её смех. И голос. Редкой глубины голос. Проникающий.

Потом вернулась Зина Пантелеевна с несрочной бумажкой, мы стали греть чай и вдохновлялись. Потом пили этот чай, и не было в нём никакой фирменности. Потом я пытался диктовать, и получилась казённая ерунда, вся из газетных штампов: "в условиях современных тенденций складывается ситуация, когда нельзя не заметить..."

Зина Пантелеевна долго этого не выдержала, положила без раздражения своё скорое перо и констатировала:

- Вот, Ленка, ещё один.

Лена объяснила, что я - очередной "типичный представитель": большинство людей, вполне замечательно выступающих экспромтом, теряются перед чистым листом, если на нём не пряники. Они с Зиной Пантелеевной придумали для таких, как я, облегчение: не заставлять писать, а записывать устное выступление, будто перед той же аудиторией. Но зря: всё прекрасное неповторимо.

Я успокоил: всё равно они мудрецы. Зина Пантелеевна поправила: "Мудрицы". Лена возразила: "Нет, Зина Пантелевна, эту историческую несправедливость ТОЖЕ не исправить: слово "мудрец" не имеет женского рода". Та заспорила: "Раз мудрицы бывают, то и слово должно быть!" И так далее, очень симпатично.

Рассказываю и наблюдаю за собой. Как будто еду по прямой дороге, на которой суть дела, и всё время сносит меня на обочину - в мелочи: пряники на подоконнике, "мудрицы"... Дорога, что ли, скользкая?

Это старость. Она отнимает у человека остроту глаз, чтобы усилить зоркость памяти. Она отшелушивает ежедневную суету и учит видеть значительность ушедших мелочей, а мелочи сегодняшние легко сортировать на значительные и пустые. Старость приобщает к вечности, это неоспоримо. А насчёт мудрости - как повезёт.

Однако продолжим. Если удастся, то со скидкой на старость, а нет - так и не надо нам скидок.

Лена выписала из своего блокнота несколько фраз и вручила бумажку мне:

- Вот тезисы того спора на вашем совещании. Мнения ваших оппонентов. Попробуйте поспорить с ними сейчас.

Я почитал, поприкинул свои возражения и сделал вывод, что весь мой запал остался ТАМ, к тому же теперь все слова кажутся неубедительными - в общем, сегодня ничего не выйдет.

- Точно, Ленка, он выдохся, - Зина Пантелеевна налила мне чаю покрепче - очень правильный способ выражения жалости к мужчине - и важно высказалась: - Женя, я вас понимаю. Там у вас был заряд рабочий, а Леночка вызывает у мужчин совсем другое красноречие. Я тебе, Елена, говорила: журналистка не должна быть слишком красивой.

Лена ответила, что, во-первых, красота, как любовь, не бывает "слишком", а во-вторых, мы с ней докажем завтра же, что никакая внешность - делу не помеха. Правда, Женя?

Так легко перешла от имени-отчества просто к Жене, что, кажется, и сама не заметила. Не стал замечать и я: Женя так Женя.

Договорились, что завтра до обеда позвоню ей, и расстались.

До вечера я в тот день был изрядно занят и вовсе не думал о газетной неудаче: нечего думать о том, что не твоё. Однако перед сном, в том пограничном состоянии, когда можно увидеть Периодическую систему, в качестве главного события всплыло это новое редакционное знакомство. И вот что интересно. Во-первых, явилась не одна красавица-журналистка, а странная парочка: Елена и Зина Пантелеевна. Тем была она странна, что ничего внешне общего меж ними как-то не ожидалось. В Елене мерещилось теперь что-то от Той, Которая погубила беднягу фотокиллера, а в старушке-машинистке самым ярким местом была перекись водорода на голове. И тем не менее, воспринимались они моим мозгом только в паре. Это следовало отметить. И я отметил, чтобы в дальнейшем отнаблюдать. Во-вторых, интересным оказалось моё собственное с ними поведение. С неожиданным стыдом я убедился, что вполне мог - при желании - выступить перед ними с

необходимой для стенографирования речью, ничуть не хуже, чем в уголовке. Однако саботировал задачу, ибо неосознанно чувствовал, что интервью - ширма, повод для чего-то другого. А раз так, пусть будет как в боксе: ты наноси удар первым и откройся, а я тебя на этом словлю. На завтрашнюю встречу приду с готовностью: ещё слово - и я пойму вас. Но если "ещё", значит, первое слово уже сказано? Какое?

Хорошо, что Аля уже крепко спала и не почувствовала, как я напрягся. Вспомнил это слово! Елена сказала: "Эту историческую несправедливость ТОЖЕ не исправить". С этой старой крашеной Зиной Пантелеевной ее связывает, общее представление о некоей другой несправедливости, которую они обе считают неисправимой. Отсюда и надо искать. Разговор завтра буду строить так...

На этом заснул. Утро вечера мудренее, особенно при слабой голове.

Я позвонил ей пораньше. Она была у телефона, будто ждала. Встречу назначила "прямо сейчас" и, как я ожидал, в безлюдном месте - в дальнем углу Лагерного Сада, на краю обрыва. Всё получалось само собой, ничего не требовалось "строить".

Лагерный Сад в это время пуст. Из-за Томи тянет слабый ветерок, на перекате успокаивает себя рыбалкой какой-нибудь псих, лесные дали сини, выси небесные голубы, солнышко завершает мировую гармонию.

Чтобы эту гармонию не нарушать, погуляли молча. Потом она сказала, что ноги не держат, и предложила посидеть. Посидели молча, полюбовались с высоты синими далями. Она всё молчала, а я не мешал: нанеси свой удар и откройся.

Молчать было нетрудно. От неё, точно как от моей Али, исходило уютное тепло. Это располагало к доверию, и я готовился с ним бороться, чтобы не сказать лишнее и не угодить куда-то, о чём не имею ничего, кроме подозрений. Но готовился пассивно: просто грелся рядом с симпатичным человеком и мыслил рассеянно, то есть попросту ни о чём, как перед рукопашной. В одном только старался быть наготове - не пропустить начало гипноза. Как-то я уже не сомневался, что есть у неё эта сила... А в целом состояние было такое, будто Аля сидит рядом: её поза, её тихое дыхание, взгляд, молчание. Только с покойной Ольгой было так. Если бы закрыть глаза, Аля с Ольгой объединились бы в этой дамочке, но как раз этого делать и не следовало: увидит, что ничего не вижу, и включит свою силу... В общем, тревожное расслабление в обволакивающем уюте. Даже страшновато вспоминать. Меня так и тянуло положить ей руку на плечи. И было ощущение, что мне не станут в этом противиться. И в ответ на это я решил, что начинается гипноз, и сделал проигрышный ход - заговорил первым.

- Может, поораторствовать ещё раз, вдруг получится? Диктофон у тебя в сумке?

В ответ она взглянула коротко, будто украдкой, прямо в глаза и медленно покачала головой.

- Ну, вот мы и на "ты". Что и требовалось доказать.

У меня мелькнуло: "Ха, простое охмурение!" Но она продолжала:

- Ладно, всё! Не будет никакого диктофона и вообще никакой журналистики. Это останется только для посторонних. Я тебя за другим искала.

И замолчала, чтобы осмыслил и задал вопрос. Я задал.

- Искала? Значит, на совещание пришла...

- Да, к тебе... Хочу предложить кое-что.

И смотрела в упор. Одни глаза. И в них - презренной прозой говоря - вся Вселенная, вместе с жизнью и смертью. С чего мне такое разгляделось? Хорошо помню, что подумал: "Ни черта себе!" Потому что - ПОНЯЛ.

Вот тоже странность: бывает - поймёшь, а объяснить, что именно ты понял, сможешь только когда-нибудь потом. В глаза ей глядя, я понял сразу всё, но настолько сразу и настолько всё, что огромный этот образ не уместился в воображении. Ну, скажем, как наткнуться лицом на целую планету: слов нет, одни междометия, и нос расквашен.

Я тарацился на эту планету молча.

Она дождалась, когда моё ошеломление чуть погаснет, и продолжала:

- Наша организация не называется "Ветеран-Сервис". У неё совсем нет названия. Нам атрибутика не нужна. Не до обрядов...

Говорила и внимательно наблюдала за впечатлением. Увидев, что на "Ветеран-Сервисе" мои глаза сами собой дрогнули, добродушно усмехнулась.

- Милый Женя... Нас действительно много, но то, что ты прочёл в тетрадке, почти не имеет к нам отношения. Фантастика на реальной почве. ЕМУ очень хотелось освободиться. Или быть одним из нас. Но оказалось - не дано. Слабость головы...

Почти моими словами выражалась! Я спросил:

- Ты его убила?

Она всмотрелась в мои глаза - долго и внимательно - и заговорила - совсем о другом, как мне казалось.

- Все дела человека - это его крест. Каковы бы ни были они - деяния, делишки, проделки - всё равно в конце пути распнут тебя на них, высматривая эгоизм твой, своекорыстие... И обязательно найдут! Ибо сами судьи таковы, какво судят... Чем защититься тому, кто это понимает? Нравственной силой! Ничем другим не вооружён. Но и она тает, как во рту леденец. И остаётся что? Горькая начинка - цинизм. Загнанный в угол перестает защищаться. Из угла один выход - вперёд! И горе тем, кто встанет на пути. Отнятая надежда - это сорванный тормоз, это спущенный курок - лопнувшее терпение. Не всё ль тогда равно, за что распяты быть?!

Эти почти стихи помню почти дословно. И причина есть. Она замолчала, продолжая смотреть в упор. Я чувствовал, что вместе со словами она хотела прорваться в меня и взорваться внутри и разрушить или перестроить, и могла бы, но у самого входа - не решилась. Впрочем, допускаю, что не смогла, потому что я сопротивлялся, а это я тогда уже умел.

Опять помолчали: я - ожидающе и вопросительно, она - беспокойно дыша. И я повторил вопрос:

- Ты убила его?

Она смотрела молча. Я ещё подождал и вдруг понял, что ответа не будет. Как не было монолога о жизни, который я так хорошо запомнил. Потому что НЕ БЫЛО ВОПРОСА. Не знаю, как это получилось, но оба раза я только ХОТЕЛ его задать.

Первой заговорила она.

- От имени организации приглашаю тебя сотрудничать.

- Убивать? - Нет, и этого слова я не произнёс. Только подумал. И уже был почти уверен, что она каким-то способом направляет мои мысли. Сопротивляться ПРИ НЕЙ было почти невозможно. Сразу стало интересно, смогу ли БЕЗ НЕЕ? Вот расстанемся, буду идти домой и отказываться от всего, с чем сейчас соглашусь и чего наобещаю... Что ж, сыщик, вот и задача: не поддаваться гипнозу - или что там она пустила в ход - и ничего не обещать. Вместо этого бормотать любимую формулу Ивана: "Подумать надо".

- Ах, Женя! - Она будто слышала мои панические мысли. - Никаких обещаний требовать не буду. Предложу прочесть кое-что, а там - решай сам.

- Сначала вопрос! - Я начал борьбу. Но она опередила мгновенно: - Откуда я знаю о твоих исследованиях?..

- Да! - Я тоже перебил. - Об этом самоубийце из психушки, о его сочинении, о его...

- Смерти?

- Гибели.

Она всё же выиграла инициативу: отвечал я, она - спрашивала. Но я не сдавался. Глядел в упор и молча ждал ответа. Не о смерти, а о гибели этого бедняги... Ох, до чего же синие у неё были глаза. А ресницы - пушистые. А за зрачками - такой Космос...

- Женя! Мы здесь только вдвоём, разговор - без недомолвок. Условием полной откровенности может быть только полное сотрудничество. Доверие - полное и только на слово. Иначе - тайна нерушимая. Не донырнёшь, уверяю.

- Вступить в банду убийц? - Я всё же произнёс это вслух. Она не отвела взгляда. Она медленно заговорила.

- Ты думаешь, что Братан - это я. И Она - тоже я. А покойник, которого ты именуешь фотокиллером, был моим мужем. И над твоим горизонтом занимается заря славы... Шерлока Холмса...

В последнем предположении она ошибалась - такого рода честолюбием я никогда не страдал. Но в целом - пришлось кивнуть. Она продолжала:

- Но ты не задаёшь главный вопрос: почему тебя - именно тебя - преступники зовут в свою банду? Ведь ты - противник судьи Линча?

Что оставалось мне? Только кивать. Отдал инициативу и теперь оставалось ждать момента, чтобы избавиться от прекрасной разбойницы и наедине с собой понять самого себя.

- Я отвечаю, Женя, на твои вопросы. Но не сама, а с твоей же помощью. - Полезла во внутренний карман куртки. - И с помощью вот этого оглавления.

- Оглавления?! - Если б было время, я бы понял, но размышлять некогда... - Какого?

- Оглавления твоей жизни.

Я развернул сложенный вчетверо листок. Там и в самом деле столбиком расположились несколько коротких строк. От каждой из них моё сердце вздрагивало.

Видимо, я слишком долго читал. Рука Елены протянулась из бесконечности, как избавление, и накрыла мою жизнь.

- Вернись. Вот сейчас уйду - тогда уж...

Ни о чём больше спрашивать я не стал. Пока прятал листок, она встала и изрекла за меня Иванову формулу:

- Тебе надо подумать... Позвонишь?

Я кивнул. Взглядом простилась и ушла. Ну и ну. А я даже встать не мог, потому что проклятый этот листок придавил меня к скамейке. Я смотрел в спину убийце - не было сомнения, что она -

убийца - и думал, помнится, с возмущением и обидой: "Какой же обострённо циничный талант надо иметь, чтобы тридцать лет моей полновесной жизни встрочить нежной женскою рукой в пять коротеньких фраз!"

Досмотрел, как она без оглядки удаляется, потом сразу же достал зловредную бумажку и в двадцатый раз перечитал. Ишь, не поленилась заправить лист в машинку - наверняка с копиркой - ради каких-то четырнадцати слов:

- Автор шаровой молнии.
- Полужидовская морда.
- Тетерев - не птица.
- Запущенный огород - "тридцатка".
- Супермен против Кон-Крас-Кона.

Надо отдать должное конспирации: все имена и названия зашифрованы специально для меня, а строчки не пронумерованы, ибо люди и события в них круто замешаны в один колобок: катать-верти в любую сторону, начиная с любой точки, в любой хронологии.

Почему-то именно колобком представился с первого взгляда этот кусок моей жизни - таким единым и завершённым целым. А уж со второго взгляда, положенного аналитически, я окончательно понял: герою событий предъявили всё-таки не всю его жизнь, а лишь суровую часть, ограниченную началом и концом суперменства. Не смогла или не сочла нужным эта Прекрасная Елена отразить кое-что ещё? Минимум на четыре строчки удлинилось бы оглавление:

- Настя с берега самоубийц.
- Белая обезьяна.
- Служебная тайна.
- Яйцо грифона.

Могла бы припомнить и универсального Гения, и Оборотня Кунчо, и Вечного Попа, и ещё кое-что. Но ограничилась. Почему? Не наводит ли сей факт на её источники информации?..

Но едва я поймал себя на том, что со второго взгляда уже работаю, уже ловлю Елену и её банду, как сразу стало тошно. А где моя душа? Почему я принимаю и выпускаю когти, а не плачу над безвременно усопшими, насильственно лишёнными жизни, дорогими моему сердцу? Или сердца у меня уже нет? Неужели ты не понимаешь, сыщик, что тебе предъявлен смертный список, иск, обвинение в нескольких убийствах, хотя и не все они совершены тобой?! А те главы, которые НЕ предъявлены - они просто не содержат убийств и потому Кровавой Елене не интересны. Может быть, она действительно знает о тебе всё. А если так, то не столь уж важны источники информации. Важен ты сам, Евгений Малюхин: достойно ли прошёл сквозь череду чужих смертей и что почувствуешь при встрече с самим собой на пороге безымянной конторы, промышленяющей убиванием людей?

Реакция на такие мысли была нормальной: к горлу подступило, глаза наполнились, мир вокруг расплылся. Жалость к погибшим, к себе, к нелепому человечеству, ко всему этому запущенному миру... В общем, нормальная, практически интеллигентская реакция.

А раз так, изволь доплакать до полного успокоения, обсохнуть лицом на ветерке, погулять над обрывом и найти образ дальнейших действий.

Доплакал, обсох, погулял и - нашёл, спасибо старому симферопольскому другу, Игорю Волкову: ОТЛОВ НОЧНОГО ХИЩНИКА.

Будем считать, что Елена Прекрасная выиграла инициативу: "Откровенность - только при полном сотрудничестве". Цена, конечно, высокая, но и товар - стоит того. Я буду сотрудничать вполне и честно. До того предела, за которым кончается совесть.

Хитрая это субстанция - совесть: жить с ней в ладу - значит страдать внешне, а при обратном раскладе - мучиться внутри. Язык мой слишком беден, чтобы поставить совести ту оценку, которой она заслуживает. Что-то вроде чемодана без ручки: нести неудобно, а бросить жалко.

Тогда, помнится, возникло даже некое подобие азарта: чемодан обещает быть тяжёлым, далеко ли унесу?

Перед окончательным решением следовало как следует вдохновиться, и я знал, как это сделать.

Вернулся домой рано вечером, разучил с сыном очередную причём рукопашного боя, обсудил с Алей очередную идею её диссертации, а когда уложил их спать, уединился в своём кабинете с тетрадьёю Мефодия Ханова. С последней записью, за час до смерти...

ПОСЛЕДНЯЯ ЗАПИСЬ ХАНОВА

"Разговор концептуальный. Только что. Запишу подословнее, пока свежо.

Как обычно, философствовали за кофе. А.Т. пожаловался, что покойная жена стала часто его ЗВАТЬ. Я удивился: "Верить в загробную жизнь?" И высказался: "Вера - это от недостатка информации. Реальны только надежда и уверенность". Он ответил: "Да-да. Это философия твоего поколения. А я убедился, что безверие - просто разновидность веры. Как, например, отсутствие убеждений - это тоже убеждение. Будешь спорить?" Я сказал: "Конечно". Хотя и не представлял, как тут можно спорить. Просто хотелось его расшевелить. С этим ЗОВОМ он стал совсем смурной. Я

сказал наобум: "Вот мы объявили войну закону, значит стали вне его?" Он усмехнулся, чего я и хотел: "Нет, конечно. Мы не закону войну объявили, а тем, до кого он не достаёт. Кстати, обрати внимание: законы природы людям постепенно открываются, а вот вывести для самих себя такой закон, по которому было бы удобно жить ВСЕМ, - вот это человечеству не дано". "Закон справедливости?" "Да. Я уверен, что это реальный закон, даже объективный. Но всем сразу по нему жить нельзя. И никогда не будет лязя. Потому что, как всякий природный закон, он имеет границы применения". "Какие же это границы?" Он ответил торжественно: "Сей закон справедлив только для одного человека". "То есть, что же, сколько людей, столько и законов справедливости? Анархия?" "Вот именно. Она И ТЕБЯ пугает? Бедное человечество! До чего же трудно усвоить, что больше двух под одно одеяло не загношь?! Сколько социальных гениев разбили себе лбы об это одеяло! И ладно бы - только себе..." "Но ни в одном обществе анархия не прижилась..." Он возмутился: "Да к настоящей-то анархии ещё и не подступали! Если хочешь знать, анархия - наименее изученное социальное явление. Потому что её учение наименее доступно". "Почему?" "Потому что она отрицает ВСЯКУЮ власть. Конечно же, любая власть делает всё, чтобы настоящее учение об анархии не завладело массами. Ведь скольким тогда захребётникам придётся в поте лица свой хлеб добывать! Ты посмотри на Природу: чем она плоха? По какому плану создавала всяких там зверушек, букашек, вон те облака, нас с тобой?" "Ну, не план, так программа - что-то же есть". Он засмеялся с некоторым даже презрением: "Божий промысел, что ли? Да ты сам себе не веришь! Метод проб и ошибок - вот её программа!" "Но ведь люди тоже..." "Да! Но разница в том, что безмозглая природа своих ошибок не повторяет! Разве что вот нас никак не может довести до ума. Но доведёт. Или уничтожит. Нашими же руками". "Нашими с тобой". "В том числе! А ты думаешь, Дарвин сегодня стал бы размышлять о происхождении видов? Он стал бы стрелять в людей, только и всего. Человечество имело подлинный прогресс, пока развивалось природосообразно. А началось покорительство Природы - тут и кончился прогресс". Я спросил: "Как же ты назовёшь то, что МЫ защищаем? Разве наши клиенты - не анархисты?" Он возмутился: "Все исполнители всегда извращали анархию! Ибо понимали её низменно! А мы её пытаемся защитить. Ибо подлинная анархия - это прежде всего ТЕРПИМОСТЬ И УВАЖЕНИЕ к чужому достоинству. А НЕТЕРПИМОСТЬ - основа ВСЯКОГО так называемого порядка. Правильнее сказать - режима. Только там и больше порядка, где больше терпимости". Теперь беседа так выстроилась, что я и не хотел, а должен был возражать: "Мы-то с тобой - самые терпимые, да?" Он вздохнул: "Что ж делать? Клин - клином..." Я сказал: "А мы сможем восстановить свою терпимость после такой череды экзекуций?" Он снова вздохнул: "Боишься перерождения... Я тоже боюсь. Но что же делать? Совсем ничего?... Даже если мы обречены на проклятье, эту работу надо выполнять". "Но наш метод не анархичен, мастер! Он основан на страхе..." Он ответил: "Страх САМ ПО СЕБЕ человеку даже необходим. Например, страх потерять близкого. Или утратить талант... Просто надо различать, КТО и ЧЕГО должен бояться. Народ вовсе не глуп. Он нас поймёт". Тут у меня и вырвалось: "А что, если по ошибке уберём достойного человека?" Он встревожился: "Э-э, друг Мефодий, ты уже устал..." Я спросил: "А ты?" Он поднялся: "Да, ты прав. Надо мне или выспаться или погулять". Я, было, тоже вскочил, но он сказал, что хочет немного побыть один. Договорились, где его найду, часика через пол, и я почему-то попросил его взять с собой ПМ. Что-то тревожит. Может, не зря покойная жена ему снится? Нет покоя. Пойду его искать".

Поставил точку, упаковал тетрадку в конверт и побежал следом за своим героем. Опоздал. Встретил меня. Помчались спасать Ольгу, и там он, как и Тетерев, пал смертью храбрых.

За что пал-то?

Да нет, не о том я думал, когда читал. Погибли оба поистине с честью, защищая слабого, тут вопросов нет. За что они готовы были погибнуть - вот вопрос. На него я искал ответа: и в тетрадке Мефодия, и где-то внутри себя. Меня позвали в убийцы, но ведь сказано: "Собираешься кого-то убить - копай две могилы". За что собираюсь погибать я? За анархию? За справедливость? За бесконечное утверждение неосуществимого? А если я полагаю, что погибать можно только за свою семью? Так и заявить Елене Прекрасной!

Но тогда приоткрытая дверь захлопнется, и я - в лучшем случае - останусь с носом. А в худшем, естественно, без него. А то и без головы - чёрт их знает, какие у них там порядки.

Итак, я подвёл итоги чтения. Ни за какую идею погибать не намерен. Только за семью - и то, не погибать, а побеждать. Но поскольку я - профессиональный сыщик, упускать ниточку из-под двери, а тем более щёлочку в двери - не могу, не хочу и даже не имею права. Морального, что ли...

Вывод. Внешне принять их философию, какой бы она ни была: нетерпимость ради терпимости, анархия во имя порядка, светлая цель, к которой надо мостить дорогу черепами врагов и друзей - что угодно ради исчерпывающего объёма информации. Может быть, они и всесильны, и вездесущи - выпутаемся в рабочем порядке. А пока - без спешки пособирать косвенную информацию и - без спешки же - найти прекрасную агентессу киллерской конторы и дать согласие на НАЧАЛО СОТРУДНИЧЕСТВА. Лучше казаться трусом, чем оказаться психом или глупцом. Скажу ей, как у Пушкина: "Начнём, пожалуй". И потребую такого же доверия, какого ждут от меня. Если они -

приличные люди, но не попутчики, так пускай не взыщут.

В общем, продуктивно подумал и заснул в удовлетворении.

Утром меня не разбудили. Аля всегда чувствовала, когда мне надо выспаться до полного прояснения.

Встал с любовью к человечеству, размял мышцы и отправился за косвенной информацией. Адрес единственный - НИИЭТО, лаборатория доктора Дорошенко. Там дядя Сева - радость общения, давно не виделась. Там ЭВМАП - ушлейшая из думающих машин. И там же Марина, теперь уже не Наина, а мадам Дорошенко - тайная цель моего похода: а вдруг суровая леди располагает какими-нибудь сведениями о какой-нибудь загадочной системе происков, подозрений, наблюдений, вообще загадочных социальных явлений, которые под фашистологический анализ не просятся, но определённый интерес вызывают хотя бы намёком на системность. Главное - не задавать прямых вопросов. Если есть дело - Марина скажет сама.

Марина и машина.

У меня с ними сложились занятные отношения. Великий Дорошенко - с детства - дядя Сева, а суровая супруга его - просто Маняша, но зато - на "вы". Ей, по-моему, всё равно было, как называют, но Маняшей звал её покойный полковник Дружбин, и это имя ей, пожалуй, даже нравилось. Особенно в моём исполнении.

Вечная консъержка-робот, вычурно именуемая Матрёной Спиридоновной, не забыла меня за эти несколько лет. Едва остановился в холле перед стеклянной стеной, со всех сторон раздался её незабываемый эротический голос:

- О-о-о, Малюхин Евгений Владимирович! Вы наконец-то почтили!?! Восторг! Вы, конечно, к великому Дорошенко Всеволоду Серафимовичу? Так его нет. Дорошенко Марина Марковна устроит вас?

Я сказал, что да, устроит, и шутки ради спросил, а на месте ли Электронно-воображающая машина Абсолютный Писатель. Ответ последовал без малейшего промедления:

- ЭВМАП-то? Ах, Евгений Владимирович, вы всё такой же шутильник. Куда же он на фиг денется? - Последовала пауза, во время которой одно из стеклянных полотен повернулось, чтоб я мог войти, и уже у лифта, мне в спину, Матрёна интимно проворковала: - Только Маняше, конечно, умоляю, ни гу-гу о моём фривольном тоне. Скушно здесь...

Я сказал: "Обижаете, Матрёна Спиридоновна". И отбыл на четвёртый этаж.

Марина за эти годы тоже не изменилась. Всё так же расхаживала перед монитором и о чём-то тихо беседовала с ЭВМАПом. Я, разумеется, вошёл не без стука, да и шум лифта подготовил её к моему появлению, а все же лёгкая растерянность мелькнула, будто застал врасплох.

Новый, увеличенный монитор располагался "спиной" к двери, но и лицо Марины мне кое-что сказало. Она подняла глаза от экрана, удивилась, снова взглянула на экран и громко - для ЭВМАПа - сказала:

- О-о, Малюхин Евгений Владимирович! Сколько лет!.. Изображение на экране сразу сменилось - это было видно по отсвету на её белой блузке. - Рада видеть. Ты ко мне? А то мы - без хозяина.

- Если ваш хозяин жив-здоров, то к вам.

- Все живы-здоровы! Проходи на кухню.

Я прошёл к уличному окну.

Ничего на "кухне" не изменилось. Та же чертёжная доска, привинченная к подоконнику и заменяющая стол. Та же мутная колба для заваривания чая. И прочая посуда тоже, если не забыл, та же. Уголок человеческой стабильности на компьютеризирующейся планете Земля. Редкость.

От стола я сразу скользнул взглядом по экрану монитора. Он работал в режиме самоочистки - ползали, как букашки, голубенькие глаза, изредка моргающие, похожие на человеческие, но более чистые - совсем без выражения.

Марина подошла тут же и, подавая руку, мельком взглянула на экран. Я сказал:

- Подглядывает.

Она улыбнулась и поддержала шутку:

- А также подслушивает, принимает и всё конспектирует. Но мы - не боимся.

Глазки на миг слились в один большой глазище, он превратился в большой, торжественный восклицательный знак и тут же распался на полтора десятка мелких, а они, мигнув, преобразились обратно в глазки и поползли по своим маршрутам, не сталкиваясь и больше не мигая.

Стараясь держать экран в боковом зрении, я сказал:

- Маняша, вы похорошели.

- Ах, Евгеша! - Она засмеялась. - Зайди ещё лет через... (посмотрела на экран, там мигнула семёрка) ...семь, а лучше - через семьдесят - увидишь, как мы умеем хорошеть!.. Пошто так долго не заходил-то?

Она была действительно краше, чем до замужества: и одеваться стала элегантно, и макияж, и

чувство юмора...

Я ответил, что борьба за хороший сон граждан - всегда в самом разгаре. Она засмеялась, как Матрёна Спиридоновна, закивала, а руками тем временем брала первые аккорды чайной церемонии: звенела посудой, журчала водой, щёлкала переключателем электроплитки. Я, по старой памяти, принялся помогать.

Во время церемонии мы задали друг другу ряд дружеских вопросов и через полчаса расстались такими же друзьями, какими встретились, обогащённые милыми семейными пустяками из жизни друг друга и отягощённые огромными приветами членам своих семей.

У двери я оглянулся и приветливейше сделал Маняше ручкой. Она повторила мой жест, широко улыбнулась и сразу перевела глаза на монитор, а её обтягивающая блузка отразила перемену изображения на экране.

Марино-машинному симбиозу было сегодня не до гостей. Со всеми бывает. "Обрабатываем новые тексты". "Бьёмся над проблемами стиля". "Ищем философские ловушки для читателя". "Взаимозависимость формы и содержания - поистине бесконечна и неисчерпаема, хотя и всего лишь двузначна". И тому подобное. И ни слова о майоре Волкове, о нашей с ним секретной организации... Ну, уж нет!..

Я дал лифту обратный ход и без стука ворвался в "абсолютно-писательскую" лабораторию.

Марина отпрянула от монитора, экран погас. Она тут же справилась:

- Ты что-то забыл?

Между нами на столе был только монитор. Я развернул его экраном к себе. Глазки...

- Евгеша, что с тобой?

Я спросил прямо:

- Первое: от Волкова ничего нет?

- Боже мой! Если б было, разве бы я не сказала?!

- Второе: известно ли хоть что-нибудь о наличии в Томске антикриминальной организации такого типа, как у покойного Ханова? Или вроде той, что действовала несколько ночей на улицах после гибели Дружина? Помните, тогда КТО-ТО резал ночную шпану карманным лазером? И тех, которые Дружина убили, и многих ещё. Это было незадолго до вашей с дядей Севою свадьбы...

Я спрашивал и всматривался: то в беспокойные, потемневшие глаза Марины, то в безмятежные глазки на экране, которые, как мне мельком показалось, на долю мига замедлили движение. Добавил наугад:

- Возможно название "Ветеран-Сервис". Но и любое другое...

Марина смотрела на меня, как на крокодила, который влез в трамвай. Глазки, как мне показалось, поползли по экрану напряжённее, будто их нанизали на упругую стальную проволочку.

Теперь я не сомневался, что у этой парочки нет тайн друг от друга. И решил не скрывать, что многое понимаю. Я сказал:

- Этот лазер потом как сквозь землю провалился. А рука была знакомая.

Пусть гордая леди знает, что от товарищей по подполью не стоит скрывать ни свою страсть к полковнику Дружину, ни свою месть за его нелепую гибель. Мы своих не продаём, но и вы извольте соответствовать.

Марина повернула монитор экраном к себе, спросила: "Ну?" В ответ на её блузке полыхнуло новое отражение, и она с какой-то даже обречённой небрежностью крутнула аппарат лицом ко мне.

Именно лицом! И полюбовалась моей ошеломлённостью.

С экрана глядел на меня покойный Мефодий Ханов. С того света. В цветном изображении. И не просто глядел, а разглядывал и улыбался.

- Привет, друг Малюхин!

И голос - его!

Тут было впору только развести руками. И я развёл. Молча. Язык отнялся, горло перехватило. В жизни такого не случалось. Но я и с покойниками раньше не разговаривал. Пришлось просто улыбнуться, как сумел, и кивнуть.

Он, конечно, всё понимал. Не стал насмехаться и вообще говорил разумно.

- Ты прав, Женя: мы своих не продаём, и надо соответствовать. Но сам видишь: Маняше теперь не до фашистологии. Клянусь тебе, мы ничего не знаем такого, о чём ты спрашиваешь. И даже не представляем, к кому тебя послать. С Маняшей начинает сотрудничать Слава Вертухин, но его в расчёт не бери - новичок ишшо. Так что работай пока один и смотри, зря не рискуй. Похоже, там очень серьёзно. Ты насчёт Елены решил верно: без прямого контакта не разберёшься. Только пока ещё погоди с ней встречаться. Попробуй поговорить с отцом Александром - в порядке неожиданности: вдруг есть кто-нибудь верующий в этом "Ветеран-Сервисе". Но ещё раньше навести Витю Макова. Универсальная гениальность бесследно не проходит: вдруг явятся какие додумки, догадки... И вот что ещё: если влюбишься, это будет твой конец. ТАК МНЕ КАЖЕТСЯ.

Марина кивала.

Через несколько минут, уже на улице, я обдумывал подробности беседы с Мефодием и лишь много позже, к вечеру, сообразил: беседы как таковой не было, был монолог. Я ведь так и ушёл от них - с отнявшимся языком, с вакуумом в черепе и на бесчувственных ногах.

Червь подозрения.

Съездить в Ягодку - это была здравая идея. Во-первых, побеседовать с Маковыми. Во-вторых, повидать их гениального ребёнка, моего тёзку. Просто поглядеть на Темниковых - это в-третьих. Хоть совсем другие дела у Миши, а на какие-то мысли может навести и он, и его замечательная Любаша. В-четвёртых, дальняя дорога способствует и собственным размышлениям, ибо встречный ветер продувает до определённой свежести захламлённые суетой синапсовые заросли.

Но сначала я решил встретиться с Игнатом. ВЕЛО меня к нему. Едва я сказал об этом по телефону, как в голосе друга появилась тревога:

- Что значит "когда смогу"?! Выходи на свою троллейбусную остановку, я уже выезжаю.

Ну, тем и прекрасна жизнь, что друзья выезжают немедленно. Ждать на остановке почти не пришлось. Его старенькая красная "Нива" подлетела, как всегда, на бреющем, впитала меня и на форсаже помчалась к Лагерному саду, потом к мосту через Томь - за город.

Пока не въехали в бор, он расспрашивал меня о семье, а я его - о приёмной дочке. Оказалось, что у Жеки с моим Матвеем и в самом деле много общих целей, но нам лучше не вмешиваться: достаточно того, что наши дети - серьёзные ребята.

По лесу Игнат уже не гнал, а когда доехали до бывшей "высокоэнергетической пасеки", остановил машину.

- Узнаёшь местечко?

Как не узнать. При жизни Володи Дружбина здесь процветало одно из его незаконных детищ. В бетонном подземелье бывшей ракетной базы ПВО выращивали меховых уродов, которые походили на мифических грифонов и несли кубической формы яйца. (Поистине, осуществимо любое порождение человеческой фантазии!) Шапочный промысел, в числе прочих подспорий, обеспечивал Службе Особых Мер финансовую независимость. Володя пёкся о благе отечества, а мы с Игнатом, по незнанию, нарушили тут баланс, и охрана сожгла всё внутри бункера огнемётами. Теперь дорога сюда заросла, только мощные вентиляционные ходы, замаскированные под ульи, ветшали на поляне, способной вместить стадион. Всюду торчал берёзово-осиновый молодняк.

Обоим нам ностальгически вздохнулось. Игнат опустил стекло.

- Ах, Женька, что за воздух... Ну, рассказывай.

От него я никогда ничего не скрывал. Исключая, понятно, амурные переживания.

Он молча послушал про безымянного самоубийцу, потом - про Елену и согласно кивнул по поводу моих сопоставлений.

- Ты прав, какая-то связь напрашивается. Сам я ни с чем похожим не сталкивался, но порой, знаешь, так и хочется кого-нибудь пришить - по экологическим причинам... А этот твой сочинитель, даже если он - выдумка, оставил нечто вроде ключа. Теперь только дверцу найти. Может быть, это Елена. И привлекательная, и голос, и властью наделена... то есть одарена... И журналистка...

Во всякой речи есть слово, за которое зацепившись, остальные слушаешь уже с меньшим вниманием. Я такое слово поймал сразу, поэтому, чтобы не сбиться, позволил себе прервать Игната:

- Прости, как ты сказал? "Даже если он - выдумка"?

- Кто - выдумка? - Игнат не понял.

- Да ты же сейчас сказал так об этом самоубийце!

- Правда? - Игнат посмотрел с удивлением. - Да нет... Сорвалось невпопад, прости. Откуда-нибудь из другой темы. Иногда мысли раздваиваются, не замечал?... Ну в самом деле, не Ванька же выдумал этого сумасшедшего. И уж наверняка не Ванька это всё написал. Вон и почерк не его... Опять же, это всё ведь проверяемо...

- Но не буду же я ИВАНА проверять! Был ли такой сумасшедший, да где его зарыли, да историю болезни...

- Вот именно! - Игнат охотно кивал. - Так и обидеть недолго... А впрочем, вот история болезни, может быть, добавила бы что-нибудь, чего Иван не учёл.

Я согласился, что за этим можно и посетить Ивана еще разок.

- А в Ягодку съезди сразу, - сказал Игнат. - Передай всем мои приветы. Скажи Мише, что навестить пока не могу - никаких возможностей. И вот это ему отдай.

Он открыл потайной шкафчик внутри "бардачка", достал коробочку толстого картона и показал мне содержимое. Я засмеялся:

- Опять серебряные пули!.. Извёл на Кунчо весь барабан и ни разу не попал?

Игнат вздохнул и посмотрел с укоризной:

- Зря смеёшься. Да, Миша стреляет безупречно. Но этот гад отводит пули! Не веришь... Я тоже не верил. Теперь верю. Сходи на него с Михаилом - и ты поверишь.

- Как в американских боевиках? Ловит зубами и выплёвывает?

- Я же сказал - отводит. Не веришь - не надо. Просто отдай Мише коробку и скажи, что эти патроны - с усиленным зарядом. Пусть постарается стрелять в упор и двумя руками - чтобы стволом по лбу не получить.

По дороге назад почти не разговаривали. Игнат - по привычке, потому что и слушать, и говорить на обычной человеческой скорости для него мучительно. А я размышлял над его словами о желании "пришить кого-нибудь". Конечно, такое желание в свои моменты посещает каждого, и у меня не было ни малейшего подозрения в адрес Игната, но разные ассоциации просились. Ведь никто не гарантирован от срыва. Но срыв - он всё же не может породить систему вроде "В-С", поэтому, исключив эмоции, подозревать полагалось одну Елену.

Молчать с Игнатом мне никогда не было неудобно. Ни тесно, ни пусто - как в одном пруду купаться. И он на прощанье сказал, будто подслушал:

- Хорошо помолчали. Давай думать в этом направлении и держать друг друга в курсе... Ну, привет твоим.

Прежде чем вернуться домой, я погулял и повспоминал нашу поездку. Что-то в ней тревожило меня, а в руки не давалось.

Ну-ка, с самого начала.

Игнат так легко, мгновенно согласился встретиться, будто ждал моего звонка. Будто хотел со мной поговорить. О чём? Навести на Ивана? Что ж, заронил, показал вероятность. Но не только это. Как-то обострённо он высказался насчёт "желания пришить". Будто будил это желание во мне. И тут же вспоминается, что для разговора привёз меня не в какое попало уединённое место, а именно туда, где мы с ним когда-то очень лихо повязали целую шайку "цеховиков". А что если он тогда нарочно "не успел" перехватить парня, который бросился связанный на пульт и лбом включил огнемёт? Ведь зачем-то зазвал же меня сегодня вниз, такой занятой мой друг. И мы спустились в бункер, поглядели на обожжённый бетон, на пепел и уголья, оставшиеся от грифонов, ящиков, клеток... Зачем мы спускались в этот склеп? Кстати, ящики, до краёв наполненные яйцами, сгорели так, будто были пустые... Не должна была ТАК сгореть неразбиваемая скорлупа...

Я не смел заподозрить ближайшего из друзей в какой-нибудь подставке, а паче того - в обмане. Но какой-то червячок поселился и точил нервы, и намекал на что-то, Игнатом не произнесённое.

А может быть, это Елена Кешева своими глобальными и тотальными намёками разбудила что-то тёмное? Может, из-за этой зловещей красотищи начал мне мерещиться заговор повсюду?

За без малого десять лет сыскной работы, после изряднейшего числа самых разнообразных переделок я впервые готов был подозревать в преступных намерениях каждого, с кем вступал в контакт. Это состояние чем-то напоминало первый визит в вестибюль НИИЭТО: голос Матрёны звучит со всех сторон, кругом стекло, и не знаешь, откуда на тебя смотрят. Только там - не страшно...

Волей-неволей надо было поспешить в Ягодку. Именно поспешить, ибо я всей шкурой чувствовал, что нельзя терять темпа, чтобы КТО-ТО не опередил.

А во-вторых - это я тоже чувствовал - покидая Томск, я покидал и зону беспокойства, зону подозрительности - зону напряжённости, которую не я создал, а ликвидировать - в конце пути - предстояло мне и, возможно, только мне.

Забегал домой за дорожным, всегда заранее уложенным, портфелем, пообещал семье, что послезавтра вернусь, и вечерним поездом отправился в Ягодку.

СЕРЕБРЯНЫЕ ПУЛИ

Вечерний поезд до Ягодки - это слишком пышно сказано. Потому что нет ни утреннего, ни дневного. Ладно и то, что эти вечерние ходят ежедневно, навстречу друг другу. А было время, когда ходил один - сегодня вечером туда, завтра вечером обратно. Прибытие в конечный пункт - всегда утром, очень удобно. А днём на этой трассе осуществлялось то, ради чего её строили: из трёх леспромхозов вывозили брёвна - кедр, сосну, пихту, ель, берёзу, осину. И ещё не начали иссякать леса, как нашли там нефть. Вот тогда и пустили второй пассажирский состав, и проложили нефтепровод, и до газа добрались... В общем, порядочно "покорили" природу - у Миши Темникова хлопот - невпроворот. Где стало далеко лес возить, там пытались возобновить лесосплав, а где лес кончился, там не спешили его подсаживать, и среди всего этого безобразия - то нефтяные выбросы, то пожары, и, конечно, кругом браконьерство. У Вити Макова на этот счёт чеканная формулировка:

"Это чему доброму нам учиться лень, а безобразить - кого хош сами научим".

Не знаю, наводил ли встречный ветер порядок в моём синапсовом лесу, потому что, едва покинув "зону напряжённости", я заснул мертвецки до самой станции Ягодка. И рано утром, без всякого предупреждения (Долой дипломатические предрассудки!) постучался в тот дом, где хозяйева наверняка дома - к Маковым. Им на службу ходить не надо - кормятся знахарством, кузней и огородом, на троих хватает.

Может быть, главнейшее из чудес, ради которых стоит жить, это чувство радости. Но чтоб радость - не твоя собственная, а та, которую приносишь другому своим появлением.

Я для Маковых - гость желанный и любимый. С Витюшей дружба классическая - дракой началась. Дальше - одинаковая армейская судьба: оба служили в десанте, оба вернулись раньше срока, с наградами и увечьями. Мой отец и моя Аля помогли Виктору обороть тяжкую контузию. Наш Матвейка малышом заменял ему и сына, и брата. Первую собственноручную игрушку выздоравливающий дядя Витя вырезал для него. Потом мы долго работали в паре по сыскному делу и вместе нашли и спасли Настю. Потом, когда за его искусственной гениальностью охотился весь СОМ, я дважды выдёргивал его (вторично - вместе с Настей) прямо из-под носа Службы Особых Мер. В общем, дружба почти фронтовая, с затаённой нежностью и готовностью ради друга погибать и убивать без колебаний.

Впрочем, у Насти отношение ко мне никогда затаённостью не страдало. Едва увидела, с разгону бросилась на шею и расцеловала так, что любой другой муж убил бы тут же обоих. А этот дождался, пока страсти схлынут, встал с лавки и спокойно сказал:

- Теперь - моя очередь.

Правда, с ним мы не целовались.

Потом мой семилетний тёзка сказал, что его очередь...

Старшие наобнимались, отдали меня Евгению и занялись организацией серьёзного застолья, а малец увёл дорогого тёзку к себе в мезонин.

Там, поглядывая в окно на вечно гуляющего по крышам орла, я узнал, как защищаться от новейших компьютерных вирусов, понаблюдал в телескоп бледную утреннюю Луну, сфотографировался вдвоём с Евгением при помощи самодельного автоспуска к "Поляроиду", узнал, какую породу лаек надо воспитывать для нартовой упряжки, а потом мы пошли за гараж, чтобы с этой упряжкой познакомиться. Их оказалось восемь, братьев и сестёр одного помёта, по-коряцки привязанных к забитым в землю колышкам вне досягаемости друг для друга: чтобы не дрались.

Я сказал:

- Брат мой бледнолицый, я тобой горжусь.

Он ответил:

- Да, я серьёзный сибирский человек. Весь в папу и в маму. И в тебя, дядя Женя. И понемножку в дядю Мишу, особенно в дядю Игната. И совсем маленько - в тётю Любу: я у неё учусь огородному делу и обращаться с растениями. Я, может, даже ботаником стану, тогда совсем буду в неё. - И тут же по-детски круто сменил тему: - Как ваша семья, особенно Матвей?

Я сказал, что Матвей уже совсем взрослый, учится в выпускном классе и дружит с Жекой Эвкалиптовой.

- Это правильно, - одобрил тёзка. - А как тётя Алечка?

- У неё научная работа по фольклору...

- Я знаю.

- Ну, скоро закончит.

- Новые сказки нашла?

- Привёз одну.

- За столом расскажешь или сейчас?

Тут нас позвали к столу.

Мы пили нечто спиртное, именуемое у Маковых - "клюквовка" и считаемое крайне целебным в малых дозах - от всех хвороб.

Мы закусывали это коронным салатом из хрусткой квашеной капусты, клюквы, яблок и ещё нескольких гармонирующих ингредиентов - тоже по рецепту великолепной Насти. Была там и крупно тёртая морковочка, в сметане и с чесноком. И огурчики - свежие и малосольные. И маринованные, очень маленькие маслятки. И прочие грибы в разных видах, которые моему тёзке - по малолетству - полагалось заменять на более лёгкую пищу: например, на бутербродики с редиской. Или кексики с изюмом. А чай был, конечно, кипрейный, с "присадкой" из оптимальной смеси смородинового листа, шиповникового цвета, мелиссы, душицы, белоголовника и ещё чего-то, чего я не угадал, а они не признались.

Сибирский август - вообще то время, когда и стол накрыть прямо из-под ног - нет проблемы, и удивить гостя букетом - без хлопот.

За чаем Евгений точно уловил момент всеобщего благодушия, когда обо всём первостепенном-личном спрошено и отвечено.

- Дядь Жень, про сказку не забыл?

И я рассказал им сказку, добытую Алей в последней фольклорной экспедиции.

ВЫШЕ ЛЕСА

Осинка одна не так, как все, росла. Когда рядом такие же вверх тянулись наперегонки, она всё

крепче корнями в землю вцеплялась. Тянула питание из самых глубин и всё дальше корни запускала. Тонкий чернозём прошла, в глине укрепилась, в песке мокрым распространилась, а всё ей мелко. Где встречала камушек - обходила, а когда дошла до скального грунта, зацепилась за каждую трещинку. И поскольку дальше скалы в землю не уйдёшь, начала она тянуться вверх, с той же силой, с какой искала питания в глубине. Чужие ветки ей дорогу застилали, сухие сучья старых деревьев целились покалечить тонкую кору, но она ветви раздвигала, сучья обходила и кудрявой кроной пробивалась, пробивалась к Солнцу, к Луне и звёздам, к ветрам и дождям - и пробилась однажды. А пробившись, обнаружила, что очень далеки светила, дотянуться до них так же невозможно, как пронзить корнями скальную породу.

Тогда осинка огляделась вокруг. После усердного копания в земле и усиленного стремления к небу это очень приятно и поучительно - оглядеться по сторонам. Она восхитилась мощью кедровых стволов, белизной берёзовой коры, острым изяществом ёлочных силуэтов. Она удивилась умению птиц летать, а зверей - скакать. Огорчилась некоторым насекомым, которые питаются чужими соками и даже плотью. Задала обо всём этом вопросы своим соседям, но ответы её не удовлетворили: "Птицы летают, потому что плохо бегают. Звери бегают, потому что не умеют летать. Все живые едят друг друга, потому что хотят есть". Так отвечать умела и она сама.

Ей захотелось обратиться к тем соседям, которые росли подалеже. Но их было плохо видно и слышно из-за ближних соседей, и она нашла решение: надо вырасти над ними, тогда можно будет увидеть многих.

Она стала расти дальше и через небольшое - по древесным понятиям - время обнаружила, что весь лес - одного роста. Одна она возвышается над всеми да кое-где - очень редко и далеко - торчат над общей массой зелени засохшие до неузнаваемости кроны каких-то деревьев.

Дальше рассказывать не о чем. Одной сухой вершиной над лесом стало больше.

Евгений сказал, что всё равно это лучше - всё увидеть. Тогда и засохнуть не жалко.

Настя пожалела бедную осинку и велела сыну, если уж не сможет быть как все, то высываться хотя бы с осторожностью. Мой гениальный тёзка, жалея маму, тут же это пообещал.

Виктор сказал, что это действительно смахивает на изрядно обработанный хантыйский фольклор, но он допускает, что Аля вполне могла бы создать такое и сама: ведь кто-то в народе ПЕРСОНАЛЬНО сочиняет все эти сказки, мифы, легенды...

Засим мы с хозяином переглянулись, и он пригласил меня в свою кузню:

- Хочу похвастаться некоторыми усовершенствованиями.

Евгений тоже вскочил, но ему было поручено помочь маме в послезастольных хлопотах.

В кузне Витя не стал тратить время на железки, а сразу спросил:

- Ты так просто не приедешь. Что случилось? Не дома, надеюсь?

Я рассказал всё, включая рассуждения Игната. Он задумался, потом вздохнул с нескрываемой досадой:

- Знаешь, в такие вот моменты, как сейчас, я жалею, что отказался от гениальности. Стоило поставить задачу - и уже сыпались идеи. А сейчас - только пошлое сравнение собственных мозгов с жерновами. Притом мельница - ветряк, а погода - полный штиль...

Он сел на старую, ещё от прежних хозяев табуретку и опустил голову. Я легонько потрепал его по волосам:

- Ладно, не спеши думать. Вечером схожу к Мише. Тут ему от Игната передача. А к завтрашнему вечеру, может, подует ветерок на твою мельницу...

- Завтра вечером поедешь? Ну и хорошо. Я тут у ребят поспрашиваю, намёками.

До вечера Виктор "разбежался по друзьям" со своими намёками, а мы с тёзкой отправились в ближний лес по грибы.

Идти пришлось через памятную свалку, на которой мы подбирали когда-то металлолом для Витюшкиного гениального дисколёта. Грузили на самоходную баржу списанный вертолётный фюзеляж, метров сто медной шины, фрикционные диски, ещё что-то - за давностью лет уже и не помню... До сих пор эта машина стоит во дворе храма в Излучном, и никто не подозревает, что она взлетала на несколько сантиметров и полетела бы всерьёз, если бы сомовцы не затеяли штурм...

Евгений разбирался в грибах получше моего, а искал их, благодаря малому росту и быстрым глазам, вдвое успешнее меня, так что на обратном пути нам пришлось поменяться корзинками, чтоб ему идти было легче, а мне - престижнее.

Я повторил при маме:

- Горжусь тобой, тёзка.

И он ответил почти так же, как в первый раз:

- Да, мы все - серьёзные сибирские люди.

Вечером я осуществил свой неожиданный визит к Темниковым, но неожиданность эта потрясла

меня больше, чем их.

Детей у них - после Любашиной парашютной травмы - так и не завелось, жили вдвоём, отдельно от Мишиных родителей.

Дверь открыла Любаша, очень обрадовалась, но тут же сделала крайне загадочное лицо и вкрадчиво пригласила:

- Ну-ка, закрой глаза и входи!

И взяла за руку, чтобы вести незрячего. Что ж, я закрыл глаза и шел, куда вели, и сел, куда посадили, ожидая увидеть что-нибудь новое из имущества (компьютер?) или кого-нибудь из старых друзей или (вот бы восторг!) малыша, которого успели за этот год родить... Рыбками или какой-нибудь канарейкой так хвастаться не станут... На столе звякнуло, а по букету запахов я понял, что попал из застолья в застолье, как и положено редкому гостю. Значит... неужто Игнат вырвался?!

- Открывай! - разрешила Любаша. Я открыл глаза и - хорошо, что было некуда падать.

Последний раз я видел этого врага, когда был вдвое моложе. Он тогда выстрелил по нашему плоту и с полного хода бросил свою "казанку" на бордаж. Я лежал в изрешечённой картёчью палатке, Миша невозмутимо снимал событие на цветную плёнку, а Игнат срубал Кунчаева точным ударом. Потом вместе его вязали и сдавали.

- Привет, Евгеша, - сказал враг вполне дружелюбно. Он за эти годы совсем не постарел, так и выглядел лет на сорок в своей короткой бородачке. Лицом был всё так же красиво смугл от загара, глазами - синь и бесстрашен, причёской - кудряв, как покойный Тетерев. В загорелой мощной руке он держал чашечку с чаем, и это позволяло ему избежать сложного положения, если бы он протянул руку, а я - не захотел пожать. Сразу после приветствия он обратился к улыбающемуся Мише: - Ты гляди - парень по-настоящему возмужал. Вылитый Игнат!

- Добрый вечер! - Я поздоровался с Мишей и тут же протянул руку врагу, выжидательно опускавшему чашечку. Он принял рукопожатие охотно. Мощно, но бережно. И повторил: - Да, возмужал. Рад тебя видеть.

Я молча кивнул, и он улыбнулся - значит, запомнил эту мою привычку.

Передо мной поставили угощения и объяснили ситуацию: если у одного из врагов закончились серебряные пули, а другой - не питает к нему ни малейшего зла, то и нет помех, чтобы встретиться в нерабочий вечерок за чашечкой чая, порассуждать на нейтральные темы да и общих проблем коснуться, хотя бы вскользь. Единство противоположностей между эпизодами борьбы, ха-ха.

- У нас даже общие враги есть, - напомнил Кунчаев. - Маковых-то вместе выручали. Ты на экраноплане ещё летел сюда над Обью, Михаил от старого причала увозил на "казанке" Маковых и Игната, а я на бережку их прикрывал от сомовцев.

- Они ему всю энцефалитку издырявили, - сказала Любаша. - А мне пришлось латки ставить.

- Ну, раз мою брать не хотел, - пояснил Миша. Кунчаев в ответ густо и красиво засмеялся:

- Ещё бы! Реликвия! Латочки ма-ахоньки, аккуратненьки... Храню до сих пор.

- Где? - Миша поинтересовался бесстрастно, однако враг погрозил пальцем: - Не спрашивай, мы не на работе! Давай лучше спрашиваем сыщика Малюхина, кого он решил у нас ловить. Не оборотня Кунчо?

Я вспомнил о коробочке с патронами. Она оттопыривала карман брюк и могла быть замечена Кунчаевым, когда я шёл с закрытыми глазами. Ух, Любаня... Но даже в этом случае не мог я портить застолье ни словом, ни намёком. И кстати мне вдруг пришла мысль, что раз оборотень не имеет отношения к городским делам, то его информация может оказаться для меня полезной. Я сказал:

- Хочу посравнить некоторые томские преступления со здешними.

- Система проклёвывается? - Кунчо среагировал мгновенно и точно, как положено природному злодею. Я кивнул.

- А характер преступлений? - Миша тоже смотрел в корень.

- Против преступников.

- О-о, самосуд! - воскликнул Кунчо. - Каков же профиль этих преступников... тех, против которых?..

- Не твой, - Миша усмехнулся. - Скорее что-нибудь близкое к Любашкиному полеводству, только не с семенами.

- Понятно, - Любаша кивнула. - Вечером закапываешь два сольдо, а утром собираешь с дерева урожай...

- Нет-нет, - поправил Миша, - все операции в полной темноте. От торговли собственной душой до спекуляции чужим имуществом. В том числе и ресурсами. Ух-х, я бы... - и он в точности повторил слова Игната, - по экологическим причинам я бы тут многих пришил...

- Михаил! - Кунчаев нахмурился. - Мы же не на службе.

- Да я не о тебе, - Миша отмахнулся. - Ты пойми, Семёныч, почему я с тобой воюю. Я имею глупость думать, что, если тебя смогу убить, тогда всему злу конец. Ты ведь - олицетворение? Воплощение? Знамя зла?

В ответ Кунчо трижды кивал, поглядывая на меня. Миша продолжал:

- Но кроме тебя есть ещё НОСИТЕЛИ ЗЛА... Вот ты себя честно признаёшь злодеем, и это твой плюс. А они даже этого плюса лишены. Ты за них отдуваешься, герой легенды, а они кричат: "Держи оборотня!" Кому они кричат?

- Тебе...

- Мне! Честному дураку. Сегодня мы с тобой, два честных дурака, попьём вместе чайку, а завтра снова будем воевать. Им на потеху... Кто-то мудро сказал, что политика - это постоянно действующий спектакль, во время которого убивают статистов и шарят по карманам у зрителей. Мы с тобой, Семёныч, статисты. И Евгешка - статист. Но он, как я чую, напал на какой-то след. Он ищет каких-то статистов, которые не хотят быть убиваемы и обчищаемы, поэтому убивают сами... Я прав, Евгеша? Или они не убивают, только покушались?

- Поэт Михаил Темников всегда отличался пророческой прозорливостью, - так я ему ответил. - Ничего определённого пока сказать не могу. Ты понял идею. Я понял идею. Семёныч понял идею. А кого ловить - не знаю. Потому и приехал к вам.

Кунчо посмотрел на меня с укоризной и спросил, провокатор, почти нежно:

- А надо ли ловить? Если они - ваши союзники?

- Это тоже входит в число вопросов, - признал я честно. Кунчаев посмотрел на Мишу и в третий раз сказал:

- Возмужал Малюхин. Bravo.

- Ну, так что? Я зря приехал?

- Погоди, - сказал Миша. - Дай подумать.

Они думали. Я добросовестно пил крепкий чай и смотрел на экран телевизора.

"Эти двое, муж и жена, похитили дочь у жителей своего городка. Девочка была ими зверски убита и расчленена. Останки вскоре были обнаружены в лесу. Очевидцы преступления называли номер автомобиля и приметы преступников, но милиция не торопилась с их арестом. И тогда жители этого дагестанского городка решили всё сделать сами, следуя старым кавказским обычаям".

За этими словами следовали такие жуткие кадры, что Любаша закрывала глаза.

"Вот так, облив бензином из их же машины, родственники и друзья потерпевших сами совершили суд".

На бетонных плитах городской площади, окружённые плотной спокойной толпой, копошились два горящих тела, пытаюсь подняться, а кто-то из линчевателей мешал им ударами ноги. В стороне горел преступник-автомобиль.

Кунчаев не досмотрел и отвернулся, пробормотав:

- Нам и не снилось.

- Так вы детей не едите, - сказала Любаша.

- А зачем их есть, когда взрослых полно? - Кунчаев нестрашно оскалится.

"Больше в Дагестане не будут воровать детей, - обещал голос из телевизора тоном предсказателя. - А в Москве - будут. И в других городах России - тоже будут".

- Нас прямо приглашают к самосуду, - сказал Миша. - А вот сидит человек, который хочет самосуду помешать.

- С чего ты взял? - Кунчо опять коварно оскалится в провокаторской улыбке. - Может, он и есть - самосуд? Ты ему сейчас клиентов укажешь, а он их завтра уберет. А, Евгеша?

Такого поворота я не ожидал. Будто Кунчо углядел в темноте моего подсознания Елену Кровожадную с её жестокими идеями. Враг смотрел на меня, как следователь на арестанта. Это было непривычно, я в таком состоянии не бывал ни разу.

И Любаша с Мишей посмотрели тоже. Неужели я совсем уж не умею скрывать тайные мысли? Я ужаснулся: тайные мысли! Выходит, я, как зомби, уже ищу себе жертв, сам того не зная? Нет!

- Меня интересуют не те, на кого следует покушаться, - так я им ответил. - Я хочу знать, не было ли у вас покушений на негодяев. Имена значения не имеют, важна тенденция.

- Выкрутился! - Кунчо весело засмеялся. - А зря! Я тебе уже нескольких кандидатов заготовил. С должностями, с адресами и со списками грехов. Подумай: может, возьмёшься?

- Штрейкбрехер, - сказал ему Миша. - Своих сдать хочешь.

- Отнюдь, - возразил оборотень. - Как ты сам недавно выразился, я не столько носитель зла, сколько его символ. А эти - настоящие, махровые носители. БЕЗБОЖНИКИ!.. Что, Малюхин, берёшься?

- Отвязни от человека, - сказала ему Любаша.

- Да я ж только предлагаю. Скромно и ненавязчиво. Подумай, Евгеша, просто подумай, как честный человек. Дело терпит. Каждый злодей - это надолго, потому что безнаказанность - развращает.

- Тебе бы в прокуратуре служить, - сказал я.

- Вполне, - согласился Кунчо. - Любая прокуратура - гнездилище зла. Ибо она - по определению -

на страже законов, а человеческие законы - всегда против людей.

- Завёл, сын греха, - Миша налил врагу чаю покрепче. - Развратитель.

- Отнюдь и отнюдь, - Кунчо накладывал сахар в чашечку и благодушно скалился. - Сын греха - да, согласен, от родства не отрекаются. Но не развратитель, ибо безнаказанность моя - эфемерна: вон у Евгеши в кармане смерть моя приехала. Я, Мишечка, не развратитель, я растлитель. Ибо - философ. А подлинная философия - диалектична. И этим растлевают души, заражая их сомнениями... И вообще - я добрый злодей. Видишь, сладкое люблю...

Коробочка с патронами остро упёрлась углом в ногу. Я поднялся, извинился и вышел во двор.

Небо уже потемнело и густо засверкало звёздами, гораздо крупнее городских. В этом величии полагается рождать великие мысли. И я родил: "НАД ВСЕЙ ПЛАНЕТОЙ БЕЗОБЛАЧНОЕ НЕБО". Красиво. Было что-то опасное в этой мысли, но я не стал напрягаться и вспоминать её истоки. Безоблачное небо прекрасно всегда, а ночью - в особенности. Вон пара спутников: летят наперерез друг другу и не сталкиваются. Вон кометка висит, пышненькая. Имя у неё наверняка человеческое. И Луница, Селенища, красавица холодная, обливает всё обманчивым светом. Я вспомнил "фотокиллера" и взгляделся в свою тень на песке. Да, его наблюдения точны: тени, рождённые отражённым светом, родственны обману, неживые.

В сенях я на ходу извлёк коробочку с патронами и опустил её в карман своей ветровки, которая висела на гвоздике у двери. Стало как-то комфортнее.

Миша сразу начал доливать мне чай: "Чтоб свято место не пустовало". А Кунчаев поднялся:

- Ну, хозяйева, благодарю за чай, мне пора. Враг Малюхин, если надумаешь насчёт клиентов - обеспечу. Знаешь, как в народе говорят: "Первый вор - прокурор"... Понял намёк? Найдёшь меня через Михаила... Ну, Любочка-красавица, хороших тебе погод и богатых урожаев. Спасибо за угощение. Михаил, до встречи! Будьте здоровы!

И широким мягким шагом вышел из дома.

- Хорош мушшына, - сказала Любаша. Подумала и добавила: - Хоть и злодей.

- Развода не дам, - предупредил Миша. Любаша засмеялась и взъерошила ему волосы: - Он - твоя тень. Зачем мне тень?

Миша сел рядом со мной.

- Вспомнил я один случай. Может, то, что тебе надо. Два года назад у нас нефтяники построили телецентр. На открытии погиб человек. Депутат из Томска...

Он стал рассказывать, а я с трудом сдерживался, чтобы не подавать вида: всё было именно так, как описал "фотокиллер"! Но я сумел дослушать спокойно. Потом спросил:

- Ты сам всё видел?

- Да, я внизу стоял.

- И его, точно, никто не толкнул?

- Я думаю, многие внизу хотели, чтоб было так. Но он порадовал, всё сделал сам. Я как раз смотрел через телеобъектив: он схватился руками за поручень и молча перемахнул. Прямо посреди собственной речи. Я от неожиданности даже на спуск не нажал.

- А кто-нибудь нажал? Были снимки?

- Не видел. Я в следствии не участвовал. В числе свидетелей опросили - и всё. Правда, спрашивали, не сделал ли снимка.

- А там, на вышке, был фотограф?

- Так, погоди, - Миша повспоминал. - Два года прошло... Нет, не было. Я бы запомнил. Если сам снимаешь, фотографии запоминаются, из ревности.

Я сказал:

- Миша, это то, что я ищу. Если только сможешь, попробуй добыть список тех, кто был с ним на вышке. Имена и должности.

Миша обещал завтра попробовать, и разговор перешёл на томских друзей. Но, признаюсь, я до самого ухода не смог быть вполне внимательным собеседником. Перед глазами по очереди вставали: то сожжение негодяев в Дагестане, то прыжок депутата с вышки. Почему-то остро запомнилось, что дагестанский убийца-муж раньше служил в армии по контракту и воевал в нескольких "горячих районах". Псих вроде "фотокиллера". Только из другой команды. Из той, в которой такие депутаты...

На прощанье Миша предупредил, что, возможно, за один день до этих фамилий не доберётся. Смогу ли я подождать ещё денёк-другой? Конечно же, смогу! В лесу столько грибов, а у тёзки каникулы...

Я снял с гвоздика свою ветровку и - похолодел. Ожидаемой патронной тяжести - не было. Я обхлопал куртку. Потом тупо обшарил все карманы и зачем-то начал ощупывать швы...

- Ясно, - подытожил Миша. - Вот подлец!

- Да что ж "подлец", - возразила Любаша. - Он погибель свою выкрал.

А я молчал и вглядывался в потёмки своего подсознания: нет ли там следов сочувствия к оборотню? Того самого, которое побудило меня дать ему шанс. Пусть даже на отсрочку...

Потом я высказался об этом вслух.

- А-а, ладно, - Миша махнул рукой, - не казись, я подозреваю, злодей с твоим подарком весело развлечётся: отольёт из пуль большую ложку и подарит Игнату. Но ничего, - он взглянул на Любашу. - У нас где-то тоже было столовое серебро...

- Не дам! - Любаша всегда в гнев неотразимо хорошела, потому Миша и любил этак пошутить. - Забудь! И так вон... Забудь, говорю! Не получишь!

- Обаял, паразит, жену, - Миша засмеялся, и было в смехе легко заметное облегчение. - Ну и не давай. Что ни делается, всё к лучшему.

Любаша уточнила:

- Не делается или ни делается?

В общем, весёлая семейка, я всегда их любил.

Прошли чудных два дня в Ягодке. Я ходил с тёзкой в лес, разглядывал в его телескоп пышненькую комету. Из старого соснового корневища изготовили бумеранг. Когда последний слой лака на деревяшке просох, малец твёрдой рукой пустил его по кругу и, пока снаряд летел, высказался так:

- Дерево набралось ума и полетело.

Я догадался:

- Продолжение сказки?

Он кивнул и добавил:

- В каждой следующей жизни - интереснее.

- Какая следующая жизнь у бумеранга? Он посмотрел с удивлением:

- Свет, конечно!

Я пересказал этот эпизод родителям и спросил:

- Вам не страшно?

Они ответили, что да, страшно: отдашь такого в школу, а там - как в лесу; будем дома учить.

Я спросил, а как же коллектив. Витя ответил:

- А куда он от него денется?

Я не стал уточнять, кто от кого, чтобы не нарваться на ещё более загадочный ответ. Что возьмёшь с гениев?

Навестил в посёлке нефтяников (извиняюсь, в городе Первенске) своего коллегу, который оставил милицию на несколько лет раньше меня, бедствовал в глубинке от притеснений, но не сдавался и, по наблюдениям Миши, водил какие-то делишки с оборотнем Кунчо. Коллега был честным фанатом сыска и не опустил до подозрений в мой адрес. Но и он сказал такое, что поставило-таки его в один рядок с Кунчаевым.

- С тех пор, как наш Первенск получил статус города, местные кормишки совсем распоясались. Особенно прокурор. Верись, такой браконьер, что... В общем, я не тронул бы человека, который бы его пристрелил.

Получалась какая-то чертовщина. Будто Кунчо выполнил свою фундаментальную задачу: натравил людей друг на друга. Если лучшие готовы закрыть глаза на самосуд, что же я должен думать об остальных?

За несколько часов до отхода поезда мы собрались у Виктора в гараже. Это старое строение осталось от инвалидной коляски, в которой ездил прежний хозяин, великий знахарь дядя Гриша. У Маковых машины не было, и этим обстоятельством пользовался инспектор Темников, которому как раз некуда было ставить свой служебный мотоцикл с коляской, страшной проходимости агрегат, предмет ненависти или зависти многих мужчин Первенска и Ягодки.

Делали вид, будто "шаманим" в форсированном карбюраторе, обсуждали мои проблемы. Виктор в основном отмалчивался, потом вдруг сказал:

- Космофония была сегодня ночью.

Я такого слова ещё не слышал. Миша объяснил:

- Пятый год с ним это происходит. После того как Настя вырезала у него из-под кожи "микрогения"...

Эту историю я помнил хорошо. Служба Особых Мер в погоне за Витюшкиной искусственной гениальностью довела Маковых до левитации. Во время шторма храма в Излучном, когда стало ясно, что дисколётом воспользоваться поздно, они взялись за руки, побежали по реке, прямо по воде, как научил отец Александр, но на этот раз меня с экранопланом поблизости не оказалось, и они улетели в Ягодку просто так, без всякого комфорта, благо было не холодно. Настя уже была беременна Евгешкой. Поселившись у старых Вакулюков, начали знахарствовать вместе с ними, а стимулятор гениальности - от греха - растолкли в ступе и этим порошком лечили некоторые мозговые болезни. Слава Вертухин, тогда ещё старлей, их тайно разыскал, но не тронул и СОМу родному не отдал. Он

поступил мудро - предложил им свою дружбу. Конечно, было ясно, что интерес у рыжего простой: во-первых, у Маковых родился гениальный мальчишка, достойный объект для наблюдения, во-вторых же - а вдруг и сам Витя не утратил гениальности? Внешне всё выглядело очень пристойно, даже достойно: дядя Славик - крёстный отец (без всякого оборотного смысла) и ни разу ни одного намёка на гениальность крестника.

Миша продолжал рассказ:

- Помнится, мы с Любаней пришли к ним в начале апреля, на Богородицу, и засиделись до полуночи. Вышли вместе, идём по улице. На небе Луница полная, ни облачка. А идём на север. И видим вдруг невысоко над горизонтом пологую туманную дугу. Вроде радуги по форме, только не цветная. И в одном месте - пятнышком - яркость её повышена. Как будто слой дыма высвечен из-за леса автомобильными фарами. И смещается пятно по дуге. Только всмотрелись, над этой дугой возникла вторая, от пятна потянулся вверх луч, а рядом с лучом - туманная "занавесочка", типичная форма полярного сияния. Заспорили: бывает ли сияние в апреле, если оно на нашей широте и зимой - не каждый год. Пока спорили, как тот Фома насчёт верблюда, сияние разрасталось. Пошли сполохи, лучи, ещё "занавесочки". Всё это помалу поднималось от горизонта и постепенно заняло всю северную полусферу. Представь: стоим спиной к ярчайшей Луне, звёзды сияют, будто Луна им - не помеха, а перед нами - тоже звёзды - обе Медведицы, Лебедь, Кассиопея - всё хорошо видно, но - сквозь прозрачные сияния. К двум часам ночи было уже две высоких дуги, несколько пятен на них, несколько медленных "занавесочек", уже с оттенками зелёного и красного, лучи били в зенит из разных мест, а в самом зените - вот говорю и сам себе уже не верю - медленно вращались три крыла на одной оси - наподобие вертолётки, только очень медленно. Но главное потрясение - сполохи. Волнами, со всех сторон, будто подпитывая собой эти "крылья", и с такой скоростью, какую описать я не в силах, хоть вы и дразните меня поэтом. Это просто сводило с ума. Ну как описать пролетающий мимо тебя свет?! "Я видел скорость света" - разрешено ли хоть какими-то нормами так выражаться?.. Наши дамы вросли в землю и дрожали, потому что апрель же, прохладно. Пришлось их греть. Так и простояли до утра, две обнявшиеся парочки. Жалели всех, кто в это время спал, но в окна стучать не решились... Только к половине шестого начало гаснуть... Ну, так вот: стояли, стояли, и Витя вдруг говорит: "КОСМОФОНИЯ". Мы переспросили, и он объяснил, что слышит все звуки этого небесного представления. Вполне похоже на музыку. Мы поставили вопрос ребром, и он признался: "Только - никому: ко мне вернулась гениальность". Стимулятор Дорошенко не стимулировал, а ПРОБУЖДАЛ все способности. Сейчас ты, Евгеша, пятый человек, который об этом официально знает.

Тут оба засмеялись, и Виктор объяснил:

- А неофициально меня здесь уже все гением называют. И в Ягодке, и в Первенске. Шило в мешке ведь. Кого полечишь, кому поможешь, кому подсказешь... И все это держат в тайне! В общем, умора. Один только сын не в курсе: для него гениальность - норма.

Тут я заволновался:

- А как же Вертухин?

- Никак. Евгешку он пестует и наблюдает, это ясно. Но какие ставит цели - пока не представляю. Убедились, что резких движений он не любит, уже хорошо. Пост начальника областного СОМа он открыто называет своим потолком, стало быть, достоин большего и сможет многое. Чую, что САМ зла не причинит. Но он - человек тоже не свободный, мы понимаем, что под приказом ходит... В общем, когда будешь у батюшки Александра, поинтересуйся, в каком состоянии дискорд, да подшамань, если надо, да намекни батюшке, что бережёного, мол, и Бог бережёт. Нехай, мол, тот тракторист, Серега, который тогда помогал испытывать аппарат, не забывает меня...

Я засмеялся:

- Он не забывает. Он в Настю до сих пор тайно влюблён, всё приветы ей передаёт... Но что ж твоя сегодняшняя космофония? Я проспал полярное сияние?

- Да нет. С той апрельской ночи я слышу эту музыку постоянно. Собственно, не музыку, а-а-а всё сразу, что ли...

- Мешает, поди?

- Представь себе - нет. Я ж говорю, это нечто иное... Ну, ты ведь знаешь, что время - понятие чисто теоретическое, для удобства вычислений, не более. Та субстанция, в которой мы существуем, для меня называется Информацией. Слов опять не хватит, но попробуй представить. Материя, энергия, движение, события, которые были, имеются или ещё не произошли - всё это клубится в безразмерном объёме Информации, и время тут значения не имеет. Важно место. Важен ты сам. Потому что каждый из нас в этих потоках и завихрениях ориентируется по-своему, в зависимости от своих врождённых свойств. Наивысшая чувствительность к этой Информации называется у людей гениальностью. Но и виды гениальности - разные: или ты гений в чём-то одном (читать не умеет, дурак дураком, зато как играет на трубе!), или воспринимаешь несколько разных потоков. Меня дядя Сева сделал универсалом. Но, если помнишь, универсального гения можно сделать только из личности, не имеющей от природы ни одного выраженного таланта. Так вот, музыкальные гении

слышат из космофонии только звуки, а я - слышу ВСЕ. Скажем так: постоянно пропитан информацией, но она при этом не хаотична, а как бы гармонически выстроена, и при этом льётся, клубится, светится, даже вкус имеет... Беден язык... Но ты понял, я вижу.

Я сказал, что да, понял. И спросил, почему же тогда он так выделяет: "Ночью была космофония".

- А так я называю отдельные потоки... тематические. В данном случае была подсказка для твоих поисков. Но пришлось сделать предисловие, чтобы ты принял всерьёз то, что скажу.

Тут он внезапно замолчал и нахмурился.

Мы молча ждали.

- Ну вот, - заговорил он, наконец, - опять не хватает слов. Я как тот оракул, у Шекли, кажется: может дать ответ на любой вопрос, но никто не может правильно спросить... Короче, Евгеша, вижу я некий слоёный пирог. Это - наше общество. Один из тоненьких слоёв как бы высвечен и что-то излучает. Это излучение - смертельно-выборочно, мнимо-излечительно (не вдумывайся!), однако оно гаснет сразу, не разгорается, другим слоям не передаётся, хотя и пронизывает их ВСЕ! Этот слой очень тонок, другие подавляют его своей массой. Он - как узенькая световая щёлочка в штабеле досок, но и одновременно он схож с вареньем или с кремом, которым пропитывают торт насквозь... Нет, невнятно! Я не вижу и не могу видеть лиц, мне не хватает каких-то подробностей. Я вижу явление в целом. Я чувствую, что тебе там придётся крепко побывать. И будут потери...

- У кого?

- И у тебя, и у окружающих... Образы, образы, без подробностей. Выйдешь ты жив, но потрясён... Варианты движения событий - в тебе, в твоих действиях... Не требуй большего, не могу. Одно скажу ещё: удивлён будешь... Расскажешь потом?

Уезжал я, понятно, в тревоге. Чувствовал себя обескураженно, как мастер, сбитый на пол новичком. Но решимость - окрепла. Я войду в это подполье, я взорву его изнутри!

Игнату я вёз подарок от Кунчо - большую серебряную ложку. Он вручил мне её на вокзале и при этом сказал:

- Враг Малюхин! Разве ложка хуже пули? Спроси об этом Игната.

Лежал в моём портфеле и список, добытый Мишей. Никаких представителей прессы из Томска в нём не оказалось. Это наводило на удручающую мысль: организация, которую я самонадеянно намереваюсь взорвать изнутри, либо очень мобильна либо весьма разветвлена. В обоих случаях - трудноуязвима. Как тот крем, который можно съесть только вместе с тортом.

Обглоданная косточка.

Когда вернулся, семья ещё спала. Дверь я открыл сам, чтобы их не будить.

Едва начал разуваться, зазвонил телефон.

- Евгений Владимырьч, здравствуй, с возвращением! Вертухин беспокоит. Ну, как там мой крестник?

А ведь я никому не говорил, что еду в Ягодку. Я ответил, что мой тёзка процветает и передаёт дяде Славику привет. И без паузы спросил:

- Но у тебя, мой капитан, конечно, другое дело ко мне в такую рань?

- Ты всё забываешь, что я уже майор, - моё упоминание о рани сделало его тон извиняющимся, но напора не убавило. - Дело, да такое, что и не знаю, как подступиться. Жалко отрывать тебя от отдыха, но надо бы встретиться...

Он знал, конечно, что в поезде я выспался, поэтому стоило не откладывать встречу, и я назначил прямо на сейчас:

- На лавочке, напротив твоей конторы.

Аля уже стояла рядом в ночной рубашке.

- Опять что-то завертелось? Мокрых дел только не бери. Ты из-за них спишь беспокойно.

- Да это Вертухин. У них все дела сухие и тёплые. Я быстренько, на часок. Никто не звонил?

- Звонила. Юная брюнетка с синими глазами. Но не жгучая.

Такой ответ всегда означал, что ну кому я нужен.

Труднее всего расставаться утром, особенно сразу после командировки. Поэтому и мне захотелось сказать в ответ что-нибудь ласковое. Я сказал:

- Между прочим, и Маковы, и Темниковы, и даже Кунчо - все догадались, что твою фольклорную сказку ты сочинила сама!

И успел захлопнуть за собой дверь на целую секунду раньше, чем тапок до неё долетел.

Вертухин, одетый в штатское, ждал меня на скамейке.

- Привет, мой майор!

- Вот то-то.

- Прости, зависть попутала.

- Ничего, и частному сыску человеческое не чуждо.

У нас с ним шла постоянная игра в чуть подтрунивающих, но уважающих друг друга конкурентов - может быть, как протест против засилья иноземных боевиков, заполонивших тогда все телевизионные программы. Собственно, тон задавал он, я только поддерживал. Полагаю, в действительности он всё же чуть-чуть завидовал моей сомнительной свободе - так цепной пёс завидует бродячему. И так же сытый домашний пёс ждёт встречной зависти от голодного бродячего. Я сел рядом.

- Похоже, СОМ хочет поделиться с ёршиком обглоданной косточкой?

- Извини, Владимирыч, - он покрутил головой в полном огорчении. - Я бы тебе всю добычу отдал, да ты сам от неё уплыл. Ночью, пока ты ехал домой, в Первенске убили прокурора.

Я чуть не вскричал: "Кунчо!" Я даже успел в один миг представить, что негодяй Кунчаев выкрал у Миши револьвер, зарядил сэкономленным патроном с серебряной пулей, но при этом вес подаренной Игнату ложки полностью соответствует весу украденных у меня пуль, и этот факт даёт врагу полное алиби...

Я медленно, с наползающим на лицо удивлением повернулся всем телом к майору.

- Подробности?

И думал при этом: "Только не серебряная пуля! А ведь у него пижонства хватит..." И боялся так думать, чтобы не накликать ответ...

- Задавлен, - был ответ. - Рыбачил ночью с тремя мужиками, сидел у костра, упало дерево - и наповал.

- Почему же "убили"? Несчастный случай.

- Да нет... Дерево было заранее... подгрызено. Ну, чего так смотришь? Сказали мне. По радио. "Подгрызено так, как подгрызает бобёр".

Я заявил, что и это может быть случайностью. Он возразил:

- Сказали, что такие толстые деревья бобры никогда не грызут. Кедр в обхват... И рядом валялась жердь, которой дерево подтолкнули. И следы сапог... Впрочем, на хвое - какие уж следы... Ну и ещё есть детали... В общем, был там человек, который толкнул.

- Он же и подгрыз? - Я шутил и прислушивался: не выдаёт ли тон мою тревогу.

- Он же и подгрыз, - Вертухин повторил мои слова без тени иронии, даже с нажимом и с твёрдым милицейским взглядом. - Ты знаешь, Владимирыч, кого из грызунов я имею в виду. - И вдруг спросил в упор: - Ты с ним встречался?

Вопрос был ужасный. Я его уже ожидал, потому что знал о единственном, но остром контакте Вертухина с Кунчо. В той свалке, когда Семёныч прикрывал бегство Маковых. Пока сомовцы у нашими разведённого костра зализывали царапины от его ножа, оборотень крысой выбрался из простреленной и связанной энцефалитки и без своих излюбленных эффектов тихонько удалился. Так что ожидать от него превращения в бобра каких-нибудь медвежьих размеров Славик имел основания, и не стоило морочить ему голову. Но в моей голове как раз в этот момент что-то заело, и я молчал уже десять секунд, а майор Вертухин смотрел на меня глазами победившего конкурента и с показным терпением ждал. Он уже имел право презирать бывшего супермена, потому что любой из возможных ответов на его вопрос можно было дать гораздо быстрее, чем даже за половину этого срока.

Я провёл эти секунды в напряжённейшем раздумье.

Говорить ВСЮ правду значило впутывать Мишу, а это кошмар: инспектор УОПР дружески чаует с врагом человечества и уже одним этим благословляет его на преступление, а может быть, даже и вступает с ним за чаем в преступный сговор. Да и за чаем ли? Да и сам ты, Малюхин, не соучастник ли тайный? Сказать же, что я не видел Кунчаева, что-то мне мешало. Честь - само собой, но что-то было кроме. Может быть, опасение. Глобальная осведомлённость Вертухина могла распространяться и на нашу с Кунчо встречу у Темниковых, и лучше всего было бы отдать майору такую правду, которая не вредила бы нам с Мишей. Но быть убедительной ей, конечно, следовало.

Размышляя таким вот образом, я смотрел на Вячеслава загадочно, покачивал головой испытующе и улыбался хитро. Десяти секунд для такого упражнения совсем не много: визави при этом тоже ведь должен задуматься.

- В самую точку, начальник, - вот что я ему сказал. - Ты как в воду глядишь. И сейчас ты будешь поражён не меньше моего. Кунчаев вошёл к Темниковым за минуту до меня, я видел его спину. Я из-за этого даже поспешил: думал, не убивать ли идёт - а вдруг Любаша дома одна. Но он приходил с миром. Он предложил нам с Мишей - держись крепче! - "начать террор против государственных злоупотребителей". Именно вот в такой формулировке. И назвал прокурора как мишень номер один, притом дословно: "Первый вор - прокурор". "Мне, - говорит, - без разницы, каким способом будет достигнута справедливость. Важен результат. И наши, - говорит, - цели тут совпадают". Сказал, что представляет некую организацию, как он выразился, "по прополке сорняков". Тебе ничего не вспоминается?

- О-о, "тридцатка"! - Майор вспомнил мгновенно. - Дело не умерло!

- Вот, - говорю, - именно. Маняша сказала, что ты подключаешься к нам, поэтому сразу вопрос: что-нибудь уже знаешь в этом направлении?

Я мог собой гордиться. Все собаки повешены на неуловимого и закоренелого врага да ещё и перехвачена инициатива: теперь, быть может, мой друг и соратник Слава Вертухин хоть что-нибудь подскажет о "Ветеран-Сервисе". Притом практически без моей инициативы - просто в ходе беседы, затеянной им самим.

Пришла его очередь задуматься. И он тоже думал не дольше моего.

- Верить ли, Владимирыч, я ведь чего-то подобного и ждал.

- Почему?

Я не без страха ждал, что он ответит как-нибудь так: "Взяли тут наши в разработку одну томскую шайку, "Ветеран-Сервис" называется..." А меня устраивала только ПОДСКАЗКА, не более, ибо в случае прямой разработки... Да, в случае прямой разработки "В-С" - я это вдруг отчётливо почувствовал - частный сыщик Малюхин бросится не ловить Елену Прекрасную, а позорно спасать...

- Сам не знаю, Владимирыч, - ответил Славик.- Покойный Владимир Иванович говаривал, что в нашем деле главное - чутьё: на новое, на перспективное, на преступное, на невозможное... Вот я и чую, чёрт меня дерит: будто сгущается пространство, будто воздух напрягается. Но - не более того. А кому такое скажешь? Да от начальника СОМа никто и слышать не захочет. Только вот вы с Игнатом Николаичем...

Вот так! Разочаровал в деле, зато потряс душевно. Если не врёт, конечно. Но если не врёт, надо не столько опасаться, сколько приближать его и нагружать: дело-то общее, да и память о Дружбине играет свою роль.

А он продолжал потрясать:

- Ты замечаешь, что я с тобой хоть и на "ты", но по отчеству? Я на вас с Игнатом Николаичем смотрю снизу вверх, хоть и начальник СОМа. Вы ведь были на "ты" с дядей Володей...

Он замолчал. Надо было правильно принять такое признание, и я сказал:

- Всё нормально, Славик. Перед нашим делом мы все равны - и Марина Марковна, и мы с тобой. Это чего-то стоит, ты прав.

В общем, тут и не понять, кто с кем поделился обглоданной косточкой.

Мы проговорили вполне доверительно не меньше часа. Сошлись на том, что "сгущение пространства" оба чуем не случайно, и надо продолжать внюхиваться и почаще обмениваться результатами. Что же касается гибели первенского прокурора, то тут, как ни верти, приходится опять списывать всё на несчастный случай. Уж очень точно работает враг.

- Я бы его сам застрелил, - Слава держался со мной как с родным. - Ей-богу, не пожалею зарплаты, куплю серебряную ложку... Ты чего смеёшься?

Я рассказал, что однажды Кунчо выкрал у одного своего врага пачку патронов с серебряными пулями, отлил из них ложку да ему же и подарил.

- Догадываюсь, с кем это было, - сказал Слава сквозь смех. - И кстати, если уж мыслить не по закону, а просто по-человечески, то за этим прокурором действительно вились верёвочки... Народу нагубил, думаю, не меньше, чем Кунчо. - И вдруг спросил: - Ты ему, небось, и руку пожимал?

- Кому? Прокурору?

- Да нет! Кунчаеву.

- Пожимал. Дважды. А что?

- Ощущение интересно.

- Вполне мужская рука. Не холодная. Да ты ж его вязал.

- Так и ты вязал.

Посмеялись, и он на прощанье пошутил:

- Ну что же, будем беречь общих врагов - ради объединяющего начала.

И ушёл в свою контору - как раз к началу рабочего дня.

По дороге домой меня развлекала довольно неуютная мысль - продолжение вертухинской шутки: если общие враги нас объединяют, то общая цель, что же - наоборот? Её ведь, достигнутую, делить придётся?! Клад капитана Флинта... Земля обетованная... Справедливая власть... То есть, долой химеры, да здравствуют честные враги?..

- Ага, явился! - Аля была дома одна, Матвей успел убежать на тренировку. - Всё, никуда сегодня не пойдешь, я соскучилась. Садись, ешь и признавайся, что за дела у тебя с этим бронеголовым?

У нас с ней есть любимый анекдот: "Полноценно живёт та женщина, рядом с которой всегда пять мужчин: муж, друг, любовник, врач и начальник." Дальше там перечисляется, кому из них что можно рассказывать и что - показывать. В нашей семье мужу с самого начала доверены сразу три первых должности. Но за это и жене полагаются привилегии не меньше.

Когда все мои функции были осуществлены в полном объёме, учёная жена высказалась по поводу ситуации, в которую я попал:

- Эта дамочка, конечно, постарается тебя соблазнить. Поддаваться или не поддаваться - дело, разумеется, твоё, но учти: если не поддашься, никакого доверия от неё не дождёшься. Уж такие мы твари, так устроены. Больше говорить практически нечего, поскольку все твои предыдущие действия были, по-моему, с этой фифочкой - вполне профессиональными, а с бронеголовым - даже выше уровня. Остаётся отец Александр. Владимир Матвеевич сегодня как раз у него, так что повода для визита искать не надо. Хотя и не до конца ещё раскучилась, но ради такого дела до вечера отпущу. Ваньку опросишь потом, в рабочем порядке, только учти: что-то в его действиях мне не по душе. - И повторила: - Учти это... По-моему, в худшую историю ты ещё не влипал. Может, это как раз тот случай, когда лучше быть одну минуту трусом, чем потом всю жизнь - покойником.

Кто говорит, что жена-мудрец - это плохо, тот или врёт или глуп без скидок. Другая устроила бы сцену, предложила бы выбирать между семьёй и работой, и результатом была бы ненависть - к работе, семье, к себе, ко всем и вся. Куда приятнее - в нашей-то короткой жизни - точно знать границу, как между государствами: вот семья, а там, за дверью - работа.

Я снял с крючка велосипед, поцеловал главу своего государства, пообещал крепко задуматься над последней идеей, пересёк границу и покатил в Излучное.

Обречён на одиночество.

Стоял понедельник, и посетителей во храме я видеть не ждал: трудовой люд Излучного унял свою тягу к высшему ради добывания хлеба насущного - до следующей пары выходных.

Ворота, тем не менее, были раздвинуты как раз настолько, чтобы два человека могли в них разминуться без неудобств.

Поскольку время уже подошло к полудню, я поехал прямо к жилому флигелю и не ошибся: отец Александр и дед Малюхин беседовали. Правда, не было в беседе привычной неторопливости: пятидесятилетний дед заканчивал обед, а столетний отче, похоже, собирался переодеться.

- Здравствуйте, отцы! Хлеб-соль!

Оба одинаковым жестом обозначили моё место за столом.

Я привычно сравнил их внешность и отметил, что мой Владимир Матвеевич постарел ещё немножко, а батюшки, как всегда, не убыло - как в Гулаге запретил себе стареть, так и держится.

Оба были в спецовке - стало быть, Вечный Поп помогал мастеру что-нибудь вырезать. Последнее время они трудились над завершением иконостаса.

- Что Алевтина? - Этот вопрос батюшка всегда задавал первым. - Что Матвей?

Уменьшительных суффиксов к людям он никогда не применял.

Обычным "нормально" или "всё в порядке" здесь было не отделаться. Если отче задавал вопрос о ком-то, кого знал, рассказывать следовало подробно.

Однако на сей раз за вопросами последовала непривычная просьба да ещё тоном извинения:

- Только, Евгеша, постарайся уложиться в две минуты, да я оставлю вас на часок.

Я с удовольствием уложился в две минуты. А когда батюшка, переодевшись под мой рассказ "по форме", ушёл в храм, я уставился на отца с вопросом:

- Не помню случая, чтобы сей великий муж куда-то спешил.

- А я бы и тебе советовал, - был ответ. - Испей у истока великого деяния.

Мы с моим стариком всегда говорили об отце Александре в таком высоком штиле, притом не жалели иронии, чтобы не слишком предаваться уважению. Честно говоря. Вечный Поп для меня по сегодняшней день остаётся чем-то вроде ожившего Эльбруса или пика Победы.

Я возразил, что, мол, неловко без приглашения. Но отец ответил, что уполномочен пригласить меня, хозяин храма считает посредничество в таком деле более деликатным и более убедительным: за глаза легче отказываться, легче переживать отказ, но зато и чести при согласии - больше.

Пришлось пожать плечами и следовать за отцом в храм. Там он сразу уединился в приделе, где резал из кедра ангелочков, то ли духов каких-то, а меня подтолкнул к центральному залу.

То, что происходило под сенью купола, на сей раз не походило ни на проповедь, ни на молебен. Скорее помещение напоминало школьный класс. На католических лавках сидели не старушки и старички с приобщаемыми младенцами, но как раз полная их противоположность, самая подвижная и самая неуправляемая часть человечества - так называемые подростки. То, что они сидели так тихо и внимательно, по моим представлениям могло иметь одну из двух причин: либо батюшка собрал для церковного обучения тщательно забитых и безвольных либо ему доставили из городского специнтерната, полсотни слабоумных старшеклассников, пригодных только к простому труду да к спариванию. В обоих случаях был повод для удивления: в структуре церковных служб Излученского прихода богадельня пока что не предусматривалась по причине нерентабельности, ибо лишних денег у настоятеля давно не водилось. Цех народных промыслов лишь кое-как себя окупал, спасаясь

от голода полеводством, турбаза "Под Богом" тоже мало грела, а деньги по акциям "Северзолота" поступали в последнее время нерегулярно да и недостаточно.

Ничего с первого тычка не поняв и не придумав, я обратился в слух, стоя за спинами слушателей у колонны.

- Чада любезные, - гудел отец Александр, - я всех вас знаю одинаково - никак. Но зато я вижу вас собственными глазами, и этого довольно. Я ВИЖУ вас. ВИЖУ и люблю тех, которые будут ходить сюда постоянно, каждый выходной день, и не только во время обучения институтского, но и потом. ВИЖУ и тех из вас, которые не придут ко мне больше. И их тоже люблю. Всех вас люблю, ибо ВИЖУ в вас главное: духовную беспорочность. Никто из ваших школьных учителей, приславших вас ко мне, ошибки не допустил: все вы - учителя Божьей милостью, хотя и не все верите в Бога. Все вы будете творцами человеков. А я хочу от вас ещё чуть-чуть большего. Чтобы вы умели выделять среди своих будущих учеников таких же, как вы, учителей от Бога и вели бы их по жизни и учили бы их не только учительству, но и отбору всё новых учителей. Беден да ещё и расточителен тот народ, который с самого детства не готовит себе учителей. Быть такому народу вечно нищим, вечно обманутым, ограбленным, униженным... Горе народу, в котором учитель - не первый среди людей, не главное лицо среди граждан. Ибо чиновников можно нанять, вождей - избрать, управляющих - обучить. Учителя же, чада мои, - Вечный Поп торжественно возвысил голос, - учителя народного можно только воспитать, да и то не из всякого... И довольно общих слов. Я научу вас этому делу, ибо институт ваш назначен для целей более простых и прозаических. Потому и призвали мы вас во храм, ибо есть во храме некая тайна, через которую легчает дорога к человеческой душе. В высоте ли потолков тут дело или в расположении сего заведения - нам это без разницы, верно?

Слушатели не ожидали такой несерьёзности и весело задвигались. Тут лектор и сменил тему.

- Среди нас, чада, есть сегодня человек, которого я без натяжки назову экспертом по обратной стороне человеческой души.

Следуя сцене взгляду, все лица обернулись ко мне. Глаза и в самом деле у всех оказались смыслёнными - если, конечно, позволительно так выразиться: "смыслённые глаза".

- Имени называть не стану, - продолжал батюшка, - а назову его просто моим другом, одним из ближайших. Его ошибки сродни учительским, хоть и работает, как я сказал, с обратной стороны, с изнанки... Угадали? Самый настоящий сыщик перед вами. Человек особо страдающий, ибо не только его собственные ошибки чреватые, но и чужие - родительские, учительские и прочие - все у него перед глазами, а исправить - уже нельзя. Можно сказать, к нему направляем мы с вами весь брак нашего труда. Поглядите на скрытую, но вечную скорбь в его глазах и запомните. Наша задача, - он ярко и озорно улыбнулся новой мысли, - оставить его без работы. То есть, не его, конечно, а хотя бы его внуков, которые, разумеется, пойдут по его стопам.

Тут падре снова сменил тему и заговорил уже о деле. Стал приводить цифры и вполне убедил, по крайней мере, меня, что при идеальной постановке педагогического дела на планете уже не было бы преступности. Для этого требуется всего лишь...

Я перестал слушать. Чем убедительнее выглядят идеи умного человека, тем меньше шансов на их осуществление. В любом обществе и при любом режиме. Этот закон открыл я, на собственном опыте, хотя не сомневаюсь, что на соавторство может претендовать любой умственно здоровый человек: спроси кого угодно и он приведёт не менее двух случаев, когда предлагал людям нечто дельное, но был осмеян или обойдён вниманием. Многие после этого вообще перестают участвовать в прогрессе.

Может быть, и правильно делают.

Я обозвал про себя отца Александра Очередным Великим Мечтателем, дождался, когда он хорошенько отвлечётся на благодарных слушателей, и отпятился к выходу.

Может быть, в другом состоянии я даже увлёкся бы идеей: вознести Народного Учителя на достойную его высоту, постепенно захватить для него пост Властителя Дум, а уж он-то сумеет сделать человечков - Человеками... Однако злоба дня нагружала меня совсем иными задачами. Я стоял с тяпкой перед Запущенным Огородом, на котором не было крайних, чернорабочих вроде Ханова с Тетеревым или мифического Фотокиллера с Братаном. Крайним был я. Прополка зависела от меня. Вся ответственность за жизни сорняков предлагалась мне. "Мы распределили вам смерть, и Нас не остановить". Решусь ли именовать себя с большой буквы и попытаюсь-таки остановить самосуд? Или сам приму в нём участие? Или предпочту быть минуту трусом?.. Впрочем, надо ещё, как говорили в древности, условиться о понятиях. Самосуд разгорячённой толпы и самосуд тайной организации, экспортирующей справедливость - это вовсе не одно и то же. Тетерев с Хановым не были организацией. Их акции - суд одиночек. А что стоит за Еленой Кешевой, я пока не знаю: Слово и Дело - вещи разные. Поможет ли мне Вечный Поп отличить благородный самосуд от изысканной прихоти пресытившихся опасностями садистов?.. Ну, спрошу о возможных прихожанах из "В-С", а что получу в ответ? Если никто об этой организации не догадывается даже на уровне Марины и Вертухина, то можно ли надеяться, что подобная информация просочится на исповеди? Да отнюдь!

Как же я сразу-то не сообразил: они просто делают свою работу, аскетически отказываются от малейших лавров вроде "взятия на себя убийства" - не то, что какие-нибудь зарубежные политические террористы. Они ЧИСТЯТ, и никто из них не станет каяться в убийстве, потому что полагает его, безусловно, добрым делом. Такой убийца даже не подумает об исповеди, не то, что идти на неё. Он в церковь если и заглянет мимоходом, то или по светскому делу или чтобы убить свободное время или, на самый крайний случай, чтобы вдохновиться перед операцией. Не более того.

Долой из храма, сыщик! Нечего зря беречь душу добрейшему и чистейшему из батюшек. Свою часть педагогической работы он выполняет чисто, и не надо требовать от этих рук крестного знамения на убийство.

Словом, я окончательно убедился в неизбежности своего одиночества. Сел на велосипед и, ни с кем не простившись, отправился восвояси. Только оглянулся - для вдохновения - на христианский крест, украшенный буддийскими запятыми, мусульманским полумесяцем и двумя звёздами - пятиконечной и Магендовидом. Мечта прогрессивного человечества. Ликвидируй всех несогласных - и вот тебе рай земной.

Был, правда, ещё один взгляд - на дисколёт Витюши Макова. Вертолётный фюзеляж со срезанной хвостовой балкой так и стоял на дощатом помосте, с которого однажды едва не взвился в небеса. Выглядел он вполне ухоженно, как музейный экспонат под открытым небом: "Смотрите, дети - вот на каких аппаратах ваши предки одерживали первые победы над гравимагнитным полем Вселенной".

Рандеву с демоном.

Леди Самосуд - иначе я её теперь не называл. Правда, только заочно и про себя. В глаза и вслух, конечно, говорил другое, половинно-лестное: леди Елена. Но - дело прошлое - могу поклясться, что при совершенно очевидной влюблённости она до самого конца представлялась мне демоном. Демоном ясного ума. Демоном обаяния. Демоном чистой красоты. Но всегда демоном, а не гением, хоть эти слова и синонимы формально. При всём том, что ничего внешне демонического в ней не было.

Я позвонил в редакцию и назначил встречу: "На том же месте". Когда пришёл к обрыву над Томью, она уже сидела на "нашей" скамейке. Приветствовала интимным прикрытием глаз (ах, ресницы по полметра!) и проворковала:

- Всё вижу. Ты готов швырнуть первого злодея под колесо истории.

Откровенно и без стыда цитировала исповедь Фотокиллера! Я сказал:

- Но сначала - несколько вопросов.

- Я все их знаю, - был ответ. - Кто был тот самоубийца из "психи", правильно? Кто такой Братан? Какое отношение имею я? При чём здесь доктор Терехов? Как управляется наша организация? Что за люди в неё входят? Не пора ли сдать нас властям... как честный сыщик, да? Ну, ещё "для начала" кое-что, не будем вдаваться. И давай вообще не будем пока вдаваться. У нас впереди вечность, милый Евгений Владимирович. За это время на все вопросы будет отвечено. А пока, для начала, ты, думаю, сам ответил на главный: почему мы обратились к тебе. Выбрали из всех и пригласили. Сомнительна ли такая честь... Я уверена, что ты ответил, но вслух произносить такие слова о самом себе - неловко. Я, с твоего позволения, их произнесу, а ты кивни, если угадаю... Ты избран за обострённое чувство справедливости, за способность к самостоятельным решениям и за склонность к самосуду. Так?

Вот личность: вопрос, обращённый к себе, задала спрашивающему, сама за него ответила, а теперь кивай. Пришлось кивнуть.

Тогда она извлекла из своей сумки тонкий конверт и положила мне на колено.

Мы сидели спиной к почти пустому Лагерному саду, и видеть, как я получаю первое задание, можно было только из-за реки, в очень сильную оптику, то есть, попросту никак.

- Как в паршивом детективе, - Елена говорила спокойно, даже с некоторой обидой. - Как в той песенке: "Хорошими делами прославиться нельзя".

Я спросил:

- Кто?

Она ответила:

- Первое дело - лёгкое. Это твой почти клиент по сыску. Ещё немного, и ты вышел бы на него в деле о детской проституции. Но за ним не только это, прочтёшь. И - специально для начала - никаких родственников. Некому оплакивать, некого жалеть.

Я убрал конверт в свою папку. Надо же, всё предусмотрели.

- А теперь, - она поглядела мне в глаза, - в интересах конспирации, давай легонько поцелуемся. Будто бы по твоей инициативе. Можешь?

Я смог, даже не оглянулся. Она тоже смогла. Обоим не было противно.

Вообще интересная штука - эти межполовые отношения: во время их осуществления совершенно забываются любые дела, какими бы грозными они ни были. Вероятно, в этом одна из высших премудростей природы.

На прощанье она сказала:

- Не торопи события, ладно? Ты честный, а честность любит спешку и часто ломает дрова. За это её сами же честные и проклинают, если они умные. В общем, не спеши. Ты попал к своим, можешь не сомневаться. Когда всё узнаешь, будешь приятно удивлён. Доверяешь мне?

Я кивнул.

- Тогда внимание: ВСЕ контакты на ЭТУ тему - только со мной.

Я снова кивнул.

Досье на мою первую жертву содержало всего несколько страничек. Но то были документы, которых мне как раз не хватало, чтобы найти организатора детской проституции.

У меня есть правило, которому никогда не изменю: не рассказывать о технологии преступной деятельности. Хватит с нас и тех преступлений, которые совершены по подсказкам из детективной литературы. И здесь, и в других местах я не буду демонстрировать свою осведомлённость в негодяйской деятельности. Они ловчили и подличали, я раскрывал - и дело с концом.

Так вот, этот мой клиент - пусть имя ему будет Гостяев - оказался, кроме прочего, идейным борцом. Выкrest и предатель великой науки педагогики, он хорошо знал возрастную психологию, и это помогало ему легко находить смелых девочек переломного возраста. Он объединял их в невинные кружки, студии, секции и очень быстро начинал поставлять клиентам. Общая очевидная подсудность обеспечивала нелегальность, а хорошая оплата её укрепляла. Большую часть денег девочки сдавали в "общий котёл" и не подозревали, что питают некую партийную кассу - так сказать, своими средствами участвовали в чужой политической борьбе. Да им на это было плевать - они при тогдашнем обилии партий ни рожна в них не понимали. Они вообще ни в чём не разбирались и не хотели разбираться: платят - и ладно.

Конечно, любой согласится, что романтические страсти юных красоток - сила необоримая. Но меня эта сила ни с какой стороны не интересовала. Мне давно хотелось дотянуться до организаторов. До их поганого горла. И вот - Гостяев. Леди Самосуд рассчитала безошибочно: от такого задания честный сыщик Малюхин отказаться не мог. И даже то она учла, что сдавать гада властям я сам не захочу: слишком много хлопот ради нескольких лет тюрьмы - пустое занятие. Раствление ДУШ в уголовный кодекс не вписано. О душе вообще в законах почему-то даже не заикаются. Будто её на свете нет.

Словом, задание я принял и выполнил.

Клиента, кстати, знал давно, по разным культурным мероприятиям городского масштаба. И партию его знал - как и другие, впрочем - только с хорошей стороны - по газетам и листовкам. А что взять с партии? Они все - "в интересах народа".

Был он красавец: седая грива, греческий нос, мягкий рот, кроткий взор, бархатный голос. Я вошёл, когда он был один, назвался конкурентом, предложил обсудить взаимодействие - "с партийных позиций" и, едва сблизившись на дистанцию, рубанул рукой по левой стороне груди. Сам же вызвал "скорую". Инфаркт. Почти точное повторение первой акции Мефодия Ханова. Только он раздавил блоху, а я - паука.

Врачей дожидаться не стал, а ушёл тихонько в Лагерный сад, сел на ту самую скамью над обрывом и задумался.

Было над чем.

Получалось, что пришёл исследовать явление, не марая рук, и тут же, без малейшего сопротивления, замарался по уши. Следовательно, был к этому готов? Ибо ни одно человеческое деяние не совершается без внутренней к нему готовности. Родился ты с этой готовностью или приобрёл за ту или иную цену, но предъявить её изволь, если ты честный... Ну что же, отпираться мне тут было не в чем: если и не имел готовности врождённой, то приобрёл её во дни суперменства. Был убиваем и сам убивал. А скорее - родилась она вместе со мной: Витя Маков прошёл в десантном спецназе, да и потом, через то же, и боец он - не чета мне, а ведь не убийцей, лекарем стал... Плюс сюда же отмеченная Еленой моя "склонность к самосуду" - если, конечно, она употребима со знаком плюс...

А впрочем, был ещё нюанс, который я не решался сбросить со счётов: гипноз. Хоть и казалось, что всё делаю сознательно, а чёрт её знает, человеческую психику: вдруг красotka охмурила поцелуем, прикосновением, взглядом, дальнедействием каким-нибудь. Думал, что иду сам и убиваю сам, а оказалось, что думали-то за меня... Ведь уже не раз она угадывала мои мысли.

И как подтверждение - явилась сама. Подошла тихонько, без звука, будто спугнуть боялась, и села не близко - третий между нами свободно поместился бы. И посмотрела с такой страстью и с такой виной, что растерянному киллеру до невыносимости захотелось прижать её к себе и всю

пожалеть.

Гипноз? Уж я-то знал, как эта леди беспощадна и расчётлива.

А она помолчала, поразглядывала меня и - сняла с шеи некое украшение. Пересела поближе и показала мне тёмный камушек на простом шнурке. Шнурок был продет в отверстие явно природного происхождения. Я узнал камень:

- "Куриный бог"!

- Да, мастер. Это наш орденский знак.

- Орден за убийство?

- Не спеши. Подумай: орденский знак.

- А, знак вашего ордена...

- НАШЕГО. Твоего теперь - тоже.

Надела мне шнурок на шею и легонько, конспиративно поцеловала.

- Это, Женя, не амулет и не опознавательный знак. Ничего ритуального. Это индикатор. Для исполнителей.

- Что-что?

- Да-да. Носить надо на голом теле. Если ты делаешь что-нибудь несправедное, он нагревается.

- Сильно?

- Вижу, что не веришь. Но доказать не могу. Мне говорили, может даже обжечь. Но сама не пробовала. Видишь, какая праведница.

И показала такой же шнурок на своей шее.

Я подумал, что этот заменитель совести уже должен бы меня обжечь как следует - за то что целуюсь не с женой и получаю откровенное удовольствие. И Елена, конечно, эту мысль отловила.

- Насчёт наших с тобой тёплых отношений можешь не беспокоиться. Они вполне праведные. Поцелуй - не измена. Даже и большая близость - не измена, если при этом не думаешь худо о жене. Или о муже. Любовь всегда праведна. И хватит на эту тему. Поздравляю с началом... Противно было?

Я кивнул.

- Это хорошо. Нормально. Противнее, чем раздавить паука. Того хоть жалко немного... Что-нибудь спросишь? Только пока не очень сложное.

Я подумал и спросил самое простое:

- Ты сама - убивала?

Отозвалась не раздумывая - была готова:

- На такие вопросы нельзя прямо отвечать - худая примета. Даже у нас. Но ты поймёшь. Акции - дело мужское. Мы тебя ещё и потому позвали, что мужчин мало у нас. Мужчин вообще мало на свете. Помнишь анекдот про Сухумский обезьяний питомник? "Скажите, смотритель, эта огромная обезьяна - женщина или мужчина?" "Самэц". "Ну зачем же так грубо..." "Затэм, что мужчина - это тот, кто за всё сам отвечает. А это - самэц".

Я вскричал про себя: "Братан!" Это он любил иллюстрировать свои сентенции анекдотами, это он фотокиллера мастером называл... А Елена, не подслушав, продолжала:

- Теперь - мой вопрос. Тоже простенький. Супруге обо всём расскажешь?

- Это не женское дело, - так я ответил. Она оценила:

- Нэ самэц.

И оставила меня одного, пообещав долго не беспокоить - всё же первая адаптация...

И на том спасибо, леди Самосуд. Уединённых мыслей оставалось ещё достаточно, свидетели, помощники, собеседники - не требовались, если не сказать покрепче. Особенно женского пола... Может быть, с Ванькой я поговорил бы в тот момент - посравнивали бы меня с его пациентом. А ещё бы лучше - Игнат - душу излить. Но правильнее - в одиночку. Самосуд в высшем смысле слова - над самим собою.

Во что такое я влип? Странная, отчуждённая влюблённость. Мной начали повелевать, а я не уловил момента - когда, с чего и как. Она говорит мне: "Даже большая близость - не измена", и я соглашаюсь. Что за мораль: каменный век и камень - судья... Облегчённость до разнузданности или в самом деле прогресс? Да какой к чертям прогресс - в интимных отношениях?! Если они от века движутся по кругу: знакомство - симпатия - поцелуй - близость... Прогресс - только в увеличении скорости? Прогресс - во всём - только увеличение скорости. Всегда наперегонки с совестью, и всегда она приходит к финишу последней. И одерживает разрушительную победу. Над душой.

Нет, запутался вконец. Мораль, душа, совесть - не один ли чёрт?

О да, чёрт - тот самый, который тебя опекает и путает - он всегда один. И дело своё знает...

Вот такая примерно чехарда прыгала у меня в мозгу, и всё усиливавшийся ветер из-за реки ничего не мог с этим поделаться: не выдувалось. Я занял место фотокиллера. Я - занял - место - Фотокиллера!

Ванька, мой друг Ванька - соучастник этого охмурения! Его подослали с тетрадкой на крючке, а когда я проглотил, Елене оставалось только подсечь. И её крашенная старушка-подружка, эта Зина

Пантелеевна, наверняка выполняет там какую-нибудь техническую работу. Ишь, "эту историческую несправедливость ТОЖЕ не исправить"! Всё на своих местах.

Итак, на своих местах пока трое: журналистка, машинистка и врач-психиатр. Очень, кстати, сильный физически. Хотел бы я взглянуть, как доктор Терехов, выполняя очередное задание, высококвалифицированно нарушает клятву Гиппократата. Врачу, исцелися! И готовься исцелить меня, бо скоро, кажется, стану твоим пациентом...

А самые жуткие мысли, конечно, об Але. Ничего ей не говорить - это само собой. Даже не Думать об этом при ней, чтоб не почувствовала. Но она всё-всё-всё почувствует. Не бывало ещё такого, чтобы она - меня - не почувствовала.

Вот и главная задача ПЕРВОЙ адаптации: пусть Аля ничего не почувствует. Я осуществил её последнюю идею: предпочёл быть минуту трусом, отказался от каких-либо отношений с ужасной организацией, грохнул оземь профессиональную честь - ради более важного, ради семьи... Ну и так далее. Надо только выглядеть поубедительнее. Плохо врать умею. Особенно Але.

А может быть, ещё не поздно сделать первую адаптацию - единственной?

Подумать надо.

В одной теоретической книжке (кстати, очень интересной) я прочёл, что среди правил классического детективного романа есть такое: сыщика нельзя назначать в убийцы.

Забавное и милое правило для писателей. Позволяет автору тешить читателя изысканной психологией: в тонкостях описывать, как у сыщика чешутся руки на негодяев, а убивать - не позволяет закон жанра.

В этом смысле сыщик Малюхин Евгений Владимирович - самый рядовой и типичный пример жизненной правды. Впрочем, ладно, опустим планочку: не самый типичный. Но и не единичный. Чистые руки - хорошо, конечно. Но как посмотришь на попрание законов - постоянное, наглое, вопиющее, безнаказанное... Находясь внутри процесса попраiania, поневоле проникаешься убеждённостью, что расхожие пошлости, шуточки о правосудии - на самом деле непреложные истины. Например: "Законы создаются, чтобы их обходить". Или эта рифма: "вор - прокурор"...

Таковыми мыслями я занимал дорогу из Лагерного сада домой, которую проделал пешком. И к крыльцу убедился, что я в самом деле из тех, кто на организацию самосуда не пойдёт сам, но и не откажется, если позовут. Синдром "праведной вины", по выражению покойного (впрочем, покойного ли?) Мефодия Ханова. Я понял, что, как и Ханов, как Наина, как Миша, Игнат, как Вертухин, и, наконец, как Елена Кешева, отношусь к расе беспощадных праведников. Не из лучших, но, наверно, тоже зачем-то нужной в природе. И буду творить свои смертные бесчинства, и ни разу "куриный бог" не обожжёт мне кожу на груди, ибо этот камень - не замена совести и не охрана абстрактной доброты, а именно индикатор, отмечающий, как честность перед собой совмещается с честностью перед другими. Примерно то, что называется "жить не по лжи". Но лишь примерно.

Можно сказать, что за дверную ручку собственной квартиры взялся уже не я, а другой человек, который, сидя внутри, дождался своего часа, выглянул, сделал первое дело, захватил власть и вернулся на место с чувством глубокого удовлетворения.

Захватил власть... Над кем и над чем? Над душой? Над телом? Сам над собой? И сколько нас таких там, внутри, прячется и ждёт? Кто следующий выскочит? И что натворит? И кто же из них - Я, главный над всеми, умеющий всем приказать? Или там, внутри меня - демократия: все равны? А точнее - анархия: каждый сам по себе и прав тот, кто всех опередил?

Я стоял перед дверью собственной квартиры с ключом наперевес, как с ножом, и не решался впустить туда это чудовище с его "праведной виной", этого монстра из расы беспощадных праведников. За дверью - Аленькая, чистейшая душа, образец служения науке, обрабатывает какой-нибудь фольклор. И Матвейка, безупречный и бесстрашный рыцарь добра - ещё, чего доброго, ступит на скользкую отцову дорожку...

Не-е-ет, ребята! Только по эту сторону границы я позволю себе киллерство, монстризм и прочие выверты "праведной вины". В своём государстве это категорически отменяется: ни записей, ни разговоров, ни телодвижений. Двое нас: Я и Янус. Оба свободные, но один - по-домашнему, а другой, извиняюсь, по-дикому. Свобода для дома - одно, а свобода для общества - опять извиняюсь.

Ну разве можно было в таком возбуждении идти домой? Я спрятал ключ и отправился в Управление внутренних дел, к старшему эксперту Толе Тропину. Мы с ним были ровесники, но он уже дослужился в уголовном розыске до капитана, работал ровно и был на устойчиво хорошем счету, не то что я. Накануне он мне звонил и пригласил "встретиться для взаимодействия и по причине открытия новой расходной статьи". Понимать это следовало так:

"Есть небольшая работёнка за символическую оплату". Как вариант для разрядки нечего было лучше и придумать.

Шустрые покойники.

- Я сойду с ума, - Тропин ткнул пальцем в разложенные веером бумажки.

Я молча ждал продолжения.

Он встал, наклонился к бумажкам, ткнул в каждую пальцем, потом ударил по столу кулаком, сел и схватился за голову.

- Ещё немного - и сойду.

Я молча смотрел на бумажки, одинаковые, как игральные карты. Все тексты имели что-то внешне общее. Будто специально для эксперта Тропина следственный отдел перепечатал из популярных журналов сходные логические задачки: "Если А и В никогда не встречались, а С и Д дружат с В, то кто убил Е, который поссорился с А из-за Д, которого всего однажды видел с У на приёме у Х?"

Тропин молчал и молчал. Чтобы его расшевелить, я спросил наугад:

- Упражняешься в логике? - И добавил, потому что он не ответил: - В больших дозах это опасно.

Он вышел из-за стола и пометался по кабинету. На ходу ткнул кулаком боксёрскую грушу, пнул разбитый ящик с какими-то железками, пощупал пулевые отверстия в новеньком полуодетом манекене женского пола и оттолкнул детскую коляску, которая налетела на манекен, подпрыгнула на обрезке резинового шланга и наконец наехала на Тропина сзади, чем привела его в совершенное исступление. Он схватил коляску за изящно изогнутую дугу, потряс, будто одушевлённую, подпрыгнул и повесил её на бычий рог с картонной бирочкой, приколотый к стене довольно высоко. Из коляски на старшего эксперта посыпались пачки денег вперемешку с какими-то лекарствами и патронами от зенитного автомата калибра 27 миллиметров. Эта осыпь его почему-то успокоила. Он вялой ногой сгрёб осыпь в кучу и вернулся за стол.

- Да что случилось? - я задал наконец прямой вопрос, чем привёл его в окончательное равновесие.

- Лучшее состояние для душевного комфорта - определённость. И ты, Малюхин, должен меня туда вернуть. А почему именно ты, давай потом разберёмся вместе. Вот чую, что ты нужен - и всё.

Он вынул из веера крайнюю бумажку.

- Это наши сводки по городу. Замечай даты.

"Утром 16 июня неизвестный мужчина лет тридцати выпал на ходу из незакрытой двери переполненного троллейбуса и с признаками перелома основания черепа доставлен "по скорой" во вторую горбольницу. На водителя троллейбуса заведено уголовное дело за нарушение правил перевозки пассажиров. Опросить пострадавшего не удалось, так как он из больницы скрылся".

Я пожал плечами.

- Ну и что? Притворялся.

- Подумай, - Тропин был близок к возмущению. - Перелом основания черепа...

- Выживает один из тысячи, - продолжил я.

- Но и тому одному С КОЙКИ НЕ ВСТАТЬ! А этот - скрылся!

- А такой перелом нельзя симулировать?

Тропин возмущённо пожал плечами.

- Слушай дальше:

"Утром 17 июня неизвестный мужчина лет тридцати проник на территорию строящегося девятиэтажного дома (улица Советская, 106), упал с подмостков восьмого этажа, на которых отсутствовало ограждение. Доставлен "по скорой" в нейрохирургическую клинику с признаками перелома позвоночника. На производителя работ стройучастка заведено уголовное дело за нарушение техники безопасности. Пострадавшего опросить не удалось, так как он из клиники скрылся".

- Вот так совпадение! - сказал я.

- Ага, совпадение, - Толя саркастически ухмыльнулся. - Ты уже без посторонней помощи сообразил, что с таким переломом... Ладно же, слушай дальше:

"Утром 18 июня неизвестный мужчина лет тридцати проник на территорию завода стеновых материалов и был затянут под шкив ременной передачи одного из транспортёров. Доставлен "по скорой" в реанимационное отделение клиник медицинского института с признаками раздавления грудной клетки и удушья. Начальник формовочного цеха ЗСМ привлечён к уголовной ответственности за нарушение техники безопасности. Опросить пострадавшего не удалось, так как он из реанимации скрылся".

Тропин поднял на меня глаза.

- Ещё читать?

Я кивнул.

"Утром 19 июня неизвестный мужчина лет тридцати проник на территорию механического завода... Попал под ток... Электрошок... На главного электрика возбуждено... Опросить не удалось... Сбежал!" "Утром 20 июня неизвестный мужчина лет тридцати проник... Доставлен "по скорой"... Привлечены к уголовной ответственности... Исчез..."

- И этот бред, - он бросил бумажки на стол, - продолжается вторую неделю! Веришь, мы уже советуем медикам привязывать пострадавших. Прямо и буквально. По всем отделениям "скорой

помощи" распространили инструкцию, всем положили под стекло:

"За тяжело травмированными на производстве неизвестными мужчинами лет тридцати устанавливать наблюдение, чтоб не сбегали".

- И что же? Помогло?

- Они все отказались: "Мы не идиоты и не милиция".

- А вы?

- Мы... Ну, в общем, идут, как обычно, переговоры на высшем уровне, саботируемые на низшем, а отдувается один.

- Ты.

- Ну да. Всё прочее пришлось забросить, - он махнул рукой в сторону коляски, манекена и прочего.

Жалкое зрелище: матёрый криминалист выглядел младенцем, который похвастался, что умеет водить мотоцикл, а его взяли и усадили в седло - ручки не достают до руля, ножонки - до педалей, из-за фары ничего не видно впереди...

- Да он ещё и не заведён...

- Что? - Тропин встрепенулся. - Кто?

- Нет, это я про себя... Слушай, версия тут одна и дичайшая: самоубийца-неудачник.

- Думал, - Тропин отвечал вполне серьёзно. - Но дальше старого анекдота не продвинулся.

Помнишь, о существовании Бога? Батюшка говорит: "Звонарь упал с колокольни, но успел, пока летел, сотворить молитву и - Божьим промыслом - уцелел". Атеист возражает: "Случайность". Батюшка: "Так это дважды было". "Тогда совпадение". "Да он намерен и в третий раз невредим остался". "Привычка!" Но мне от такого оголтелого материализма не легче. Покойники исчезают, люди под суд попадают. Может, в нечистую силу уверовать? Так не привлечёшь...

Я возразил, что лучше бы отдельным гражданам технику безопасности выполнять... И прикусил язык. И спросил Тропина:

- А почему так важны для тебя даты? Ну, ежедневно... Ну и что?

- Сам не знаю. Просто чую, что крючок где-то здесь...

- А почему решил, что этот крючок - по моей части?

- Да не то чтобы по твоей... Просто свежий взгляд. Тут уже у всех мозги набекрень.

Я сказал, что раз такое дело, то надо рассмотреть положение комплексно. Пусть Толя предъявит весь городской криминал за вторую половину июня - вдруг из массы несвязанных событий выглянут какие-нибудь уши...

- Да ничего особенного не происходило, - Тропин пожал плечами. - Вот, всё перед тобой. Кроме бычьего рога, всё за июнь.

- А рог - что?

- Да так, вроде сувенира. В мае на мясокомбинате бык новичка забодал. Бойца. Сначала погрешили на убийство: лежит человек, из него рог торчит. Вдруг счёты свели? Народ-то на бойне - сам представляешь. Но ничего не нашли. Парня никто даже не знал, первый день работал. Рог свежеобломан, а вон бык в загоне, ещё живой и с одним таким же рогом. Убитого - в морг, а рог следователь забрал и мне подарил уже в виде вешалки: у японцев только каратисты быкам рога ломают, а у нас - даже покойники... Ерунда, в общем. Ну а другое - что тебя может заинтересовать? Детская коляска? В ней просто тайник с героином, собака чует, а вскрыть не могу. Мелочь, деньги эти - они к коляске не относятся. Прислали мне их анонимно, в качестве взятки, вот за эти патроны. Тоже ничего такого...

- А всё же?

- Да одна банда вымогателей наняла специалиста, чтобы перестрелять другую банду. Те должны были собраться в одном месте на автомобилях, а эти изготовили пулемёт...

- Где изготовили?

- Да что ж, у нас негде изготовить? На одном заводе. С этим разбираются. А патроны они купили у каких-то прапорщиков из гарнизона. Это дело военные нам не дают, сами копают. Думаю, закопают.

- А банду, что же, перебили?

- Нет. Когда исполнитель узнал, что один из последних патронов взорвётся и убьёт его самого, он обратился к нам. Разумеется, инкогнито. Подбросил патроны с запиской. Притом вытащил их, паразит, из ленты, а я теперь разбирайся, в котором из них вместо пороха динамит. Чтобы по отпечаткам на динамите... Словом, чепуха, не то. За это и взятка...

- Ладно. А манекен?

- Тоже не то. На почве ревности. Все имена известны. Купил один деятель на чёрном рынке пистолет, пришёл в женское ателье и расстрелял этот манекен, потому что он похож на его жену.

- Что за ерунда?!

- Вот именно, - Тропин, рассказывая, избавлялся постепенно от дурного настроения. - Жена работала в этом ателье и изменяла ему со старшим мастером. Он, муж, вбежал в цех, сгоряча принял манекен за жену и расстрелял. Его тут же скрутили, пистолет отобрали. А дальше начинается

не ерунда. После всей суеты старшего мастера обнаружили в его конторке убитым. Прямо в лоб, такой же пулей. Причём все в цехе уверяют, что стрелял тот бедняга, стоя спиной к конторке, а она вообще на втором этаже, за углом.

- Ладно. А что в ящике?

- На станции автосервиса пытались убить директора. Сбросили с крыши этот ящик, но промахнулись. Только ногу ему отшибли. Здесь интересно то, что убийца явно с юмором: все железки в ящике - дефицитные детали для японских автомобилей.

- В чём же юмор?

- По данным таможи, такие детали вообще не поступали в страну. Понимаешь?

- Нет, не понимаю.

- И я не понимаю, - Тропин даже усмехнулся. - Особо тонкая месть или намёк на контрабанду? Но, в общем, тоже не то, сам видишь. Рассказать о боксёрской груше? Её мне на день рождения подарили коллеги. Начальник отделения обещал наклеить на неё свой портрет, но что-то не торопится... Что ещё тебе интересно?

- Лекарства.

- А-а, это от головной боли. - Тропин встал, собрал с пола лекарства, одну таблетку проглотил, не запивая, остальные высыпал в стол. - Между прочим, тоже взятка. Не смог отказаться. Верить ли, лучше цитрамона... Как видишь, дела заурядные, требующие чуточку времени, к тридцатилетним мужчинам не пристёгиваются.

Я видел это с самого начала. И своими расспросами просто уводил его от цели. Я знал, где искать, но не представлял, можно ли уже отдать милиции служебно-научную тайну НИИ электронно-творческого оборудования.

Если бы тот следователь, что притащил с бойни бычий рог, догадался посетить морг или из морга догадались бы сразу пожаловаться в милицию, то на столе перед Тропиным среди июньских бумажек сейчас лежала бы и майская. Тоже о "мужчине лет тридцати". Правда, с фамилией и со всем прочим, но всё же с адресом НИИЭТО и без семейного положения.

Их изготовили десять - не штук и не человек - экземпляров. А теперь я решился бы сказать - десять душ. И после года безупречной службы в одной из лабораторий института Номеру Первому - Адику - доверили простую работу бойца на мясокомбинате. Хотели освободить людей от жестокого занятия, вполне объяснимая гуманность. Тогда ещё никто не осознавал, насколько они - души, иначе не послали бы Адама в такое душераздирающее место. Поглядев, что вытворяют на бойне с животными, он сам бросился на бычий рог. В порядке самоощущения. Но в момент "убийства" вдруг одумался, рог быку отломал и притворился мертвым. А по дороге в морг у него созрел план. Он совершил побег с того света, пошептался с остальными девятью братьями по разуму, и они разработали большую провокацию, целью которой стало помещение в тюрьму всех, кто саботирует заботу о безопасности. Практически бессмертные, эти проходимцы могли запросто "ломать" основание черепа и позвоночник, "тонуть", "удушаться" "погибать" от электрического тока... И утром 16 июня Номер Второй - Сифон - опоздал на работу, потому что прокатился на троллейбусе в час "пик". А утром 17 июня Номер Третий - Енос - "проник на территорию стройки" и тоже слегка опоздал на работу. Это повторялось ежедневно и поочередно и воспринималось в институте как возрастная шалость, из ряда тех безобидных шалостей, которыми питомцы учеников дяди Севы Дорошенко отмечали этапы своего взросления: убрать из-под кого-нибудь стул или пристроить над дверью баночку с водой. Их шутки всегда бывали беззлобными и каждый раз укрепляли уверенность учёных, что их творческая мысль - на правильном пути. Заговор "самоубийц" был в институте сравнительно быстро раскрыт. Виновным сделали внушение, злые выходки прекратились, и о них решили забыть. Но не учли, что уголовные дела заведены, и кому-то приходится их вести. А мне придётся теперь уводить эти дела от НИИЭТО, от великого Дорошенки, и как это сотворить, я пока представления не имею. На Тропинское: "Ну?" я так и ответил:

- Представления не имею. - И сразу начал разведку боем: - А ты не думал, что это может быть заговор?

- Заговор? - Тропин выпучил глаза. - Кого, чей? Самоубийц? Против самих себя? И чтобы выкрадывать друг друга из реанимации?

- А ты подумай, - начал я осторожно. - Ведь если из-за нарушений техники безопасности ничего особенного не происходит, то и внимание к ней слабеет. А если вдруг такой жуткий травматизм... Да с уголовными делами...

- Тогда это заговор сумасшедших, - объявил Тропин. Я невозмутимо ответил, что с этой именно версии и намерен начать. Он согласился и развёл руками: - Значит начнёшь с нуля. У меня тут целина.

На том и расстались.

По дороге в НИИЭТО вспомнил, что не пришлось к слову спросить у Тропина, в каком ателье так оригинально погиб мастер. Но потом решил, что оно и к лучшему. Не стоит показывать милиции мой

интерес к делу, похожему на таинственную работу "В-С". Узнать, в каких гнусностях, кроме адюльтера, замешан этот мастер, я сумею и сам. Уж наверно, что-нибудь посерьёзнее.

Дядя Сева был на месте, и я объяснил ему, что тайна хулиганствующих антропоидов на грани вскрытия. И предложил превентивно поделиться ею с уголовным розыском: ближе к делу - дальше от греха.

Великий Дорошенко грустно вздохнул и признался, что уголовный розыск давно в курсе, поэтому пусть я не беспокоюсь и не обольщаюсь: они просто демонстрируют начальству успешно-плодотворное взаимодействие с частным сыском. Я, понятно, взорвался:

- А мне, стало быть, они демонстрируют полную ненужность частного сыска?! У них, выходит, совсем нет нераскрытых дел?

При этом даже кольнуло подозрение, что Тропин, этот ловкий притворщик, смотрел на меня в своём кабинете и с трудом сдерживался от признания: "А я знаю, коллега Малюхин, от какого инфаркта умер негодяй Гостяев".

Доктор переждал, пока я разряжусь (в две фразы моё возмущение, понятно, не уместилось), и мягко ответил, что его просили молчать об этом, посему пусть я сделаю вид, будто, мол, ничего о заговоре не знаю.

- Не много ли заговоров? - спросил я.

- Ты, Евгеша, способный сыщик, вот они и хотят намекнуть, что, мол, если б ты вернулся в официальную службу, для тебя нашлись бы дела настоящей сложности...

- Как они могут хотеть моего возвращения, если сами же выгнали? Вы разве не помните про "белую обезьяну"?

- Помню! - Дорошенко с удовольствием засмеялся. - Там все помнят. И улыбаются, когда вспоминают. Потому что ты ведь для народа старался. Творческий подход...

- Вот за творчество и выгнали.

- Уволили тебя за склонность к самосуду. А за творчество - назад зовут.

- Стало быть, считают, что я перевоспитался? Договаривайте, дядя Сева! Они вам так намекали?

- Даже не намекали, а сказали прямо: созрел.

- Это после истории с грифонами?

- Можешь мне не верить, Евгеша, но твоё имя и имя Игната в истории с грифонами не фигурируют.

- Конечно, трудно верить. При их-то осведомлённости.

- Сомневаться - наше право. Но ты уж не подводи меня, будь ласка.

Мы договорились о дальнейшем поведении с милицией и обнялись на прощанье. Сентиментальный Доктор с самого детства с полным основанием боялся за меня и потому каждый раз прощался всерьёз. И хорошо, что он не знал, насколько сильно я в тот день разделял его чувства.

В общем, день до самого вечера был истрачен плотно. Я шагал домой по любимому бульвару имени Кирова и обмысливал ситуацию. Хорошее слово - "обмысливал": в нём слышится "обсасывал", "обмусоливал", как раз то, чем я и занимался. Я, пожалуй, даже философствовал. Было над чем.

Вот, например, судьба. Даже так - Судьба. Она, конечно, есть. Для меня это, разумеется, не книга и не схема, а некая ЦЕПЬ событий, неизбежно меня ожидающих. В этом смысле готов даже согласиться с унижительным понятием "выбор". Потому что если я и выбираю, то не отдельные события, а целую их цепь, за которую тяну к себе судьбу в меру сил. Ну а если не тяну, то уж тогда Судьба тянет меня к себе и тут уж цепь выбирает она сама. То есть, МОЯ цепь - это события, которые творю я, исходя из своих природных возможностей. Если, например, родился с талантом художника, тогда изволь при любой неудачливости следовать именно ему - и проживёшь ПРИРОДНО ПРАВИЛЬНУЮ жизнь. В меру отпущенного, зато СВОЮ. Если в тот момент меня бы слушали воры и прочий преступный элемент, они бы аплодировали. Но проблема деления талантов на природные и социальные, на полезные и вредные меня не занимала. Я размышлял о единственной странной определённости, которую заметил в промыслах Судьбы: если ты, следуя своему таланту (пусть и социальному, но не общественно вредному), принял предложенную Судьбой тему, она благодарно и внимательно всюду на твоём пути расставляет ЗНАКИ этой темы. В начале пути важно не пропустить, не просмотреть первые, приглашающие ЗНАКИ - это и называют по ошибке выбором. Но тут и зафилософствуешь, если талант у тебя всего лишь криминальный, а темой оказался самосуд. С самого того момента, когда излучатель великого Дорошенки выкатился из его бесхозного портфеля к моим ногам, и до теперешней истории с "Ветеран-Сервисом" знаки самосуда так и маячат на моём пути. Вот и история с заговором самоубийц-антропоидов - чем не одна из его версий?!

И лукавый, каверзный вопрос настойчиво требовал ответа, оправдывающего моё антисоциальное поведение: "Если я, профессиональный юрист Малюхин, доверяю неким своим

коллегам должности народных судей, то почему не могу доверять себе?" Но ответ - наготове: "Того, кто нарушает правила ИГРЫ, выгоняют с поля, и хорошо, если не дальше скамейки запасных".

Я думал, что вот так и создаются параллельные миры - от несогласия с правилами игры. А игре этой несурзадной зачем-то предаются некие бессмертные духи, отдыхающие от своих космических дел на этой планетке, в наших хрупких и таких живучих телах. И я - один из этих духов, и уровень моего совершенства определяется отношением к правилам игры. Но с каким знаком?

В общем, разрывался от сомнений, бредил на ходу, пока не поравнялся с Управлением внутренних дел. И философия тут же охотно освободила место практическим рассуждениям.

Тропина не буду навещать - он своё сделал. Пойду сразу к начальнику розыска и разыграю перед ним раскрытие заговора: я, мол, раскрыл глаза учёным в НИИЭТО, теперь довожу и до вашего сведения, что самоубийства пресечены, но виновных наказать всё же стоит. Мне охотно подыграют. Дальше - получать ли гонорар? Будет ли это порядочно?.. А вот будет! Потому что, во-первых, игру в поддавки затеял не я, а во-вторых, даже не очень солидная сумма даст мне вполне определённую свободу для основного дела - по ТЕМЕ. За одно это я заслуживаю и прощения, и поощрения - для народа же стараюсь. И последнее: если предложат снова надеть погоны (скажем, капитанские) - принимать ли? Да ещё если пожурят: твои товарищи, мол, надрываются, тянут по двадцать уголовных дел за раз... Отказываться - стыдно, а соглашаться - некогда. Если запрягут - прощай расследование по "Ветеран-Сервису", расследование века. Это, конечно, в идеале, но если случится, испрошу пару месяцев "для подтягивания хвостов и обрезания верёвок" - за два месяца успею.

До идеала в розыске не дошло. Только до гонорара. Тепло поговорили, приглашали "заглядывать почаще" и - бай-бай. Вот и ладно. Я нёс домой оправдательный документ в виде денежных знаков, а с этим документом уже и врать не обязательно.

Счастливый конец.

Аля встретила меня на пороге.

- Все задачи сполнил?

Я уверенно кивнул.

- От голода мрёшь?

Я закивал изо всех сил.

- Тогда иди сразу на кухню. Там готово всё твоё любимое.

Мы уже тогда умели вместе молчать вполне содержательно.

Я ел, она для виду поклёвывала из моей тарелки - и ничего большего для гармонии не требовалось.

Когда наелся, она молча взяла меня за рубашку и увела в свой научный кабинет, ночью служивший спальней нам обоим. Усадила за стол, вручила какой-то текст, отпечатанный на машинке, и сказала:

- Прочти сразу. Это важно именно сейчас. Это не фольклор. Это фантастика.

На титульном листе было только название. Я спросил:

- А кто автор?

- Я сама. Читай и молчи. Прочтёшь - приду.

И ушла.

Я и раньше подозревал, что свой так называемый фольклор она сочиняет сама. И сама же себя исследует. И выдаёт это за собранное в деревенских экспедициях... Ну и ничего страшного. Глупые условности. Разве учёный человек - не народ?

А фантастику я люблю и прочту охотно. Правда, женской прозе доверяю не очень, но тут - родная жена...

Удивление началось с первой строки. Аля писала не только от имени мужчины, но и от имени писателя-реалиста. Название сочинения кольнуло модным иноязычным словечком. Вот оно.

"ХЕППИ-ЭНД, ИЛИ ИЗДЕРЖКИ РЕАЛИЗМА

Всем кажется, что сюжеты, идеи, открытия - витают в воздухе. Всё, что открывают и изобретают умные головы сегодня, уже открыто и изобретено давным-давно и чуть позже забыто. А всё, что мы, писатели, способны сочинить, происходило на самом деле. Просто не могло не происходить. Писательский-де талант сродни таланту живописца: хоть с натуры, хоть с фотокарточки, хоть с технического описания, хоть просто из головы, а машина останется машиной, дом - домом, Эльбрус - Эльбрусом, и только почерк да настроение автора отличат его картину от всех остальных. Формалистика, не более.

Так считают практически все, и я, в основном, согласен. Даже более того: я именно потому и не пишу фантастики, что фантастика попросту не существует. Сколько бы вариантов ни перебрал так называемый фантаст, он неизбежно остановится на том, который соответствует действительности. Это проверено, это доказано, это - истина.

Всё вышесказанное я изложил молодому коллеге В., считающему себя фантастом. И добавил, что берусь привести к реализму любой сюжет, какой бы он ни предложил.

- Прекрасно! - заявил В. И тут же начал рассказывать.

Действие начинается на Земле. Несколько друзей, закончив музыкальное училище, приходят на биржу (пусть она называется хоть так, хоть иначе) и получают направление на работу. Престижно попасть в Галактическую Филармонию, в какую-нибудь Млечную музыку. Помельче - это ансамбли, работающие только на Земле. Совсем худо - для бездарей - учить музыку детей. Хотя, конечно, есть шанс прославиться в качестве педагога-воспитателя одного-двух гениев. А самое хуже некуда - «свободный диплом». Это значит: ты никому не интересен, устраивайся сам. А распределением занимается машина. На электронный мозг не действует никакое обаяние, и нигде его решение не обжаловать. Твой отказ от ОПТИМАЛЬНОГО распределения автоматически означает - «свободный диплом».

(Слушая эту преамбулу, я внутренне усмехнулся: «бродячий» сюжет - уже налицо. О машинном распределении чего только не написано!)

Итак, наши друзья-музыканты по очереди представляются машине посредством засовывания в её щель своей магнитокарты (что-либо оригинальное В. поленился придумать), и на экране монитора появляются пронумерованные варианты. Соискателю остается тронуть клавишу с подходящим номером, и на лоток выплунется желанная «путёвка в жизнь».

Все наши герои получают вполне приличные места, и вот остаётся последний, которому присвоено демоническое имя Амадей. Друзья смотрят на него с восхищённым ожиданием. Лидер группы, виртуозный пианист и скрипач, многообещающий композитор - вот он кто, этот Амадей. Да ещё любитель эффектов. Нарочно пропустил всех вперёд, чтобы произвести впечатление. «Где твоя карточка?» Но он и не думает предъявлять машине магнитокарту. Он не хочет «унижаться перед этой железкой». Он гордо и небрежно нажимает красную клавишу, на которой написано: «СВОБОДА». И ужас всех бездарных - «свободный диплом» - падает на лоток.

(Что ж, навиделся я и таких оригиналов. Пока ничего фантастического. Да и что в этом мире можно выдумать?! Только то, что видел, о чём слышал или читал. Я же говорю: любое изобретение - компиляция.)

Что ж, едем дальше. Разлетаются они кто куда, но продолжают поддерживать контакты. Амадей же исчезает так, что никто ничего о нём не знает. Через три, скажем, года они собираются вместе, чтобы отметить первое трёхлетие выпуска. Такой у них счёт времени - троичный... После первых охов и ахов, уже во время застолья (нигде никому без застолья не обойтись!) начинают озираться: кого же нет «среди здесь»? Не находят, как легко угадать, Амадея. И поскольку головы у всех уже немного кругом, решают найти его любой ценой, благо отпуск за три года только начинается.

Дальше - для антуража - должно последовать описание поисков. Биржевая машина - не в курсе, планетный Информаторий - не знает, в Галактической Консерватории - ничего не известно, Земконцерт, Млечная музыка, Союз композиторов, наконец, даже «Нотные ступеньки» - никто не осведомлён, даже имени не слышали. Искать больше негде. Друзья идут с горя в портовый кабац (куда же ещё?!) и там - разумеется, совершенно случайно - нападают на след. Из-за соседнего столика поднимается мрачный грома, подсаживается к ним со своей бутылкой и признаётся, что случайно подслушал, как они тут перемывают кости Амадею-музыканту. Нельзя ли узнать, кем он им доводится? «Мы - музыканты, его друзья. Три года не виделись». «Му-зы-ка-а-анты?! Что, серьёзно?» «Мы не шутим». «Вот теперь верю. Кто не шутит, тому верить можно. И эта малышка - ТОЖЕ? Ну и ну-у-у! Дела-а-а... Ну ладно. Так вы его повидать хотите, что ли? И всё? Тогда полетели со мной. На субсвете крутанёмся в лучшем виде...» Ну и тому подобное, с элементами загадки и космической экзотики. Они ничего не знают о тех местах, куда зовёт грома, но по звёздному атласу представляют, что это не так уж далеко - отпускного времени хватит. И соглашаются лететь с этим странным человеком, который так почтительно и даже с опаской относится к музыкантам.

Трое, скажем, мужчин и одна женщина оказываются на полудикой планете, где царит, допустим, средневековье (ах, это излюбленное время фантастов!). Режим правления - авторитарный. Правитель гостям рад, а грубая солдатня при слове «музыкант» отшатывается и бледнеет. Особенно поражаются, что музыкантом может быть хрупкая дамочка.

Гостей проводят в массивную каменную башню (обязательный атрибут средневековья на любой обитаемой планете!), откуда слышится странная и страшная, просто дикая какая-то музыка. Но всё же что-то в этой музыке указывает опытному слуху на её связь с композиторским талантом Амадея.

В верхней комнате башни им раскрывает объятия свиноподобный субъект с заплывшими жиром глазками. Он счастлив их видеть, а они его не узнают.

Что с Амадеем?

Конечно, в первой беседе ничего не раскрывается. Пора обедать. Гостей приглашают в

пиршественный зал, где во время застолья кое-кто выражает сомнение в том, что они - действительно музыканты. В пылу двусмысленного спора возникает потасовка, гостям приходится прибегнуть к рукопашным приёмам повышенной эффективности, и это, как ни странно, снимает все сомнения хозяев.

После пира пятеро однокашников возвращаются наверх, и тут хозяин башни начинает демонстрировать своё искусство. Оказывается, он - заплочных дел мастер при местном правителе. «Музыкой» здесь называют крики истязуемых. Амадей же, будучи профессиональным и природным музыкантом, создаёт из этих воплей кантаты и оратории, замахнулся уже на симфонию. Названия отражают суть его сочинений: «Экстаз», «Вдохновение боли», «Путь сомнений», «Недоверие», «Находка», «Откровение», «Голос правды», ну и тому подобное. Лучше всего ему удаются увертюры.

Друзья до того потрясены, что не хотят верить. Тогда он, войдя в раж, напрямую говорит бывшей сокурснице, что с её неповторимым контральто можно за пару часов - прямо здесь и сегодня! - записать подлинный шедевр, который назывался бы... Ну, скажем, «Бесконечная гордость».

(Пока В. расписывал садистские ужимки палача Амадея, мой искушённый ум фиксировал сходство сюжета с «Исправительной колонией» Кафки, и я уже готовился к знакомому финалу: изувер становится жертвой собственной изобретательности).

Конец возможен в двух вариантах, продолжал В. Либо все четверо героев погибают либо в лихом хеппи-энде одерживают победу. У первого варианта возможны подварианты: 1) они гибнут молча, посрамляя врага; 2) он все же записывает их хруст и потрескивание и создаёт «Бесконечную гордость» (вот, кстати, и вариант названия для рассказа); 3) они умирают с такими криками, что при составлении в гамму эти продуманные ими звуки убивают негодяя (В. предложил в этом случае назвать рассказ «Гамма-убийца» или "Смертельный диксиленд", а я опять вспомнил Кафку). Второй вариант попроще. Там Амадея либо убивают, либо берут в плен. И либо с боем улетают на Землю, чтобы прислать экспедицию, либо остаются перестраивать общество. С помощью, скажем, соседних, более гуманных государств.

- Всё? - спросил я замолкшего В.

- Всё.

- Что же здесь фантастического?

- Как что?! - В. поднял брови и округил глаза. - А психология? Человек, выросший в НАШЕ время НА ЗЕМЛЕ, физиологически неспособен ассимилировать сознание палача. Не мог же он родиться садистом и ни разу никому это не показать!

- Ты уже написал этот рассказ? - спросил я после короткого раздумья.

- Только собираюсь. Но если хотите...

- Хочу. Только почему ты так легко от него отказываешься?

Он улыбнулся.

- Во-первых, ради нашего спора. Очень уж хочется увидеть поражение реализма собственными глазами. А во-вторых... Этот сюжет для меня слишком прост, прозрачен... Как легко пришёл, так легко напишется. Но потом его легко прочтут и легко забудут. Заковыристости мало.

- Ты, наверно, не отказался бы поженить фантастику с детективом?

- Пожалуй.

- Это, по-твоему, и будет художественная литература?

- А по-вашему?

- По-моему, художественности в литературе столько же, сколько человечности...

- А мой сюжет - антигуманен! Понятно... Только эта концепция - вчерашний день! Ум сегодняшнего читателя быстр и математичен, ему нужен динамичный сюжет, множество опасных приключений, РЕЗКАЯ ЖИЗНЬ. Чем страшнее и фантастичнее, тем художественнее. А в этике он сам разберётся, его этому и так всю жизнь со всех сторон учат.

- Хорошо, - сказал я спокойно, - приходи завтра, к вечеру.

Он с сомнением хмыкнул и удалился.

Он зря сомневался: я несколько не переоценил свои силы. Его версия событий была достаточно убедительна, оставалось только записать по памяти да подчистить кое-что в деталях.

Режим на несчастной планете я сделал чисто диктаторским и пропитал мозги тамошнего населения полным восторгом перед такой формой правления - что и требуется для реальной устойчивости любого режима. По этой причине и громилта-субсветовик, и грубая (разумеется же, грубая!) солдатня вовсе не отшатываются и не бледнеют при слове «музыкант», а проникаются восхищением и завистью, ибо пример Амадея давно им внушил, что палач-музыкант - это хороший заработок на основной работе плюс ещё заработок и слава за всенародно любимую, вдохновляющую на труд и подвиги музыку. И никакой провокации и драки во время пира - по этой же причине - не было и быть не могло.

Кстати, если бы такая драка случилась, кое-что могло весьма насторожить этого садиста Амадея, ибо не простым палачом был он на планете, а диктатором: прибыл на всё готовое и сам

пришёлся ко двору... И - кстати же - выражение «на планете» выглядит фантастично до тех пор, пока не сообщено, что герои-музыканты имели дело с единственной страной на единственном материке: вот оно, раздолье для диктатуры! А необходимое пугало - угроза из Космоса.

Ещё некоторые уточнения касались внешнего материального благополучия, обусловленного добровольно-рабским трудом. Во имя счастья всей Ойкумены. Были картины вдохновенного крикливого искусства. Была расправа над инакомыслящими: группу «космических шпионов» из старшего класса гимназии подвергли коллективному сожжению на "газовой карусели", а их крики записали для увертюры «Освобождение плазмы». Был парад войск астроохраны с показательным сбиванием макетов, имитирующих межпланетную агрессию. И была, наконец, жуткая экскурсия, описание которой смею включить в список чисто формалистических удач, но здесь не привожу, чтобы не искажать сдержанную тональность повествования. Только вкратце: после пира диктатор предлагает друзьям подняться в верхнюю залу башни не на внешнем лифте, а по винтовой лестнице, которой обёрнут стеклянный многоэтажник пыточных камер. Великолепная звукопроницаемость прозрачных стен и гениальная акустика общего объёма башни создавали из рабочих звуков пыталница подлинную музыку, способную довести до истерики неподготовленного посетителя.

Последний штрих касался самого Амадея. Он вовсе не был «свиноподобным субъектом с заплывшими жиром глазками». За три года отсутствия он ничуть не изменился, только возмужал да обзавёлся несколькими сединками, которых не стыдился, а напротив - всё время трогал ладонью свою вороную гриву, будто желая убедиться, что красота при нём. Это был подтянутый атлет с мягкой походкой, тренированный боец, неудобный в поединке. К тому же у него была многочисленная и хорошо обученная охрана, так что бывшим его друзьям пришлось и круто, и туго, и даже совсем худо, ибо, если уж говорить честно, только одному удалось уцелеть и удержать башню со связанным преступником до подхода основных сил, которые под шумок высадились на другой, водной стороне планеты и наступали с двух океанских берегов.

Башню потом взорвали, Амадея вывезли на Землю, но в режим на планете вмешиваться не стали: сильнее фанатизма - одна смерть. Поэтому к стенке никого не ставили, а разоружили всех и улетели. Ни одного убитого - чем не фантастика? Но это как раз не фантастика: всем известны свойства инфразвука, сложность была лишь в том, чтобы отвлечь астроохрану и без пальбы проникнуть в атмосферу. Только невежественный простака остался бы после всего этого переделывать там общественные отношения, не посягая на трон диктатора и отказавшись от тоталитарных методов управления. Оставили им систему ретрансляционных спутников, которые пока нечем сбивать, пострадали расправой в случае повторной милитаризации - ну не было для них другого языка! - и удалились.

Да, насчёт «ни одного убитого» я имел в виду чисто войсковую часть операции. Это касается только десанта. На первом этапе погибли, как уже сказано, трое бывших музыкантов и вся охрана Амадея.

Вот такой реализм. Из-за одного талантливой злодея четверым мирным и приличным людям пришлось бросить любимую работу, потерять год на тренировки в Службе Космической Безопасности и, наконец, заплатить тремя жизнями за... Как это назвать - а что?

Вечером следующего дня явился В. и стал читать наш с ним реалистический рассказ. Прочел, хмыкнул по-вчерашнему и воззрился на меня с некоторым удивлением.

- А ведь и в самом деле: несколько уточнений - и реализм. Однако, кто же тогда Амадей? Психический больной? Или нормальный наш современник с необъяснимым хронорецидивом? Или просто слабодушный скрипач, прилетевший в странное общество и со страху поддавшийся его законам?

- Пусть об этом читатель гадает, - я заставил себя мудро усмехнуться. - Что это за литература, если не даёт пищи для ума?

- Тогда хоть написали бы, что Амадея до Земли не довели!..

Выпалив это, он уставился на меня в упор.

- Почему же не довели? - осведомился я невозмутимо.

- Потому что - я точно знаю! - он покончил с собой!

- Как это - покончил?

- Просто перестал дышать! - Мой бедный В. наконец не выдержал. - Вы это отлично знаете, потому что это было ПРИ ВАС! У вас у всех не нервы, а тросы какие-то! В «Музыкальной башне» ни с кем из вас не случилось истерики, а через несколько минут после увертюры вы истребили полсотни ЖИВЫХ ЛЮДЕЙ!..

Мне стало совсем тошно, но я так и не позволил себе сорваться:

- Мы? Это НАС истребляли: Карла, Марию, Гошу... Если бы ты слышал, какие это были музыканты... Если бы ты видел Марию... Если бы ты знал, чего стоило СКБ уговорить нас на эту операцию...

- Но вы-то после операции на всю жизнь остались в СКБ!
- И это ты знаешь... Да, остался... А понимаешь, зачем?
- Понравилось!
- Вот оно, прославленное бессердечие молодости.
- Карпузик... Что в ЭТОЙ работе может нравиться? Вот книги писать мне действительно нравится. А там...
- Что же там?
- А там я работал за четверых, чтобы музыкантов больше не отвлекали.
- Не верю!
- От тебя это и не требуется. Просто пища для ума. Иди.

Он удалился, недовольный и мною, и собой, но рассказ унёс: «Подумать надо».

А я остался с моей тайной наедине.

Я стоял у окна и глядел в тёмное небо, с которого свет города стёр все звёзды. Я думал, что в моём возрасте уже не стоит так волноваться и зря я напросился на этот спор о реализме и позволил себе приоткрыть мальчишке правду о своей первой операции. Кому какое дело? Пока жила Мария, я мог быть музыкантом и вообще нормальным человеком. А не стало её - не стало и меня. Разве суперменство бывает от хорошей жизни?..

Из нас пятерых в верхней зале был вооружён только один, и он успел выстрелить один раз - в Марию. Потом мы держали башню втроём и погибали постепенно, но его, связанного, всё же сохранили для суда. Что его ждало на Земле? Одиночество до естественной кончины, как всякого сознательного убийцу. Разве кто-нибудь из землян взялся бы его казнить, если, по закону, немедленно после казни пришлось бы самому себя приговорить к пожизненной изоляции?.

Если человек и рождается с задатками палача, то обязанность общества - не дать этим задаткам развиваться..

А что Амадей не долетел ЖИВЫМ до Земли, так это его вина. Дыхательный рефлекс, конечно, относится к разряду безусловных, но, может быть, при определённом настроении его и в самом деле можно подавить?

Пусть ЛЮДИ считают, что ЕМУ это удалось."

Едва я дочитал, Аля сразу вошла, хоть и не подглядывала. Спросила:

- Ну, что? Подумать надо или сразу?

Я пробормотал:

- Знак.

- Какой? - Села рядом.

Я начал объяснять. Она поняла раньше, чем договорил:

- Я это чувство знаю. Вся жизнь - в знаках. Еще назвать бы тему...

- Разве не фольклор, не история?

- Это всё - так, реализация способностей. Тема - нечто более сильное... Не будем вдаваться пока. Что думаешь о рассказе? Что понял?

- Ты его сочинила... из-за меня?

Она кивнула.

- И для тебя.

- Как же ты догадалась...

Эти слова сорвались. Я не произнёс бы их, если бы не был так сосредоточен рассказом. Самосуд, первая операция - больно уж всё к месту. А приготовиться к разговору не дала. Уловила момент истины. Как она догадалась, что я - УЖЕ?

Аля молчала.

Я тоже больше не мог говорить.

Просидели так долго. Потом она сказала:

- Не понял, значит. Подумай ещё. Я подожду.

И вышла из комнаты.

Думалось мне плохо. Решил было заняться этим на улице, но вдруг стало страшно выходить из дома. Мой дом - моя крепость. Это надо хоть раз не умом понять, а почувствовать всем организмом, как загнанная в нору мышь. Или лиса. Кто кем себя ощущает.

Я вскочил и заметался по норе. Конечно, тесновато, но крепости и не полагается быть просторной.

Я растерялся - вот единственное, что было вполне ясно. Я не мог понять, знает ли Аля о моих похождениях ВСЁ. А если не всё, то насколько глубоко догадывается? Простая логика подсказывала, что деловая сторона моих отношений с Еленой для Али яснее, чем сторона интимная: иначе в рассказе это нашло бы отражение. Значит, элемент ревности пока можно исключить. И тогда

остаётся хотя бы приблизительно угадать...

Вот это и был тупик. Тут нельзя было угадывать да ещё и приблизительно. Ведь если герой рассказа потерял возлюбленную не по случайной воле автора, если это - ЗНАК, тогда зря я не послушал совета учёной жены: лучше быть минуту трусом... Покойником можно стать и не умирая. Вот уйдёт она от меня - и я - покойник. Никакая вселенская справедливость больше мне не понадобится. Вообще ничего не понадобится. Прирос... У Матвея уже началась своя жизнь, мне даже не известная. И места мне там нет. Да и не нужно. А вот без его матери мне жизнь - как одиночная камера без окон.

И сказала как-то очень уж сурово: "Не понял, значит..."

Ноги перестали держать, я сел на койку. Открытия подобного рода, думал, надо делать всё же в более спокойном потоке жизни и умозрительно, а никак не на границе вечности. Сейчас войдёт и скажет: "Как же я не замечала, что ты от рождения горбатый?.. Уходи, Малюхин". Она ещё молодая, устроится. А свой возраст я вдруг почувствовал и ужаснулся. Мне пять миллионов лет. Но прожиты они зря. Я ничего в жизни не понял и сегодня уйду из очередного тела с позором. Бег на месте.

Аля вошла. Села рядом, очень тесно. Неужели на прощанье?

- Всё вижу. Бедный ты мой. Не думай ничего. Это всё Ванька.

- Ванька?! - Я даже подскочил. - Но как?

- Бедный ты мой, - повторила. - Честный частный детектив. Ты, наверно, сам дознаешься, поэтому можно и рассказать. Всё равно ты ничего не докажешь... Только раньше прочти письмо. Я писала его тебе в армию, но не отправила. По времени оно совпадает с твоей контузией. Я в те дни очень мучилась тем, что сказала тебе на вокзале, помнишь: "Обязательно рожу мальчика. Мало ли что с тобой ТАМ случится".

Достала какую-то папку и протянула мне старенькую тонкую тетрадку. Письмо занимало в ней три странички.

"Мой единственный! Только что получила письмо от твоего бывшего врага, от рыжего Витюшки Макова. Он ранен. Лежит в госпитале. Храбрится даже со мной, матери беспардонно врёт и просит меня делать то же самое. Он не пишет, куда и как ранен, но достаточно уже того, что жив. Я отправила ему весёлое (как мне кажется) письмо и осталась одна со своими страхами. Смотрю на спящего малыша и не знаю, откуда беру силы, чтобы не кричать и не кататься по полу. Меня убивает одиночество. Даже посетила грешная мысль, что не следовало так бояться за тебя. Тогда, может быть, твоя служба была бы менее опасной. А я накаркала, родила Матвея, и судьба, по закону притяжения, решила оправдать мои предчувствия. Я могу представить, что у тебя какой-нибудь долгий подводный поход, неожиданный для тебя, и ты не смог предупредить. Я многое нестрашное могу представить, но от этого не легче. Ты пропал, и я в отчаянии. Ты помнишь, как я обещала, что научусь молиться за тебя? Не научилась. И не смогу. Я не могу молиться тому, кого не знаю. И я молюсь - тебе. Что бы с тобой ни произошло, где бы ты ни оказался, я молюсь тебе.

Теперь я знаю, что молюсь тебе уже давно. С той минуты, как мой смешной маленький пёс поверг тебя на вершину забора, а твой отважный друг спас тебя от Витюшки и его глупых друзей. Нам с тобой было тогда по 12 лет. Уже нет на свете моего лохматого сторожа, а твой друг стал моим другом, но и он после твоего отъезда перестал появляться, потому что так ему легче подавлять свои чувства ко мне. И он знает, кому я молюсь.

Другой же твой друг (зачёркнуто).

Я всегда молилась тебе, когда тебя не было рядом, а в остальное время старалась быть интересной в любом твоём разговоре - так учила мама.

Когда ты хвастал своими боксёрскими синяками, я с таким же трудом сдерживала смех, как сейчас удерживаю крик.

Когда впервые отправился в этот ужасный аэроклуб и начал там летать без мотора, ты хвастал, что одни только планеристы по-настоящему лётчики, потому что при посадке им так же опасно ошибаться, как минёрам. Глупый мальчишка, ты не понимал, как страшно такое слышать, когда ничем нельзя помочь, а нужно только ждать и молчать, кивать и восхищённо поддакивать, чтобы не спугнуть удачу, которую сама тебе намолила.

Я молилась тогда, чтобы этот клуб закрыли. И его закрыли. А вы, с вашим бездушным, беспощадным, ненасытным Вишем, открыли его опять, и больше мои молитвы не помогали. Но уже не это было самым страшным.

Никогда тебе не узнать, мой храбрый, насколько страшнее неба оказалось твоё новое занятие. С высоты можно было хоть как-то планировать на крыльях, на парашюте, а подводное давление каждую секунду держало тебя за горло, каждый миг твоей подводной жизни мог стать последним. Если я тогда не умерла от страха, то лишь потому, что каждый день ты возвращался оттуда живой и невредимый. Всё, что я могла, это щебетать с тобой обо всех этих проклятых загубниках, мембранах, клапанах, парциальных давлениях - притом желательно со знанием дела.

Когда же наступила военная служба, я поняла, что она выше моих сил. Я вырастила, воспитала,

приручила своего мужчину, чтобы он стал солдатом - ближе к смерти, чем ко мне. Тебе сказали - за Родину. Но ведь нет у человека Родины без людей, которых он любит. Твоя Родина - это все мы, кто ждёт тебя. Твоя Родина - это я. И я, твоя Родина, не смогла бы без тебя жить, если бы не появился твой сын. Наш с тобой. Я спасала себя, когда хотела нашего малыша. Он даст мне силы выжить, если у тебя отнимут жизнь. Ведь я точно знаю - вас убивают ТАМ! Если тебе придётся отдать за нас жизнь... Как страшно... Именем сына, именем любви и жизни молю тебя - спасись! Пусть раскроется твой парашют, пусть отпустит тебя глубина, пусть обойдут тебя все пули и осколки - ведь есть же люди, которых они обходят, кто-то же их заговаривает. Пусть спасёт тебя мой заговор, или другое чудо, или твой замечательный дар, пусть каждая твоя клеточка услышит мою молитву и отзовется, чтобы хватило у тебя сил и терпения дойти до нас невредимым..."

Пока читал, Аля не уходила, смотрела на меня. Когда закрыл тетрадку, сказала:

- Видишь, не дописала.

- А что хотела, не помнишь?

- Помню. Собиралась дать клятву, что не отпущу больше никуда, не позволю рисковать и тому подобное. В юбочном духе.

- Потому и не отправила?

- Письмо без конца, паническое какое-то, нельзя же. Да и адреса не было. А потом ты сам вернулся, Ольгу с Жекой привёз...

- Ревность началась...

- А что же... Не без того... Ревность можно позволить - она всё же меньше страха. В ней чуть больше надежды... Ну, ладно, слушай теперь. Будет не страшнее, чем про Кунчо. В одном сибирском городе жила машинистка. Такая старая, что у неё уже не спрашивали о возрасте даже в самых казённых домах. Правда, на вид ей нельзя было дать больше правильно прожитых семидесяти, но весь город знал, что она работала переписчицей государевых грамот задолго до изобретения пишущей машинки.

Я осторожно перебил:

- Это не фольклор? Сама выдумала?

- Послушай, Малюхин! Такого себе не позволяют со мной даже академики. Ещё слово - попрошу из аудитории, понял?

Я кивнул на всякий случай молча.

- Вот то-то. Итак, работала она в одной редакции...

Машинистка в редакции! Теперь никакая сила не заставила бы меня издать малейший звук.

- Всеми восхищалась, всем старалась угодить, любила и, главное, понимала чужие шутки. За это газетчики считали её своим человеком и всегда приглашали одинокую старушку на свои вечерние посиделки. Впрочем, небескорыстно: Нина Патрикеевна (назовём её так) и готовила лучше всех, и убирала за всеми, и посуду мыла... Одна молодая журналистка даже любила оставаться с ней после этих поддатий. В этом-то всё и дело. Старушка только притворялась простенькой. И эта журналисточка (пусть имя ей будет - Диана), самая способная в редакции, оценила этот факт. О чём они шептались, когда оставались вдвоём, и которую из них раньше осенила идея, нам не узнать. Но если бы кто-нибудь внимательно и невидимо за ними следил, то увидел бы, что Нина Патрикеевна, будучи по совместительству секретаршей редактора, поддерживает постоянную телефонную (и другую!) связь СО ВСЕМИ секретаршами города. Эту гигантскую сеть она контролировала не спеша, у всех на виду, но - тайно. В чём состояла тайна, знала в редакции одна Диана, которую тоже, при невидимом наблюдении, можно было уличить в дружбе с очень многими секретаршами очень многих томских руководителей и предпринимателей. Дружба эта была тайной и внешне выглядела как деловые отношения в интересах газетного дела. Чтобы не интриговать тебя больше, скажу сразу суть: ЭТО - ЗАГОВОР. Звучит, конечно, забавно: "Заговор секретарш". Но если вдуматься, смех быстро проходит. Каждому хочется иметь секретаршу с тремя достоинствами: молодую, красивую и умную. А такая женщина, когда она хорошо информирована, может многое. Даже в одиночку... Надеюсь, ты уже многое понял.

Аля взглядом позволила мне говорить. Я кивнул всё так же молча, и она удовлетворённо продолжала.

- Суть заговора описана в известном тебе сочинении никому не известного автора, именуемого Фотокиллером.

И посмотрела молча, чтобы оценить впечатление. Но я был как статуя, и она продолжала.

- Да, никакой иной организации - хоть уголовному розыску, хоть бывшим афганцам, хоть героям космоса - не узнать о тайных негодях того, что знают секретарши. И найти исполнителей им - молодым, красивым и умным - тоже ничего не стоило. - Аля ещё помолчала, глядя на меня, и уточнила веско: - Так было, есть и будет.

Она знала, что я убил?! И всё же разговаривала со мной... И письмо... МОЯ ЖЕНА - ЗАГОВОРЩИЦА?! От имени Родины и народа... Рыдайте, граждане историки: высшее достижение

вашей науки - всего лишь оправдание самосуда...

В том, что высшие достижения доступны только моей жене, я, разумеется, не сомневался никогда.

Начиналось наступление ясности, и мне перед такой ясностью впору было обращаться в бегство, ибо с точки зрения законности ситуация определённо вела в тупик: никакому правосудию на свете я свою Аленькую, естественно, не отдам, но как честный сыщик - надо же что-то делать. Массовый, хорошо организованный и при этом тайный самосуд - такого мир, кажется, не знал.

Пока, однако, можно было только задавать вопросы, ибо Аля уже вторую минуту смотрела на меня молча, и в глазах её пушистых никогда не бывало такой беззащитности и такого расстрельного мужества. Я, наконец, спросил:

- Как ты с НЕЙ познакомилась? Давно?

- С год назад. Она брала у меня интервью. Как бы между прочим спросила о тебе. А женщине женщину понять несложно. Я поняла как-то всё сразу. Вернее - почувствовала. Но виду не подала. Помню, только подумала: "Всё равно дорогому Евгеше по возрасту пора заводить любовницу, так пусть уж будет по моему вкусу". И слегка ей помогла. Советами. Она это оценила. И однажды вдруг раскрылась. Выложила всё о заговоре и для подтверждения дала пароль. Останься наедине с любой секретаршей и скажи тихонько: "Заговор теней".

- Тени - это секретарши?

- Ну да. А взгляд при этом нужен вот такой, - Аля изобразила вторую половину пароля и засмеялась. - С таким взглядом при любой неувязке можно обратить всё в шутку.

Я почти очнулся от шока и спросил:

- Надеюсь, они ТАК работают только в Томске?

- Ты О НАС говоришь - ОНИ?

МОЯ ЖЕНА - ЗАГОВОРЩИЦА! Это уже определённо... Я ответил вопросом:

- О ВАС?

Я нагло отделил себя от заговора. Не зная точно, чего хочу, я искал некой особой ясности: кто мы с Алей в этой убийственной корпорации сейчас, кто мы теперь друг другу и кем намереваемся быть дальше, если быть вместе?.. Вот даже сейчас довольно туманно формулирую, а тогда и вовсе было некогда. Я только понимал, что одно дело - убить агрессивного врага в горячке рукопашной и совсем другое - делать это семейным промыслом. И я хорошо чувствовал, что в моём коротеньком вопросе Аля может и должна расслышать призыв: "А не отойти ли нам в сторону, пока не увязли? Какой смысл множить Зло, если оно и так вечно?"

Аля всегда была умничка. Она всё поняла. Прижалась ещё теснее, нахохлилась, посидела молча и наконец заговорила.

- Очень допускаю, что ты прав. Даже наверняка прав. Есть, всегда есть ОНИ и МЫ. И НАС на сей момент гораздо меньше, чем ИХ. И будет меньше. Всегда. И это хорошо. Нормальная пропорция: ОНИ - капля в море народа и МЫ - капля поменьше. ОНИ - паразиты, а МЫ - особая порода: хищники, уничтожающие паразитов. Всё как в природе.

Я сделал вдох, чтобы возразить, но она остановила жестом.

- Евгеша, ты только слушай. Все твои возражения давно сделаны. Мною. Но, как видишь, всё на кругах своих. Ибо - природосообразно. Хоть и со скидкой на человеческий разум... В чём скидка? В том, что из всех живущих созданий НЕНАСЫТЕН - только человек. Потому что разум его ещё несовершенен. Детский разум. Вечно детский. Амбиции - вот чисто человеческая слабость. Они и порождают ненасытность. Но если искать виновных, то укажем только на Природу. Она зачем-то НЕДОСОЗДАЛА человека. Отдельные особи совершенны, насколько они сами могут уразуметь, а огромное большинство - просто личинки, куколки для многократного упражнения душ в созревании.

- И что же, - я всё-таки не сдержался, - эти совершенные особи и есть те хищники, которые охотятся на паразитов?

Аля была терпелива.

- Твой, Евгеша, иронически-издевательский тон мне близок. Сама с собой только так и спорю. Но переспорить не могу. Совершенство относительно, я на этот счёт не ободряюсь. Каждый в природе хоть чем-то совершеннее других, отдельно взятых. Я же говорю сейчас о ПРОЦЕССЕ, поэтому уж будь любезен, помолчи, сыщик ты мой совершенный... Ну так вот. Зачем мы такие Природе, не нам ПОКА ЧТО судить. Просто будем принимать как данность всё-всё, что с нами происходит. И МАССОВЫЕ ДЕЙСТВИЯ - в том числе. Термин понятен?

- Массовые действия? Вроде стихийного бунта, да?

- Да. Частный случай - бунт. Другой частный случай - какой-нибудь бойкот иноземных товаров, как в Индии против англичан. Или любой другой бойкот. Например, массовый отказ от голосования. Или стрельба мимо на войне. Или выпуск только бракованной продукции. Или эти хиппи с панками, манками - да мало ли... Природная суть массовых действий - несогласие стаи с действиями вожака.

- Полевая связь? - я вспомнил, как лохматые грифоны в подземном бункере перед бунтом сбились в круг, чтобы сблизить клювастые головы.

- Да-да-да. Какой-нибудь лидер есть всегда, но у животных - в общей сумме мозговых полей - его практически не выделишь. А у людей - и выделяют, и награждают, и наказывают... Но суть не в результате, а в процессе.

- Так, значит, ты... - я вдруг понял, чем в этой шайке занята моя супруга.

- Да, я занимаюсь включённым изучением процесса. Можешь утешиться: генератором этой идеи была не я. Но признаюсь: стояла достаточно близко. А нам иначе и не можно: чем ближе к источнику, тем чище эксперимент.

- Тут не источник, - я вздохнул, чувствуя не столько облегчение, сколько сострадание, - тут эпицентр.

- О нет, - был ответ, - не обольщайся. Ни взрыва, ни даже пожара. Опасный тлеющий процесс, не более. Притом опасный только для паразитов, ибо они - его кислород. Нормальное чудо природы: процесс идёт, пока есть материал и условия.

- Материал - понятно, - мне стоило изрядных усилий держаться этого бесстрастного научного языка. - А условия?

- Несовершенство законов, - она отвечала мгновенно и выстраданно, - неуклюжесть или коррумпированность государственных регуляторов: инспекций, полиций и им подобных. И, соответственно, возможность создания в трудящемся слое народа *самозащитных структур*. Одна из них - перед тобой. Реальный эквивалент несостоятельной власти, кормимой официально.

- Сек-ре-тар-ши!! - в моей совершенной голове такая примитивная структура не хотела укладываться. Неуязвимая организация, созданная избалованными пигалицами, которым дарят цветы и конфеты...

- Ты забыл об их поклонниках и помощниках.

- О палачах! Или будем называть исполнителями? Или ещё уклончивее? Что изменится? Корпорация народной саморасправы имени миледи де Винтер...

- Ах, Евгеша, я вижу, как тебе больно. За одно это в тебя можно влюбиться. И Елена, по-моему, влюбилась не на шутку, имей в виду: у неё очень серьёзные способности... А насчёт палачей и прочего - вспомни Ханова и Тетерева: как бы ты назвал огородника, вырывающего из грядки сорняки?

О да, она была во всеоружии разума. Но - разума. А у меня в голове докипела и начала пригорать каша: пошёл за Еленой под влиянием её сексуальных и прочих специальных чар, задание выполнил сознательно, как подлинный огородник, потом стал каяться, как положено подлинному человеку со здоровой душой, а теперь слушаю преступно научную, научно преступную лекцию соблазненной жены, вполне осведомлённой обо всех моих телесных движениях и душевных метаниях, включая грешные отношения с атаманшей, чью банду я накрыл вместе с самим собой... В общем, сам над собой захлопнул крышку и теперь пригораю в собственном вареве. Осталось учёной жене подцепить меня, готовенького, ложкой, отправить в рот (себе или Елене?), а кашу снять с печи и подать на лабораторное стекло, под микроскоп. Самое сейчас для меня доступное - спросить учёную жену, каков я на вкус - убийца людей и изменщик любимой женщине?

Но я, конечно, не спросил. Спросила она.

- Ты, Евгеша, намерен и дальше участвовать в массовых действиях?

Так и слышалось продолжение вопроса: "...и в этой развратной связи с незамужней красавицей?" И сразу кольнула мысль: "Террор - занятие для несемейных." Это была моя собственная мысль или где-то вычитанная? Не имело значения.

Аля встала и, повернувшись ко мне, протянула руки. Я тоже встал. Она, как в тот самый первый раз, наступила своими босыми ногами на мои, поднялась на цыпочки и поцеловала.

- Я - твоя?

Ну что я мог ответить?

Эпилог второй. Третьего звонка не было.

Хоть мой дед и говорил, что политика - это постоянно действующий спектакль, во время которого убивают статистов и обчищают карманы зрителям, однако, по-моему, до третьего звонка дело стараются не доводить все. Так и та жутенькая "эквивалентная власть секретарш", о которой решил перед УХОДОМ рассказать наш любимый глава семьи, незаметно сошла на нет (ну, скажем, пригасла) вместе с разгулом так называемого беспредела, ею регулируемого и знаменовавшего в России очередную переходную эпоху. Россия в этом смысле просто выставка образов мировых социальных катаклизмов в их зависимости от комплексного прогресса: войны и бунты, перемежаемые смутами и ломками, постепенно угомонились до тихого беспредела, регулируемого массовыми действиями, и наконец жизнь потекла настолько ровно и благополучно, что можно публиковать воспоминания героев прежних смут без опасения спровоцировать этим новые беспорядки. Демократия воцарилась наконец под надёжной сенью относительно справедливых законов, с драконовской непреклонностью утверждаемых неподкупно обеспеченными полицейскими силами. В этой грамотно сваренной каше частному сыщику - подлинное раздолье. Думаю, дед из

своего ОТТУДА наблюдает за моей работой с гордостью и не без зависти. Они с бабушкой Алей внесли в сегодняшнее благолепие достойный вклад и УШЛИ, представьте себе, в один день, как в сказке со счастливым концом. Горжусь ими и завидую.

Для моих собственных воспоминаний время ещё не проступает: внук-обработчик родится не скоро. Но дочка уже обещала, что назовёт только Евгешкой.

О более поздних делах "секретарского заговора" - по воле деда - ничего рассказано не будет. Прибавлю только - в качестве приложения - ещё одно дедово воспоминание, прямого отношения к заговору не имеющее. В нём можно ощутить некоторые дополнительные ассоциации, и за это сей довесок достоин соучастия в основном тексте. Тем более, что желание УШЕДШЕГО автора - закон.

Пусть это будет приложением к главе "РОГАТАЯ СМЕРТЬ" И "ВИННИПУХИ", поскольку место действия - военное кладбище в Симферополе, а время - день выхода Евгения Малюхина из госпиталя. Не совпадает только год.

Приложение. Никчёмный тип.

Кипарисовый воздух колебался огненными миражами, ракушечный песок хрустел под ботинками. И отовсюду в глаза - только звёзды. Только пятиконечные. Вырубленные в камне, отлитые из чугуна, спаянные из жестяных лепестков, процарапанные на мягком ракушечнике, лепные, клёпанные, точёные...

Только малая часть огороженного пространства была свободна от звёзд - неширокая полоса вдоль забора - для сегодняшних солдат. В конце её как раз кого-то хоронили. Строем стояли вооружённые в форме. Перед ними выступал пожилой офицер.

- МОЁ место заняли, - Евгений усмехнулся. Заболела голова.

Он двинулся дальше и был удивлён, когда древесные заросли вдруг обрезал голый песчаный плац.

Не ошибся ли направлением?

Но это было ТО САМОЕ место. Вон на высоком постаменте каменная мать с каменным суворовцем, а вон та стена, через которую он прыгал в прошлый раз, когда искал могилу деда. Только дикие камни, что навалены под стеной, теперь связаны бетонным раствором, а на стене - буквы: "Никто не забыт, ничто не забыто". Не найти только того серого обелиска, где в песчаник врезана звезда, а под ней: "Сержант Малюхин Матвей Владимирович, 1920 - 1944". Все разнокалиберные надгробья, товарищами поставленные, удалены. Все деревья и кусты, товарищами и родственниками посаженные, бульдозером счищены. (Может, и не бульдозером, но уж горевать, так горевать). Голая земля. Без травинки. А на ней, как на смотру - два батальона одинаковых камней. Не настоящих камней, мраморных отливок. Похожих на те деревянные конструкции, за которыми когда-то сидели и скрипели гусиными перьями гоголевские и щедринские чиновники. Только поменьше. А на верхней рабочей поверхности - звёздочка, веточка, имя, дата. Звёздочка, веточка, имя, дата. Звёздочка, веточка... Полторы тысячи имён. Только дат гораздо меньше, а в остальном - всем поровну. Всем - по одинаковой звёздочке: и полковнику Миллеру, и рядовому Егорчуку, и Неизвестному, что зарыт рядом с сержантом Малюхиным М.В. Правда, не Малюхиным, а уже Молюхиным. Ошибку допустил камнерез. Или ошибся тот, кто переписывал фамилии из кладбищенского плана. Без злого умысла, а просто ПО НЕВНИМАНИЮ...

Там, где шли военные похороны, треснул ружейный залп.

Евгений постоял на солнцепёке посреди каменного строя, потом отложил цветы и раскрыл перочинный нож. Трещала голова - то ли от жары, то ли от обиды. В мягком белом мраморе он вырезал палочку рядом с "о" и вернул деду его настоящую фамилию - ту, с которой сибирский сержант погиб за Россию. Потом поделил цветы между дедом и Неизвестным. Потом отошёл в тень и сел на лавочку под чахлой берёзкой. Слезы на этот раз не пролились. Было просто мрачно и одиноко под бездушным курортным солнцем.

- Нарушили их покой. Нехорошо. Наверно, и камни установили неточно. А вон там, совсем рядом, всё осталось, как было. Зелено, уютно, ПОКОЙНО... Для чего и кому это понадобилось? К какому такому празднику? Очередная показуха. "Никто не забыт..." Чтоб вас так помнили...

- Ты чего бормочешь?

На лавочку присел странный тип. Если побрить и причесать, он выглядел бы лет на сорок. Понурый вид не вязался с хорошо развитой мускулатурой, а вызывающий тон речи не подходил к затравленному взору. Карман мятых брюк был оттопырен чем-то прямоугольным.

- Зря их потревожили, - медленно ответил Евгений и кивнул на плац.

- Зря, - согласился тип. - Теперь не отличишь, кто какой был.

Тип вызывал неприязнь, и его слова Евгению тоже не понравились.

- Кто, какой был, уже неважно. Они теперь все равны.

Большая сила - неосознанная неприязнь. Евгению вдруг стал родным этот голый плац, ему хотелось защитить от постороннего эти растревоженные души и их объединяющее равенство. Будто они вот только что погибли все в одном бою, а он - один из них.

- Они никогда не были и никогда не будут равны, - процедил тип. - Они жили по-разному и умирали - каждый по-своему. И осталось от каждого своё.

- Россия осталась! - Евгений содрогнулся от собственной трибунности и от глупой - но необходимой и неизбежной - нужды доказывать очевидное.

- Чересчур высокие слова, - тип даже не взглянул на его красные уши. - На самом деле просто была необходимость. Просто сошлось на них время. А сошлось бы на нас - погibli бы мы, куда б мы делись. Так всегда: или мы бьём или нас бьют. И смерть - неизбежна. И никакие слова ей не нужны.

Тип был красноречив и точен. Пока Евгений искал слова для возражений, он цедил дальше, как из мясорубки:

- Если уж судить людей, то - не по подвигам. Подвиг - что? Вспышка. Везение. Совпало, что ты успел, что в тебя не попали, что тебя поддержали, что погода была подходящая, да мало ли... Вот ты, гляжу, воевал: подвиг, Россия, победа, всё такое. А что мне с тобой делать, если ты после всего - мать мою сгубил? Вот не России, а МНЕ - как быть?.. Молчишь... То-то. Судить надо не по подвигам, а по отдельным судьбам: как ты на них повлиял, такая тебе и цена.

- Это теория, - пробормотал Евгений. - Даже фантастика.

- Ах, вот что! - тип посмотрел так, что Евгению пришлось прикинуть, куда ткнуть его, если бросится. Но тип передумал бросаться, а может быть, просто имел привычку так смотреть во время спора. Он со злостью сказал: - Хорошо. Я вижу, время у тебя есть. Послушай, что расскажу. Ты жить только начинаешь, будет полезно.

- Люблю бывать на кладбище, - так он начал свой рассказ. - Особенно летом. Хожу по этим улицам, переулкам, пробираюсь боком по тропинкам среди оград, перешагиваю через неогороженные, опавшие холмики. Что-то в этом есть - для ума.

Мысли на кладбище приходят самые неожиданные. На то оно и кладбище, таинственное место: вроде пусто, а полно народу, вроде тихо, а мерещится, что все звуки мира застыли вокруг, как на снимке. Кладбище - это ведь хронография. Хронография чисто человеческого бытия. Жизнь подвижна, изменчива, часто неуловима, а фотография, например, позволяет нам в неё всмотреться, разглядеть фазы, детали, прояснить хоть немного её суть. Так и хронография: вроде фантастика, а ведь вот она жизнь, на поверхности. Хотя и зарыта в землю. Я думаю, Фауст показал высшую мудрость, когда вскричал: "Мгновенье, остановись!"

Итак, кладбище. Толькоходишь, сразу думаешь: табель о рангах. Ближе к воротам хоронят тех, кто в этой жизни больше весил. Почему? Тяжело тащить было?.. Может быть, перед судом Божиим все действительно стоят в одной очереди, я не видел, но кладбище - это ещё не тот свет! Это, так сказать, приёмный покой праотчества, предбанник. И в этом предбаннике - чем ближе к выходу, тем почётнее. И загородка вокруг могилки тем просторнее, чем шире в локтях родичи покойного. Или свита. Но вот парадокс: прощальный камень на грудь усопшему ставят тем тяжелее, чем больше добра он сделал оставшимся жить... В общем, не вижу равенства на земле.

И хорошо, что его нет.

И не надо.

Будет равенство - не о чем станет думать. Кого с кем сравнивать? Из чего делать выводы?

Пирамида египетского фараона поражает только с первого взгляда: вся эта монументальность и подгонка камней. Но рухнет ли она, если убрать краеугольный камень? Нет. Любой другой? Тоже нет. Единообразие, равнобочие, равновесие - образцовое равенство ДЛЯ КАМНЕЙ. А когда умер мой любимый поэт, рухнула вся та часть мира, которая на него опиралась. Если бы у меня был близкий человек и умер бы раньше меня, обвалилась бы ещё часть мира - огромная. И у тебя на лбу написано: если умрёт твоя единственная женщина, весь мир на тебя рухнет и задавит, а вместе с тобой что-то обрушится для тех, кто ценит тебя... Вот неравенство людей. Человечество - не пирамида и вообще не конструкция. Человечество - это великое неравенство, которого не решить всем математикам вселенной.

И хорошо, что так.

Может быть, наша смертность, наша конечность - одна из главных опор нашего неравенства. Из-за неё мы ставим себе цели, часто неосуществимые, спешим, надрываемся, безумно любим, совершаем подвиги и преступления. Из-за неё мы увековечиваем тех, кто умирает, в неосознанной надежде, что когда-то увековечат и нас. Все мы стремимся к бессмертию. То есть к равенству. То есть - к недостижимому.

И хорошо, что стремимся. Значит, живём.

И хорошо, что не достигнем. Это справедливо. Неравенство - признак справедливости. И даже при желании, при полном старании - никуда от него не денешься. Вон, посмотри ещё раз. Этим ребятам поставили всем одинаковые камни. Продемонстрировали СВОЁ отношение. Но равенства - то не добились! На одном камне пришлось написать "рядовой", на другом - "майор", на третьем - "лейтенант" но зато "Гвардии"...

Итак, я всё расставил по местам и дошёл до главного - до справедливости. Во-от на чём стоит

мир! Если бы убрать справедливость, мир бы рухнул целиком. Не мой и не чей-то ещё, а ВСЬ! Но справедливость нерушима. Она - закон природы! Её можно искать, найти, изучать, но её нельзя познать или истребить. А люди нередко пытаются делать то и другое одновременно. Пусть бы лучше пытались познать и истребить гравитацию... Кстати, "грейв" по-английски означает "могила" и пишется "grave". Прекрасная кладбищенская ассоциация! Ха-ха. Мы перед гравитацией пока что все-е-е равны. Всех тянет к центру планетки с силой, пропорциональной всего лишь весу каждого, в килограммах, а не в подвигах и не в заслугах. "Все там будем" - вот самая неопровержимая и самая справедливая из истин.

Рассказчик закурил плохую сигарету, несколько раз затянулся и продолжал.

- Вот тебе пример - покойник, которого только что зарыли.

Дали холостой залп, и никто уже не проведает. Доживал один, умер неоплаканный - справедливо это или нет? Ты знать не можешь. А я знаю. Потому что это я его убил.

Он сообщил ТАКОЕ вполне буднично и не стал вглядываться в ошеломлённого слушателя и наслаждаться произведённым эффектом. Он излагал концепцию, только и всего.

- Об этом Мишке я могу тебе рассказать, как о себе самом. Да я с него и начну, потому что все мои несчастья - от него.

Чтобы не было ошибки, я следил за ним год. Я пишу афиши в одном публичном учреждении. Кино, концерты... Денег не много, зато свободное время есть. И я ХРОНОГРАФИРОВАЛ его жизнь. Я его скрадывал и выслеживал. Я подглядывал за ним в щёлку. Я за ним в очередях стоял. Я с ним давился в автобусах...

Могу описать тебе один его день. Для примера. Чтобы ты понял, какой это был человек. Чтобы ты сам решил, жалеть этого героя или презирать.

Ну-с, так вот его день. День заслуженного пенсионера-фронтовика, прошу заметить. Для яркости возьмём тот день, когда он получает пенсию.

Во втором этаже старого дома на Малой Подгорной есть одна дверь. До неё надо целую минуту, с поворотами, идти мимо других дверей. По длинному скрипучему коридору. Плахи на полу век не крашены, хлябают и на стыках так стёрлись, что можно подвернуть ногу. Из них навстречу твоим шагам высовываются шляпки гвоздей, отполированные подошвами. На шляпках - обрывки половой тряпки. Стены в коридоре - обтёртые и облупленные. А вот двери - все разные, как оградки на кладбище. Тут уж, хоть и коммунальное, да своё. Кто её кожей обил, со струнами. Кто железом. Кто пластиком. Кто резьбой разукрасил. Кто просто краску нашёл поярче. У одного даже под Хохлому было расписано. А этот свою не обивал. Даже не красил. Когда его дома нет, на двери - два замка. Один амбарный, на кованых пробоях, а второй - чуть поменьше - на почтовом ящике. Ящик самодельный, сварной. Во всю ширину двери, чтоб больше вмещалось. Весь оклеен вырезками - названиями тех изданий, которые он выписывал. А выписывал он "Военный вестник", "Крылья Родины", "Авиацию и космонавтику", "Зарубежное военное обозрение", "Служу Отечеству", "Знаменосец", "Пограничник", "Военные знания", "Технику молодёжи", "За рубежом"... Ну, ты понял: всё, где водится военная тема, включая газетку нашего военного округа и, конечно, "Звёздочку".

- Какую звёздочку? - не понял Евгений. Рассказчик посмотрел осуждающе.

- "Красную звезду", газету министерства обороны. Надо знать. А впрочем, неважно. Чего не поймёшь, спрашивай сразу.

Ну-с, так вот его день.

В семь утра гремел крючок, дверь с почтовым ящиком распахивалась, и Мишка... Впрочем, это для меня он Мишка. Для тебя пусть будет майор Прохоров. Ради объективности... Итак, распахивается дверь. Он раньше всех, пока в санузле нет очереди, отправляет утренние нужды и возвращается в свою берлогу. В этой берлоге я бывал без него. Подобрал ключ к амбарному замку. Может пригодиться, опишу. Комната большая, пять на шесть. Потолок высокий, давно закопчённый куревом. Железная кровать, заправленная по-армейски. Над ней - вместо ковра - к стене приколплены газеты десятилетней свежести. И висят над кроватью на гвоздях, на плечиках, пять кителей с майорскими знаками различия. На одном, парадном, самом старом - все его награды: три "Звёздочки" (потемнее, чем твоя), "Отечественная война" второй степени, ну и медали, как у всех, кто уцелел - "За Победу" и юбилейные... Всё, что надо для гигиены, он держал на окнах. Имелись также две табуретки и огромный миллиардный стол без сеток. Стол был завален мемуарной и специальной военной литературой. От пыли всё покрыто газетами. Журналы - стопами вдоль свободной стены. Бутылок не было - дома он не пил... Да, была ещё полка с его записями - что-то о тактике воздушного боя. Вот такая обстановка.

Напротив его окон - старые тополя. С одного я и наблюдал вечерами, чем этот Прохоров занимается... Но продолжим по порядку с утра.

Утро бывшего майора Прохорова. О, это полотно! Это - "Переход Суворова через Альпы"! Он бежал на месте. Потом делал упражнения. С гантелями и резинками. Потом обтирался двумя полотенцами - мокрым и сухим. Потом брился опасной бритвой зольингенской стали, которую правил на специальном ремне, висящем на специальном гвозде. Действо! Ритуал! А ради чего? Скоро узнаешь.

Вот наш майор, обрядившись в соответствующую погоде форму одежды, только без погон, совершает километровый марш-бросок до почтового отделения. Там ему выдают пенсию. Не самую маленькую, надо сказать. Вдвое больше моей зарплаты. Майор тут же садится за столик, вынимает из внутреннего кармана шпаргалку и начинает раскладывать деньги по статьям расхода... Однажды в День Победы он надел старый китель с погонами и наградами и ушёл на парад ветеранов, а я достал из другого кармана эту шпаргалку и ознакомился. Роман! Вся личная жизнь героя великой войны - на одном листочке в блокноте! Неважно, если не вспомню каких-то мелочей, но в основном это выглядело так:

Гигиена - сумма на месяц.

Подписка - сумма на месяц, отложить.

Одежда и обувь - за счёт военкомата.

За комнату - сумма на месяц.

Питание - расход в день, сумма на месяц.

На пропой - бутылка в день, сумма на месяц.

Курево (он курил "Беломор") - пачка в день, сумма на месяц.

Неожиданности - сумма на месяц.

ИТОГО - месячная пенсия.

Евгений сказал этому человеку, что поражён точностью его памяти. Тип резко рассмеялся.

- Я тогда тоже поразился, потому и запомнил. Слушай дальше.

Получая пенсию, он всегда просил в кассе деньги помельче. Чтобы сразу разложить по статьям. Разложив, соединял купюры скрепочками и прятал в бумажник. А в кошелек засовывал только прожиточно-пропойный минимум.

Чтобы наблюдать за ним, я завёл сберкнижку. Клад на неё гроши и каждый раз потешался над кислой миной кассирши. Зато я видел, с каким выражением они подглядывали через свой барьер за бухгалтерией Прохорова. Делали большие глаза и кивали друг дружке: до чего, мол, восхитительный педант. Они его уважали. А я жалел, что не могу - ни с того ни с сего - начать им рассказывать, что это за человек.

Ну-с, продолжим. Отставной майор Прохоров сунул кошелек в карман и, провожаемый, как прожекторами, восхищёнными взорами кредитных дам, выпорхнул на улицу. Я, как перехватчик, следом. Самолёт противника скрывается в облаке, на котором вывеска "Соки-Воды". И выныривает с потяжелевшим подвесным баком. Я продолжаю преследование, оставаясь незамеченным. Прохоров скрывается в гастрономе. Там его балетка тяжелеет ещё на две купюры - принял на борт закуску. Я точно знаю, что к бутылке водки прибавился кусок колбасы, немного хлеба, масла и пакетик "дунькиной радости" - к вечернему чаю.

- Что за "дунькина радость"? - спросил Евгений.

- Карамель-подушечка, - ответил рассказчик. - Самая дешёвая, потому что на эссенции: вредно для здоровья.

- Ну-с, продолжал он, - от дневного минимума осталось несколько монет, которые будут присоединены к "неожиданностям". Наблюдаем дальше. Вот пришла пора герою уединиться на природе. Он добирается до обрыва над рекой и, как говорят авиаторы, зависает. Над простором. Обрыв - метров пятьдесят, просторы широки, речка всегда радостна для глаза. Я там стоял после него и представлял, что я - это он. Набегающие облака усиливали ощущение полёта, хотелось оттолкнуться от обрыва. Я ведь всё же художник, воображение есть. Я заходил на штурмовку, давил гашетку и брал ручку на себя... Впрочем, я идеализирую в нём лётчика. Был бы он настоящим пилотом, летал бы до сих пор, а не шлялся и не пил. Может быть, стоя над простором, он не полёт себе представлял. Может, он боролся с искушением броситься вниз головой и кончить свои мучения. Надеюсь, мучения у него были...

Наторчавшись у простора, он делал правый разворот и летел метров сто переменными курсами вдоль самой кромки обрыва, пока не упирался в беседку. Круглая такая беседка стояла на самом краешке, очень опасно, к ней уже боялись подходить. А он забирался внутрь. И на единственной целой скамейке открывал свою балетку. Стелил клеёнку. Выставлял столовый прибор, стопочку - да-да! - даже салфетки. Обслуживал себя по первому разряду. Вот бы кассирши умилились! Ну просто ресторация на свежем воздухе. Над головой экстравагантная кровля - шатёр! - никто не смеет

мешать, даже милиция, потому что все боятся перегрузить ковчег и улететь в обрыв. Круглый год можно пировать. Что он и делал, между прочим... Вот выпил первую стопочку, закусил. Достал из балетки что-нибудь свежее по военному искусству и, как говорят пьяницы, начал "чувствовать". Вступил в беседу с автором какой-нибудь статьи о действиях какого-нибудь авиакрыла в какой-нибудь вьетнамской или арабской кампании. Читал быстро. Качал головой и делал пометки, прямо на полях. Пока дочитывал (я чуть не сказал - "работал"), выпивал всю бутылку. Часами смотрел в обрыв. Или просто под ноги. Или вставал, облакачивался на перила и созерцал простор. На ужас милиции и всем гуляющим... В хорошую погоду это как-то можно было понять. Но когда в лицо ему несло мокрый снег - часами! - лично на меня находила жуть. Когда вспоминаю эти моменты, мне кажется, что убийством я только оказал ему услугу.

Рассказчик выплюнул под ноги давно погасший окурок, закурил снова, глубоко затянулся и надолго задержал дым в лёгких. Евгений подумал, что, наверно, этот человек духовно близок тому, о ком с таким презрением рассказывает. И, возможно, поэтому кончина Прохорова, в которой он так настойчиво себя обвиняет, нарушила его собственную привязанность к жизни: долгожданная победа оказалась вершиной, за которой нет ничего, кроме обрыва, подобного тому, над которым тосковал о чём-то покойный майор.

- Ну-с, дальше рассказывать о Прохорове почти нечего. Общение с бутылкой равнялось почти целому рабочему дню. До и после беседки он нахаживал пешком 8-10 километров, практически весь алкоголь этой ходьбой сжигая. Во время движения оставлял пустую бутылку рядом с какой-нибудь урной - для опустившихся ниже, чем он, и наконец оказывался перед своим миллиардным столом. Делал выписки из прочитанного за день. Складывал прочитанное в соответствующую стопу у стены. Сдвигал книги на столе и что-нибудь писал, никуда не заглядывая. За десять минут до конца занятий включал универсальную кофеварку "Экспресс" (очень хорошая, дорогая вещь, он купил её, надо полагать, давным-давно за счёт статьи "неожиданности"). Заваривал не очень крепкий чай. Съедал с ним остатки принесённых продуктов. Потом осуществлял гигиену и отходил ко сну.

- Он ел совсем мало? - спросил Евгений.
  - Да ему хватало алкогольных калорий.
  - Он был болен?
  - Он был изношен. Его жизнь кончалась.
  - Это весь рассказ?
  - Это вступление. Рассказ - впереди. Будешь слушать?
- Евгений кивнул.

- Ну-с, был у меня совсем маленький магнитофончик. Из самых первых в ширпотребе. "Электрон". У нас его показывали в шпионских фильмах. Больше ни на что не годился. Три слабых батарейки, плёнки всего на 15 минут, микрофон-таблетка и прослушивание через него же - еле слышно. Отнёс я его знакомым ребятам, подшаманили. Теперь крутит час в одну сторону, и слышно вполне. Вот он...

Из оттопыренного кармана брюк рассказчик вытащил плоскую никелированную коробочку с прозрачной крышкой, под которой виднелись две катушки с плёнкой.

- Держи пока. Скажу - нажмёшь эту кнопку. Только закончу предисловие. Два дня назад я решил, что пришло время для операции "Должок". Сунул эту машинку в карман и пошёл перед отбоем к майору. Микрофон вывел в рукав, чтобы последняя точка зафиксировалась как следует.

- Какая точка?

- Ну, ты ведь не думаешь, что я стал бы его резать ножом?левой в корпус, потом правой по голове. При хорошей сноровке этого человеку довольно. А рука у меня тяжёлая...

- Боксёр?

- Неважно. Вообще неважно, кто я, кто ты. Важно какие мы и что мы умеем - КАК ЛЮДИ. Верно? Ну вот. Постучался я в дверь и включил запись. Теперь нажми и узнаешь всё остальное.

Евгений нажал указанную кнопку.

- Ко мне? - раздался мужской голос. Он был хриловат и маловыразителен.

- К тебе, Прохоров, - ответил негромко голос рассказчика. Дальнейшее Евгений слушал как радиопьесу, даже порой забывал, что одно из действующих лиц сидит рядом и покуривает.

Голос другого звучал, будто из свежей могилы.

ПРОХОРОВ. К незнакомым надо обращаться на "вы".

ГОСТЬ. Вот и обращайся. А ты мне хорошо знаком. Пусти.

ПРОХОРОВ. Ну, входи, познакомимся.

Хлопнула дверь, близко от микрофона резко щёлкнул металл.

ПРОХОРОВ. Дверь-то зачем запер?

ГОСТЬ. Должок возьму без свидетелей. И не пытайся бежать.

ПРОХОРОВ. От немца не бегали. И от своих не побежим.

ГОСТЬ. Сейчас узнаешь, какой я тебе свой.

ПРОХОРОВ. Меня пугаешь, а сам занавесочки задёргиваешь.

ГОСТЬ. Ну и что?

ПРОХОРОВ. Значит, боишься.

ГОСТЬ. Ничего, моё дело правое. Садись, поговорим.

Скрип табуретки под ГОСТЕМ.

ПРОХОРОВ. Ну, слушаю.

ГОСТЬ. В Ростове-на-Дону жил?

ПРОХОРОВ. Служил.

ГОСТЬ. Улицу Брянскую помнишь?

ПРОХОРОВ. Ну как же. По этой улице ходил в часть. Наши все ходили по ней.

ГОСТЬ. И Валю из библиотеки помнишь?

ПРОХОРОВ (после паузы). Помню.

ГОСТЬ. Очень хорошо. Поехали дальше. В тюрьме сидел?

ПРОХОРОВ. Ну, это, положим, тебя не касается.

ГОСТЬ. Ладно... Ладно, па-па-ня... Нет уж, молчи и не перебивай. Слушай, что я скажу. Будь мужчиной раз в жизни, а то могу не удержаться, а рука у меня тяжёлая.

ПРОХОРОВ. Говори, герой. Послушаем.

ГОСТЬ. Ничего, скоро не так улыбнёшься... Мой папа - настоящий - был танкистом. Кончил училище в сорок первом. Моя мама только закончила тогда школу. И сразу вышла за него. А утром он уехал на фронт. И больше они не виделись. Я родился... когда полагалось. Отца знаю по фотокарточкам. Он матери много писал. Всё карандашом. Погиб летом сорок четвёртого. Где-то под Смоленском. Лежит в братской могиле у Минского шоссе. Их там почти четыре тысячи. И "вечный огонь" - газовый факелок. Моя мать умерла... в пятидесятом. Тебе в пятидесятом ничего не запомнилось?

ПРОХОРОВ. Есть кое-что.

ГОСТЬ. Тоже не моё дело?

ПРОХОРОВ. Да пожалуй.

ГОСТЬ. Ладно. Слушай дальше. Рос я у тётки. Мегера, каких мало. Унижала всю жизнь. Она этого, впрочем, не понимала - ущербная от рождения. Кое-как школу кончил, сразу уехал на целину, в Казахстан. Разнорабочим на стройку. Не понравилось - ветры там сильные. Тут как раз - в армию. Отслужил. Вышел оттуда кем? Только убийцей. Гражданская специальность прежняя - разнорабочий. Куда? В институт? Ушёл поезд: и так знал мало, а в армии и это забыл. В техникум? А что там жевать я буду на их стипендию? Не у тётки же помощи просить, унижаться. Короче, так: на Братскую ГЭС, на стройку века, по специальности, а там поглядим. Только начал смотреть там, чему бы научиться, меня самого разглядели: "Рисуешь? Будешь художником-оформителем". Ну, дальше можно много рассказывать, да незачем. Так оформителем и остался. Вся жизнь - только прожиточный минимум. Ни семьи не создал, ни в люди не выбился.

ПРОХОРОВ. Ты что же, человек без увлечений?

ГОСТЬ. Нет, зачем так? Вся жизнь я посвятил одному увлечению. Писал письма, навёл справки, переезжал из города в город. А цели достиг только сегодня. Да и то...

ПРОХОРОВ. Что же это за цель?

ГОСТЬ. А ты посмотри на меня. Можешь ты представить, чтобы при ЖИВЫХ родителях из человека вырос вот такой никчёмный тип?

ПРОХОРОВ. Не такой уж ты никчёмный. А вообще - сколько угодно: родители - приличные люди, а дети - ворьё, хулиганьё и пьянь. Лично встречал, только...

ГОСТЬ. А ты крайности не бери. Представь, что меня вырастила не тётка-мегера, а родная мама. Она позволила бы мне учиться как попало? Она отпустила бы меня слоняться по свету? Без доброго совета она бы меня оставила?.. То-то. Я родился не подонком, а только-натолько неорганизованным человеком, без стержня. Кто бы во мне этот стержень развил? Мама! Об отце вообще молчу. С ним бы я горы свернул. Но он-то положил голову. За нас с тобой, майор! А мама - за что сгинула? За что - можешь ты мне честно сказать, если ты ещё хоть немного мужчина?

ПРОХОРОВ. Станный вопрос. От чего умерла Валя твоя мать?

ГОСТЬ. Ах ты... Он не знает, от чего умерла Валя из библиотеки!.. Ну-ка, экс-майор... Лучше сам вспомни...

ПРОХОРОВ. Валя из библиотеки? Твоя мать?

ГОСТЬ. Да-а-а! Вспомнил!

Долгая пауза.

ПРОХОРОВ. Я-то сразу не связал. Не похож ты на неё.

ГОСТЬ. Я на неё был похож. В детстве. Теперь - на отца.

ПРОХОРОВ. Тебя как зовут-то?

ГОСТЬ. Забыл?!.. Да, конечно, ты думал, что и в меня попал... Нет уж! Не говори ничего!.. Молчи, я сказал!

ПРОХОРОВ. Дай же слово вставить...

ГОСТЬ. Хватит, уже вставил. Будем кончать. Звук тупого удара - видимо, кулаком по колену. Скрип дерева. Отдалённые звуки движений ПРОХОРОВА. Металлический щелчок. Невнятный возглас ГОСТЯ. Властный окрик ПРОХОРОВА.

ПРОХОРОВ. Сядь! Твоя очередь слушать.

ГОСТЬ. Он у тебя не заряжен.

Немедленно за этими словами - резкий хлопок и скрип табуретки под ГОСТЕМ.

ПРОХОРОВ. Заряжен, как видишь.

ГОСТЬ. Что ж ты в пол? Мог бы сразу в меня. Небось, на этот раз попал бы.

ПРОХОРОВ. Не стрелял я в вас.

Даже издали слышно, как тяжело дышится ПРОХОРОВУ.

ГОСТЬ. Зачем же врать? Я всё знаю.

ПРОХОРОВ (с сильной усталостью в голосе). Ну кто тебе это сказал?

ГОСТЬ. Это неважно. Одна знакомая.

ПРОХОРОВ. ОБС...

ГОСТЬ. Что?

ПРОХОРОВ. Есть такое выражение: одна баба сказала. Но я знаю, какая. Твоя тётка.

ГОСТЬ. Ну и что?

ПРОХОРОВ. Да, тут-то ты ей, мегере, поверил. А может, у неё были причины тебя обмануть? Может, она сама...

ГОСТЬ. Выкручивайся, давай! Без пистолета ты бы не выкрутился. Все вы в тылу герои против безоружных.

ПРОХОРОВ (задыхаясь). Ты-ы... Щенок...

ГОСТЬ. Давай, давай! Нажми, только не промахнись. Если бы ты на фронте получше стрелял, может, мой отец вернулся бы живым.

ПРОХОРОВ. Ах, щенок... Ты посмотри вон туда... Видишь три звёздочки на кителе? Каждая - капелька моей крови... За каждой из них... Я в трёх самолётах горел - ты не знаешь, что это такое... Их семеро, ты - один... Я их сбил двенадцать человек. Они все были истребители, драться умели... Что ты знаешь... Когда от перегрузки глаза лопаются, а надо выстрелить и попасть... Ты думаешь, двенадцать - это мало? Двенадцать раз убить - это столько же раз умереть самому... И жить без неба - это всё равно что не жить...

ГОСТЬ. Но ты живёшь. А мой батя...

ПРОХОРОВ. Дурачок. Ты ничего не понял. Ладно, уходи. И больше не появляйся. Не я убил твою мать... Вот тётку - стоило бы. Уходи.

ГОСТЬ. Ну, уж нет! Взятся, так досказывай.

Долгая пауза.

ПРОХОРОВ. О-о-ох-х-х... Тяжко...

ГОСТЬ. Валидолу дать?

ПРОХОРОВ. Валидол? Ты уже сердечник... Глупо... Нет, мне не надо. Водку лекарствами не закусывают. И не для того пьют... Уйти пора бы (стук пистолетной рукоятки по дереву) - рука не поднимается точку поставить.

ГОСТЬ. На нас тогда поднялась.

ПРОХОРОВ. И-и-и, какой упрямый... Чёрт с тобой, расскажу кое-что. Про тётку твою рассказывать не стану. А про мать, что знаю, расскажу. У меня с ней ничего не было. Да и с тёткой твоей... так... Валю в части все любили. Многие влюблялись. Знали, что мужа потеряла, сватались. А она выбрала проезжего. Задержался у нас на месяц один майор из... Кутаиси, кажется. Верно, его Мишкой звали, как и меня. Фамилию не помню. Увёз он Валю в Грузию. Тебя, наверно, тоже...

ГОСТЬ. "Наверно"... Забыл?

ПРОХОРОВ. Всё ещё не веришь... Ну что ж... Летом он её увёз, летом она и вернулась. Причин не знаю. Он вернулся следом и застрелил её. Говорили, что пьяный был...

Длинная пауза.

ГОСТЬ. Что же ты? Досказывай. Про НЕГО. Что с НИМ стало?

ПРОХОРОВ. А ты не знаешь?

ГОСТЬ. Помню, как услышал выстрелы в спальне. Мать выбежала в коридор, на ней платье мелкими цветочками - оно мне нравилось, потом во сне в нём приходила... Побежала в кухню и упала на пороге, как-то боком... Я почему-то оказался у двери во двор. Наверно, она меня туда толкнула, а сама, чтобы ЕГО отвлечь - в другую сторону... Помню, как бежали с бабушкой куда-то. Потом - снова провал. Потом - едем в кузове "студебеккера", и солдаты набивают диски патронами... Как ЕГО

брали, не помню, не видел. Меня не подпустили к дому. Кажется, без стрельбы... Если бы я помнил ЕГО лицо, я бы за тобой так долго не следил. Но он, как и ты, мордатый был.

ПРОХОРОВ. Сколько тебе было лет?

ГОСТЬ. Через день после похорон пошёл в первый класс... Жаль, что не запомнилось лицо. Почему - не знаю. Может, от испуга. Защитная реакция. Говорили, что ОН и в меня стрелял.

ПРОХОРОВ бормочет что-то невнятно.

ГОСТЬ. Что?

ПРОХОРОВ. Я говорю: "Бедный мальчик".

ГОСТЬ. Ох, твоё счастье, что ты с пистолетом! Быть бы тебе бедным...

ПРОХОРОВ. А мне теперь и гнать тебя жалко. Если б твоя тётюшка... Иначе бы всё... Какие тонкие нервы... И вся жизнь - насмарку...

ГОСТЬ. Тебе меня жалко. Снизошёл... Ничего, скоро сам уйду. Ответь только ещё на один вопрос.

ПРОХОРОВ. Слушаю.

ГОСТЬ. За что сидел? Только честно. Я увижу.

ПРОХОРОВ. Честно... Всем надо, чтоб другие были честными.

Пауза, наполненная тяжёлым хрипом.

ПРОХОРОВ. Ну, слушай... В самом деле... Мы оба - перед лицом смерти... Только мне - скорее. Значит, пора исповедоваться. Слушай, сынок... Извини, что так назвал, это фигурально... Я своих после войны никого не нашёл. Сгинули в оккупации... (ПРОХОРОВ долго и тяжело кашлял, но потом заговорил ровнее). В пятидесятом году меня списали из лётно-подъёмного состава. Все фронтовые раны начали в мирное время болеть, а техника новая... Вестибулярный аппарат - того... Словом, оставили из милости на кухне: назначили в аэроклуб, начальником парашютного звена. И дали пенсию... Хозяйство принял запущенное. Через месяц, едва вошёл в курс, у меня ЧП. Курсант-призывник попался психованный. На третьем прыжке надо было раскрывать парашют самому, а он - забыл. И до самой земли не вспомнил. Высота была... Разбился, словом. Я оказался крайним, дали срок. Правда, небольшой, полтора года. Но вот бывает, что человеку не везёт. На штурмовках в мою машину дважды попадали зенитные снаряды. Раз висячий мост подо мной, под одним, оборвался. Сейчас вот ты... А тогда, в лагере, встретил я своего бывшего ведомого. Он мне третью машину погубил. Испугался, отдал меня семерым "мессерам"... Я к своим выбирался долго, три месяца. Да пока лечился... Приехал в часть - его уже куда-то перевели. Ребята рассказывали, что он после того боя, когда меня бросил, наврал насчёт шального зенитного снаряда... И вот в лагере его снова дают мне в напарники. А там все друг у друга статью знают. И я узнал, что был он после того боя где-то снабженцем, потом демобилизовался, заведовал складом и сел за хищения. Это я узнал не от него. С ним мы поговорили только раз. Не удержался, двинул молотком по голове и получил второй срок - на этот раз за преднамеренное убийство. Словом, посидел крепко... Вышел, правда, досрочно, по амнистии. И награды, и пенсию мне восстановили. Вот - доживаю. Дожил уже... Сколько немецких душ на фронте загубил - точно не знаю. А своих - только две души на мне. Одна несчастная, того парашютиста, а вторая - насквозь нечистая. Больше грехов не имею, так на Страшном Суде и доложу.

В хриплом голосе ПРОХОРОВА слышалась надежда, но ГОСТЬ ответил резко и зло.

ГОСТЬ. Знаем, какие вы святые. Работал я с зеками на стройке. Какого ни возьми, все ангелы, все без вины. А спросишь у воспитателя - не убийство, так разбой.

ПРОХОРОВ. Не веришь...

ГОСТЬ. И не поверю! Если бы не пистолет, не жить бы тебе! Но я тебя всё равно достану. За отца мне, наверно, уже не расквитаться, а за мать - не уйдёшь!

ПРОХОРОВ. А не боишься, что я тебя сейчас уложу?

ГОСТЬ. Не-е-ет! Ты же трус!

ПРОХОРОВ. А ты - дурак. Мне ведь сейчас терять нечего. Мне давно нечего терять... И бояться нечего. Да я трусом никогда и не был. Тебе первому показалось...

ГОСТЬ. Был бы не трус, давно бы точку поставил. И мне бы сейчас не врал. Про ведомых, про парашюты... Знаем!

ПРОХОРОВ (опять задыхаясь). Ну чем же тебе доказать, бедолага?..

ГОСТЬ. Был бы невиновен, не стал бы оправдываться.

ПРОХОРОВ. Пошёл... вон... дурак... Скорее...

Из магнитофона донёсся стук чего-то твёрдого об пол и шум падения тела, глухой хриплый стон, неразборчивые возгласы ГОСТЯ, затем шумы смешались.

"Никчёмный тип" бросил под ноги очередной окурочек и протянул руку за своим аппаратом.

- Дальше там ничего нет, - он посмотрел на Евгения очень внимательно и сразу спросил: - Ну, что скажешь?

- Да, - пробормотал Евгений, - это ты его убил.
- Но ты сомневался в этом до самого конца, я видел. Насчёт его вины что думаешь?
Евгений без колебаний ответил, что считает Прохорова невиновным.
- У тебя это на лбу написано, - зло сказал тип. - Я знал, что его честный голос собьёт хоть кого. Он и меня бы сбил. Но я-то смотрел ему в глаза, когда он врал! Я-то видел, что он - врёт!!
- А может быть, - сказал Евгений осторожно, - ты видел то, что хотел видеть?
- Нет!! - Он выкрикнул и, разрядившись, сразу успокоился. - Можно ли допустить такое совпадение, чтобы в один год за разные убийства сели в тюрьму два лётчика из одного округа, оба - майоры, знавшие друг друга и одну и ту же женщину?! Два Михаила притом! И чтобы невинный не помнил фамилию виновного в столь шумном деле? И чтобы он не помнил имени племяша своей любовницы?.. Да всё шито белыми нитками!
- Забыть имена и фамилии можно легко, - возразил Евгений, - особенно после таких ран. А прочие совпадения, хоть с трудом, но всё же возможны. Его рассказ мне показался очень правдивым. Он ведь чувствовал, что сейчас умрёт. Зачем ему было врать перед Страшным Судом...
- Не знаешь ты зеков, - усмехнулся тип. - Они профессионалов обманывают, а уж нас с тобой...
- Ну, какой смысл тащить ложь в могилу? Он ведь и в самом деле тебя не боялся...
- Да чёрт с тобой, - сказал тип и спрятал магнитофон. - И с ним. И с нами со всеми. Каждый получает своё. Я тоже человек конченный. Как и он был. Но мы по-разному конченные. И в этом нет равенства. И не нужно... И не отвечай мне. Моё мнение уже не изменится.
Он снова извлёк магнитофон и начал перематывать плёнку.
Евгений встал, покосился на каменные ряды, кивнул дедовой могиле и пошёл прочь.
Сзади забормотал магнитофон. Тип искал истину. Искал оправдание своей никчёмной жизни.

Томск, 27.7.97.

ОГЛАВЛЕНИЕ	Стр.
Часть I. СУПЕРМЕНЫ	
Дотошный внук	1
Первая и единственная	2
Шаровая молния	6
"Рогатая смерть" и "виннипухи"	10
"Повелитель стихий"	19
Цена справедливости	25
Эпилог первый	30
Часть II. ИСКУШЕНИЕ СМЕРТЬЮ	
Заботливый дед	30
Первый звонок	31
Второй звонок	51
Марина и машина	58
Червь подозрений	60
Серебряные пули	61
Обглоданная косточка	69
Обречён на одиночество	72
Рандеву с демоном	74
Шустрые покойники	77
Счастливый конец	82
Эпилог второй. Третьего звонка не было	90
Приложение. Никчёмный тип	91